
ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

№ 1 (23)

2016

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –
ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

д.ю.н., профессор Гилинский Я.И. (СПб., РГПУ им. Герцена)
д.ю.н., доцент Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н., Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, СЮИ ФСКН России)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, УЮИ МВД России)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР Малков В.П. (Казань, КЮИ МВД России)
д.техн.н., профессор Минниханов Р.Н. (Казань, Управление ГИБДД МВД по РТ)
д.пед.н., профессор Габдулхаков В.Ф. (К(П)ФУ)
д.ю.н., профессор Безверхов А.Г. (Самара, СГАУ им. С.П. Королева)
д.с.н., профессор Балахонский В.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
д.ю.н., профессор Варыгин А.Н. (Саратов, СГЮА)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент Зиннуров Ф.К., начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент Миронов С.Н., заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., профессор кафедры криминалистики
д.ю.н. Алиуллов Р.Р., начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД
д.с.н., профессор Комлев Ю.Ю., начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии
д.э.н., профессор Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности ОВД
д.пед.н., профессор Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
д.ю.н., доцент Андреев М.В., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., начальник кафедры уголовного права
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
к.ю.н., доцент Шалагин А.Е., начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакционно-издательского отделения

Выходит с 2010 года ежеквартально

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-50418 от 29 июня 2012 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования

Журнал распространяется только по подписке

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Корректоры О.Н. Хрусталева, Н.А. Климанова Дизайн, верстка Л.А. Ризванова Перевод Г.Г. Тазеев

© Казанский юридический институт МВД России. Редакционно-издательское отделение
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России: 420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35

Подписано в печать 15.02.2016 г. Формат 60x84 1/8 Усл.печ.л.13,85 Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

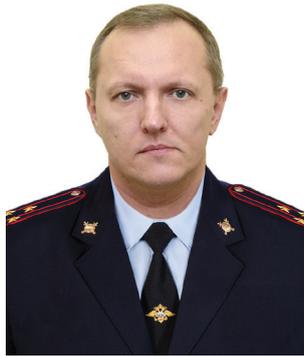
<i>CONTENTS</i>	4
<u>ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО</u>	
Карнаушенко Л.В. Расовая и марксистская теории государства в социальной реальности начала XXI в.	6
Белов Е.А. Изучение неформальной занятости населения в динамике статистического анализа и качественных методов исследования	11
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО и КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Готчина Л.В., Григорьев А.Г. Правовая оценка управленческих связей координации природоохранной деятельности и взаимодействия в пределах компетенции пограничных органов	16
Рогова Е.В. Место учения о дифференциации уголовной ответственности в науке уголовного права	21
Шайдуллина Э.Д. Контрабанда алкогольной продукции (ст. 200.2 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации	26
Шалагин А.Е., Усманов И.М. Современная наркоситуация в Российской Федерации: тенденции, прогноз, меры противодействия	30
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Хатуяева В.В. Некоторые вопросы детерминации места института реабилитации в системе уголовно-процессуального права	35
Дубровин С.В. Общие положения габитологии – криминалистического учения о внешнем облике человека	39
Колосович М.С. Современные вопросы процессуальной регламентации негласного производства и взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений	48
Нурутдинов И.И. Опыт и перспективы противодействия ваххабизму в Российской Федерации	54
Грибунов О.П. Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: отдельные аспекты современного состояния	59
<u>ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ</u>	
Беляев В.А., Иванова И.А. Социополитические воззрения ветеранов войн в регионе	63
Петров В.Е., Мальцева Т.В. Исследование моделей оценивания и прогнозирования имиджа сотрудников дорожно-патрульной службы	70
Сироткин Ю.Л. Человек как историческая индивидуальность	75

Воронин С.Э., Кузнецова С.М.	
Психологический портрет организатора преступного сообщества	80
Свеженцева И.Б.	
Влияние коллективного взаимодействия на процесс формирования профессионально-нравственной устойчивости курсантов в образовательных организациях МВД России	87
 <u>Трибуна Молодым</u>	
Лощинкин В.В.	
К вопросу о юридической природе принудительных мер медицинского характера	92
Черняков С.А.	
Латентность мошенничеств, совершаемых с использованием банковских гарантий	97
Русинов И.А.	
Признаки объективной стороны неправомерных деяний при банкротстве и их уголовно-правовая оценка (ч. 1 ст. 195 УК РФ)	103
Авдеева Е.В.	
Инновационное развитие процесса компьютерной психодиагностики на базе автоматизированного рабочего места психолога ОВД PsychoTest	107
Нефедьев А.С.	
О влиянии характеристики личности преступника и его жертвы на раскрытие убийств прошлых лет	111
Бутинов К.В.	
Роль гражданско-патриотических ценностей в подготовке офицера полиции	116
Кормильцева С.О.	
Уголовная ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр	119
Рашитов Л.Р.	
Криминологическая характеристика преступлений в сфере незаконной миграции и их предупреждение	124
Артёмов С.В.	
К вопросу о законодательном регулировании участия педагога в уголовном судопроизводстве	129
 <u>НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ</u>	
Агапов П.В.	
Отзыв о диссертации Дрожжиной Е.А. на тему «Общественная безопасность как объект преступления»	134
 <u>ABSTRACTS AND KEY WORDS</u>	
	139
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	143

<u>CONTENTS</u>	4
 <u>STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW</u>	
Karnaushenko L.V. Racial and Marxist theory of state in the social reality of the early XXI century	6
Belov E.A. The study of informal employment in the dynamics of the statistical analysis and qualitative research methods	11
 <u>CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY</u>	
Gotchina L.V., Grigoryev A.G. Legal appraisal of management relations of coordination of environmental activities and interaction within the competence of the border authorities	16
Rogova E.V. Place of the doctrine of criminal responsibility of differentiation in the science of criminal law	21
Shaydullina E.D. The smuggling of alcoholic products (Art. 200.2 of the Criminal code of Russian Federation): criminal law characteristic and qualification questions	26
Shalagin A.E., Usmanov I.M. The modern narcosituation in the Russian Federation: trends, forecast, countermeasures	30
 <u>A CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS</u>	
Hatuaeva V.V. Some questions of the determination of the place of the institute of rehabilitation in the system of the criminal procedure right	35
Dubrovin S.V. General provisions of gabitology - forensic doctrine about human appearance	39
Kolosovich M.S. Current issues of the procedural regulation of covert production and interaction of the investigator with the staff of the operational units	48
Nurutdinov I.I. The History and perspectives of combating wahhabism in Russian Federation	54
Gribunov O.P. Technical and criminalistic ensuring the disclosure and investigation of crimes: some aspects of the current condition	59
 <u>HUMANITIES</u>	
Belyaev V.A., Ivanova I.A. Sociopolitical Views of Regional War Veterans	63
Petrov V.E., Maltseva T.V. Study of models of assessment and forecasting of the image of employees dorozhno-patrol service	70
Sirotkin Y.L. Man as a historical personality	75

Voronin S.E., Kuznetsova S.M.	
The psychological portrait of the organizer of criminal community	80
Svezhentseva I.B.	
Influence of collective interaction on the process of formation of professional-moral stability of students in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia	87
 <u>TRIBUNE for the YOUNG</u>	
Loschinkin V.V.	
To the question of the nature of the legal compulsory medical measures	92
Chernyakov S.A.	
The latency of fraud committed with the use of bank guarantees	97
Rusinov I.A.	
The signs of the objective side of wrongful acts at bankruptcy and criminal - legal evaluation (Part 1, Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation)	103
Avdeeva E.V.	
An innovative-development of computer-based psycho-diagnostics workstation of Psychologist of Interior PsychoTest	107
Nefedyev A.S.	
About influence of the characteristic of the identity of a criminal and his victim on disclosure of murders of the last years	111
Butinov K.V.	
The role of civic-patriotic values in training police officers	116
Kormil'tseva S.O.	
Criminal responsibility for illegal organization and conduct of gambling	119
Rashitov L.R.	
Criminological characteristics of crimes in sphere of illegal migration and their prevention	124
Artemov S.V.	
To the question of legislative regulation of the educator's participation in the criminal justice process	129
 <u>RESEARCH REVIEWS AND NOTICES</u>	
Agapov P.V.	
Review detail Drozhzhinov E.A. on «Public safety as the object of the crime»	134
 <u>ABSTRACTS AND KEY WORDS</u>	
	139
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	

УДК 342.4

Л.В. Карнаушенко

РАСОВАЯ И МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ НАЧАЛА XXI В.

Среди множества теорий государства выделяются марксистская и расовая, которые постулируют необходимость и целесообразность применения насилия против определенных сегментов общества. Выдвигая расово-этнические или социально-классовые группы в качестве «мишеней» осуществления насильственных действий, представители этих теорий провозглашают, таким образом, эффективный способ построения «идеального» государства. Несмотря на то, что в начале XXI в. марксистская и расовая теории государства утратили прежний научный, идеологический и практический потенциал, не представляется возможным утверждать, что они стали лишь достоянием истории, а их ренессанс уже не состоится.

Ключевые слова: государство, теории государства, трансформирующееся общество начала XXI в., расовая теория, марксистская теория.

Государство – сложный объект междисциплинарного научного анализа. На протяжении тысячелетий ученые предлагали различные интерпретации понятия «государство», выражали собственное понимание атрибутивных признаков государства как институциональной системы. Так, Ф. Хайек утверждал, что государство – это организация, сознательно создаваемая совместно проживающими людьми в целях единообразного управления. По мнению исследователя, «эта организация ни в коем случае не идентична самому обществу... она ограничена правительственным аппаратом» [1, с. 41]. Б. Бади и П. Бирнбаум аналогичным образом анализировали государство как «хорошо организованную машину власти вместе с находящимися у нее в услужении гражданскими чиновниками и вооруженными силами» [2, с. 17]. По мнению отечественного исследователя А.С. Ахизера, государство представляет собой выделившийся из общества специализированный профессиональный аппарат управления [3, с. 71].

На протяжении веков исследователи проблематики государства обращают внимание на принуждение и насилие как ключевые, атрибутивные характеристики данного социального института. Э.Л. Баталов полагает, что государство – механизм принуждения, насилия над человеком. Автор отмечает: «Таким механизмом государство всегда было, есть

и будет оставаться до тех пор, пока оно существует как всеобщий институт цивилизации» [4, с. 6].

Среди множества теорий государства целесообразно обратить внимание на две, однозначно постулирующие не просто вынужденную необходимость, а практическую целесообразность насилия. Речь идет о марксистском подходе и расовой теории государства.

В отношении определенных социально-классовых, расово-этнических, социально-групповых сегментов общества каждой из упомянутых теорий в их классическом варианте предлагается системное насилие как основа генезиса и развития «справедливого» государства. Посредством постулирования тех или иных сегментов общества как остро проблемных, «навешивания ярлыков», распространения социальных мифов, предрасудков, панических слухов, стереотипных суждений осуществляется генезис и развитие установок массового сознания, во многом опирающихся на социальную, классовую, культурную, экономическую, этническую, расовую рознь. Таким образом, представители данных теорий моделируют основные векторы развития государственной системы как реакцию на реальные и мнимые «вызовы», угрозы для социума. Векторы государственного развития, в представлениях теоретиков марксистской и расово-этнической теорий, выгля-

Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник управления учебно-методической работы Краснодарского университета МВД России
e-mail: karnl@mail.ru

© Карнаушенко Л.В., 2016

Статья получена: 14.08.2015

дят именно как преодоление угроз и вызовов чуждых, агрессивных, антисоциальных групп, слоев, классов, общностей при построении «идеального типа» государства. Именно в этом, на наш взгляд, проявляются основные сходства теоретических концепций марксистской и расовой теорий. Однако между ними имеются и весьма существенные различия, выходящие за пределы привычных нам идеологических и политических противоречий.

Марксистский подход к пониманию государства представлен в основном в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Так, в работе «Гражданская война во Франции» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают, что государство «есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим» [5].

С точки зрения Ф. Энгельса, государство существует не извечно, просто на определенной ступени экономического развития, которая с необходимостью была связана с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Для того чтобы классовое противостояние не привело к коллапсу общества, необходима стоящая над обществом сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». Эта сила, произошедшая из общества, но ставящая себя над ним и все более и более отчуждающая себя от него, и есть государство [6].

В.И. Ленин продолжает идею Маркса и Энгельса о государстве как антинародном машиноподобном сооружении. В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» он проводит мысль о том, что государство в капиталистическом мире представляет собой инструмент обеспечения господства определенного класса, специальной организацией, создаваемой этим классом с целью подавления своих противников [7, с. 252].

Необходимо принимать во внимание тот факт, что марксистский подход к пониманию государства связывает его возникновение с появлением частной собственности, расколом общества на классы и классовыми противоречиями. При этом представители подхода акцентируют внимание на опасных социальных последствиях классовых противоречий и, в конечном итоге, антагонизме классовой борьбы, ставя их во главу угла при анализе ключевого социального института – государства. Кроме того, целесообразно учитывать, что ведущие представители данного подхода работали в XIX – начале XX в. и их прогнозные суждения касались, в основном, предполагаемой стадии перехода от развитого капиталистического индустриального общества к новой формации – социалистическому обществу. При этом проблематика генезиса и развития государства в условиях глобального постиндустриального информа-

ционного общества XXI в. (в силу объективных и субъективных причин) не могла быть результативно рассмотрена в рамках данного подхода.

В свою очередь расовая теория исходит из тезиса о делении людей на высшую и низшую расы. Первые призваны господствовать в обществе и государстве, вторые – слепо повиноваться первым. Основоположник расовой теории – Ж. Гобино – объявлял арийцев высшей расой, призванной господствовать над низшими, к которым относились евреи и др. В нацистской Германии на основе расовой идеологии создавалась особая система ценностей в виде «вождя нации», «чистоты крови», история представлялась как история борьбы высшей арийской расы с другими низшими расами. Расовая теория считала важнейшим средством решения всех государственно-правовых, общественных и международных проблем войну, которая, по мнению другого представителя этой теории, немецкого философа Ф. Ницше, являлась жизненной необходимостью для государства. Гитлер использовал расовую теорию для обоснования законного права высшей арийской расы уничтожать целые народы и национальные меньшинства [8]. Н.В. Лепетухин отмечает, что расизм представляет собой своеобразный феномен интеллектуальной жизни общества, явление историческое, появившееся не только вследствие умственной деятельности одного человека, а и впитавшего в себя дух своего времени [9].

Суть позиции Гобино состояла в выдвинутом им антидемократическом тезисе, согласно которому существуют разные по своей ценности расы. Любой упадок культуры вызывается «вырождением», причина которого – смешение «полноценных» рас с «неполноценными» [9].

Расистские концепции были концептуально представлены в социально-психологической теории Г. Лебона. Поскольку каждый народ руководствуется своим собственным, передаваемым по наследству «духом расы», то представители разных рас и народов в силу различной наследственности имеют неодинаковые представления об одних и тех же вещах. Закон силы, закон животной борьбы за существование переносится Лебоном и на отношения между народами или «расами» [9].

Расовая теория государства, как и марксистская, в силу объективных причин не получила полноценного развития, начиная со второй половины XX в. Более того, в отличие от марксистской, она была официально признана международным сообществом и осуждена как античеловеческая. В силу указанных обстоятельств серьезного теоретического анализа государства в условиях начала XXI в. в рамках данной теории осуществлено не было. Однако считать расовую теорию государства

«артефактом» истории в настоящее время было бы неправильно. Конструктивные элементы этой теории, глубоко проникнув в идеологическую, духовную сферу, став дискурсом повседневной коммуникации во многих странах, оказались весьма жизнеспособными. В последнее десятилетие только на постсоветском пространстве элементы расовой теории государства с очевидностью проявлялись в ходе политической борьбы и государственного строительства в странах Прибалтики, Средней Азии. В данном контексте особое внимание необходимо обратить на Украину, где в 2014 г. в ходе драматических событий власть захватили националистические силы, свергнув президента Януковича. По мнению исследователей, в современной Украине существует опасность распространения правонационалистических и неонацистских идей, носители которых вошли в состав руководящих органов Украины [10].

Кроме того, данная проблема имеет гораздо более широкий ореол распространения, охватывая большинство европейских стран. Так, прошедшие в конце мая 2014 г. выборы в Европарламент продемонстрировали существенное усиление влияния праворадикальных партий. Во Франции Национальный фронт впервые в истории сумел завоевать 1-е место, опередив две ведущие политические партии этой страны. Партия независимости Соединенного Королевства и Датская народная партия также получили первые места. Существенно усилились ультраправые в Австрии и Греции. В Венгрии, Бельгии, Нидерландах представители этих сил также провели в Европарламент своих депутатов [10].

Многие исследователи обоснованно предупреждают, что фашизм как идеологическое явление сохранился до наших дней и возможность захвата им власти не следует рассматривать лишь как гипотетическую [10]. Стоит подчеркнуть, что и в современной России данные проблемы также проявляются достаточно остро. Например, в 2010 г. произошли резонансные убийства фанатов ФК «Спартак» (Москва) Волкова и Свиридова, что в итоге вылилось в массовые акции протеста и беспорядки на Манежной площади [11]. В 2013 г. – массовые беспорядки на межэтнической почве имели место в г. Пугачеве и в московском районе Бирюлево и др.

Наиболее резонансные события произошли на Манежной площади 11 декабря 2010 г. В этот день здесь собрались более 5 000 человек, протестовавших против убийства фанатов «Спартака» выходцами из республик Северного Кавказа. Митинг перерос в столкновения с правоохранительными органами. Протестующие выкрикивали националистические лозунги и нападали на лиц неславян-

ской национальности. Похожие по содержанию акции меньшей численности участников состоялись в десятках городов России. Выступления фанатов и националистов на Манежной площади нашли отклик у многих россиян и показали глубину и остроту проблемы. При этом популярность идей, отстаиваемых футбольными фанатами, оказалась весьма высока среди населения России. Например, по данным опроса мнения аудитории радио «Русская служба новостей», 87% поддержали действия участников беспорядков на Манежной площади [12].

Дискурс расовой теории в отмеченных нами случаях все же отличается от «классического», сложно не видеть очевидной связи концептуальных представлений о сущности государства как инструмента подавления одной расово-этнической группы другой. Как правило, на постсоветском пространстве в качестве «мишени» обновленной расовой теории государства выступает русский этнос, культурные, языковые, социальные права которых ущемляются ради цели построения «нового» государства.

Ситуация с марксистской теорией государства в настоящее время несколько сложнее. Несмотря на то, что в классическом варианте теория широко не распространяется, а тем более не применяется на практике, все же вряд ли можно утверждать, что марксистское понимание государства стало достоянием истории. Правильнее, на наш взгляд, рассуждать о некоей «перезагрузке» как теоретических построений, так и политических сил подобного плана. В случаях обострения мирового или регионального экономического кризиса, значительного ухудшения жизни, снижения доходов значительной части людей мы вполне можем столкнуться с широким теоретическим и практическим распространением «обновленной» марксистской теории государства.

В частности, в ноябре 2015 г. десятки российских городов охватили протесты дальнобойщиков против взимания с них платы за проезд по дорогам. В числе других активно выдвигались лозунги, соответствующие марксистской риторике: «Правительство олигархов, хватит нас душить» (г. Уфа) [13]; «Оброк Ротенбергу платить не намерен» (г. Пенза) [13] и др. При этом немалая часть протестующих водителей позиционирует себя как представителей рабочего класса, противостоящих «олигархической» капиталистической элите российского общества. Как представляется, в случае дальнейшего ухудшения социально-экономической ситуации в России популярность марксистских идей может снова возрасти, как это уже бывало в истории нашей страны. Политические силы, опирающиеся на данные теории, в случае прихода к власти вполне способны осу-

ществить попытку построения государства в духе его марксистского понимания.

Между тем, рассуждая о классических теориях государства (пусть и весьма жестоких), мы не должны игнорировать широкий социальный контекст событий, явлений, процессов, в которых происходит становление и развитие подобных теоретических построений. Именно поэтому представляет научный интерес анализ динамики современного общества, а также последствий происходящих процессов. Как известно, именно негативные последствия социальных изменений в предыдущие исторические периоды и актуализировали марксистскую и расовую теории государства.

В XXI в. ослабляются или полностью утрачивают свое значение многие факторы, на протяжении веков оказывавшие непосредственное влияние на институт государства (классовые противоречия, захватнические войны, колониальные противоречия и т.д.). Однако было бы излишне оптимистичным утверждать, что нынешнее функционирование института государства проходит в совершенно неагрессивной среде. На смену открытым конфликтам, кровопролитным войнам приходят гибридные, информационно-психологические, кибервойны, где основное противостояние переносится с традиционных полей сражений на другие «фронты», отнюдь не являющиеся менее значимыми для государственной и общественной системы.

В начале XXI в. мы можем констатировать усложнение, диверсификацию социальной системы. С одной стороны, произошли изменения в ряде атрибутивных характеристик и государства как социального института; с другой стороны, возникает ряд угроз и вызовов национальному государству в современном глобальном мире. Указанные тенденции оказались (по вполне понятным причинам) за пределами теоретических построений классических теорий государства, в том числе марксистской и расовой. Однако сейчас во многих странах происходит их «осовременивание», пересмотр, переоценка, а также – адаптация к нынешним социальным проблемам, тенденциям развития государства как социального института.

В настоящее время становится очевидным, что прогнозы футурологов XX в. (М. Маклюэна, Д. Белла, Э. Тоффлера, З. Бжезинского и др.) относительно построения бесклассового и бесконфликтного общества будущего не оправдались. Общество начала XXI в. не свободно ни от вооруженных конфликтов на различных уровнях, ни от межгосударственной напряженности. Кроме того, социально-классовые и расово-этнические противоречия отнюдь не утратили своего дифференцирующего потенциала в обществе. Глобальный информаци-

онный миропорядок, напротив, лишь продуцирует новые виды неравенства, отнюдь не преодолевая прежних. В частности, «достоянием» современного общества стало цифровое или информационное неравенство. Отдельные социальные группы, регионы, страны, континенты попадают в категорию «отверженных» новым глобальным информационным миропорядком, лишенным возможности вести равноценный экономический обмен с теми, кто доминирует в новой реальности. В связи с этим вполне естественно возрастает социальная напряженность на разных уровнях глобальной миропорядка. Одним из последствий неразрешенных системных социальных проблем, конфликтности и напряженности является потенциальная реактуализация прежних (как казалось, давно забытых) теорий государства и социального прогресса (в том числе, расовой и марксистской). По мере проявления негативных социальных последствий социума начала XXI в. нельзя исключать роста значимости и таких агрессивных теорий государства, как расовая и марксистская.

Таким образом, как показывают приведенные нами факты, расово-этнические проблемы, как и острое имущественное неравенство, являются актуальными не только для постсоветских государств, но и, в том числе, для современной России. Данные проблемы и противоречия формируют особый дискурс социального напряжения, который репрезентируется в различные сферы общественной жизни, в том числе отражается в политических программах различных партий, движений, которые, стремясь прийти к власти, могут реактуализировать некоторые положения расово-этнической и марксистской теорий государства. В случае победы данных сил нельзя исключать ренессанс расово-этнической или классовой теорий. Сложившаяся ситуация не может не вызывать беспокойства, так как история доказала весьма опасные последствия доминирования теоретических положений расово-этнической и марксистской теорий в ходе государственного строительства.

Представляется возможным констатировать, что расовая и марксистская теории государства не только оставили заметный след в истории человечества, оказавшись вполне утилитарным «руководством к действию» для ряда одиозных и жестоких политических режимов XX в., но и отнюдь не утратили своего научного и социально-управленческого потенциала применительно к социальной реальности начала XXI века. Несмотря на то, «по общественной мысли вынесла свой отрицательный вердикт по возможности использования расовой и марксистской теорий государства на практике, в настоящее время нельзя гарантиро-

вать, что какая-либо страна или группа стран не возьмет «на вооружение» указанные теоретические построения и логически вытекающие из них социально-управленческие ходы и практические решения. Например, события, происходящие на Украине в настоящее время, являются примером того, как элементы расовой теории государства вполне могут быть жизнеспособны в XXI в.

Существует ряд факторов, способствовавших росту социальной, политической, идеологической значимости расовой и марксистской теорий государства еще в XIX в. Как оказалось, данные теории обладают весьма значительным практическим, социально-управленческим потенциалом, позволяющим ситуативно решать широкий круг задач по построению государства. Безусловно, это государство тоталитарное, антисоциальное, однако для тех социальных слоев и групп, кто является бенефициаром генезиса и развития нового государственного образования, такие теории служили действенным инструментом государственного строительства. Осуществленные практически действия по построению государства при реализации концептуальных положений марксистской и расовой теорий позволили эффективно и в короткие сроки подавить всякое

сопротивление угнетаемых социальных сегментов, мобилизовать население на борьбу с «врагами». Именно поэтому, анализируя историческое прошлое марксистской и расовой теорий государства, было бы неправильно считать их отжившими и не соответствующими реалиям глобального информационного общества начала XXI в.

Теоретическому и практическому «ренессансу» расовой и марксистской концепций государства в современном обществе могут косвенно способствовать сбои и дисфункции системы, возникающие вследствие продуцирования риска и напряженности масштабных трансформаций. В настоящее время не очевидно, каковыми будут окончательные социальные последствия происходящих изменений – прогрессивными или регрессивными. В случае появления однозначных индикаторов регрессивного состояния общества, обострения системных социальных проблем, роста имущественного неравенства, ухудшения качества жизни мы вполне можем увидеть обновленные теоретические построения расовой и марксистской теорий. Нельзя полностью исключать и их возрождение как практических инструментов построения современного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайек Ф. Общество свободных. Сдерживание власти и развенчивание политики // Открытая политика. 1995. №8(10).
2. Бади Б., Бирнбаум П. Переосмысление социологии государства // Международный журнал социальных наук. 1994. № 4 (7).
3. Ахиезер А. С. Синкретизм или либерализм // Рубежи. 1995. № 4.
4. Баталов Э. Я. Политическое – «слишком человеческое» // Полис. 1995. № 5.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3-х т. М., 1979.
6. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/899780> (дата обращения: 15.07.2015).
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1965. Т. 37.
8. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теории_происхождения_государства (дата обращения: 14.06.2015).
9. Лепетухин Н. В. Теории расизма в общественно-политической жизни Западной Европы второй половины XIX – начала XX вв.: Ж.-А. Гобино, Г. Лебон, Х.-С. Чемберлен: дис. ... канд. истор. наук. Иваново, 2001.
10. Богдашкин А. А., Теплухин В. В. Политологи о праворадикальном национализме в современной Украине // Власть. 2014. № 10.
11. URL: <http://www.newsru.com/russia/10dec2010/fans.html>; Комсомольская правда. 2010. 9 декабря (дата обращения: 11.12.2011).
12. URL: <http://regions.ru/news/2329772/> (дата обращения: 15.02.2011).
13. URL: <http://zona.media/online/antiplaton/> (дата обращения: 19.11.2015).

УДК 331.5.024.5

Е.А. Белов

**ИЗУЧЕНИЕ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
В ДИНАМИКЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И
КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Статья посвящена анализу неформальной занятости населения в контексте количественных и качественных методов исследования. Продемонстрированы некоторые численные показатели экономического ущерба от данного вида деятельности. Иллюстрируются отдельные факторы, предопределяющие неформальные трудовые отношения. Определяются причины, затрудняющие функционирование установленных законом трудовых норм. Аргументируется положение о проникновении неформальной занятости в современную систему государственного управления и приобретение ею устоявшихся в массовом сознании форм.

Ключевые слова: неформальная занятость, трудовые отношения, рынок труда, социологические методы, фокус-групповое исследование.

Создание Федеральной службы занятости и фактическая легализация безработицы, определенные законом РФ № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», обусловили признание рынка труда в качестве естественного элемента системы общественных отношений. На сегодняшний день это достаточно сформировавшееся и устоявшееся образование. Можно выделить следующие парные элементы его структуры: государственный и негосударственный сектор, формальный и неформальный сегменты, труд наемных работников и деятельность самозанятых и т.п. В рамках данной работы нами будет рассмотрена неформальная занятость населения как одна из составных частей рынка труда. Изначально, определяясь с понятиями, уточним, что под неформальной занятостью населения мы будем понимать любую деятельность по производству легальных (разрешенных для реализации) товаров или услуг лицами, не учтенными в качестве занятых в неформальном секторе экономики и не имеющими надлежащего права (трудовой договор, служебный контракт, лицензия и т.п.) на осуществление данного вида деятельности. При этом, рынок труда определяется нами как разнородное, но единое образование, включающее в себя неформальный, теневой, криминальный и др. сегменты и состоящий из трех базовых эле-

ментов: работодатель, работник и государство [1].

Основываясь на исследованиях, проведенных такими авторами, как В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников (В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда, 2014), С.Ю. Барсукова, В.В. Радаев (Неформальная экономика в России, 2012), О.В. Синявская (Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика, 2005), В.А. Давыденко (Социология неформальных отношений: экономика, политика, культура, 2005), Е. Варшавская (Рынок труда: прогнозы и реальность, 2001) и др., представляется возможным дать статистическую характеристику этого явления. Так, в большинстве исследований численность неформально занятых лиц варьируется в пределах 20–25 млн человек. Несколько ниже этот показатель оценивается в официальных источниках. Так, заместитель руководителя Роструда Михаил Иванов заявил, что на сегодняшний день в России насчитывается более 15 млн экономически активных лиц, не осуществляющих трудовую деятельность. В данном случае речь идет не о тех, кто вообще нигде не работает, а о гражданах, которые трудятся неформально, без официального трудоустройства [2]. Вероятнее всего, определяясь с этим показателем, как исследователи, так и чиновники, учитывают только граждан России трудоспособного возраста. На наш взгляд,

Белов Евгений Александрович, кандидат социологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России

e-mail: evgeniybelov@inbox.ru

© Белов Е.А., 2016

Статья получена: 04.12.2015

для получения более общей картины необходимо принять во внимание тот факт, что в течение года на территории России работает не менее 14 млн иностранцев и лиц без гражданства, а также порядка 7 млн работников, отнесенных к категории экономически неактивного населения и, соответственно, не учтенных в большинстве расчетов (малолетние, пенсионеры, учащиеся по дневной форме обучения и др.), с которыми надлежащим образом не оформлены трудовые отношения [1]. Соответственно, оценивая объем проблемы, следует говорить о том, что на территории РФ в сферу неформальной занятости вовлечены как минимум 40 млн человек. Причем, основную часть данного массива составляют лица, работающие в различных организациях, т.е. не относящиеся к категории самозанятых. Исходя из этого, экономический ущерб от их деятельности состоит не только в недополучении налога на доходы физических лиц (13% от заработной платы), но и в непоступлении в бюджет социального налога, который платит работодатель (30% от заработной платы) [3]. Безусловно, следует учесть тот факт, что если подоходный налог не взимается, работодатель не перечисляет деньги в соответствующие фонды, то работник в будущем не может претендовать на пенсию, медицинское, социальное страхование и т.п., т.е. государству не нужно будет тратить бюджетные деньги на этих работников. Однако поступающие в виде налогов и отчислений средства включаются в единую денежную массу, которая позволяет надлежащим образом функционировать системе государственного управления в настоящее время.

В среднем неформально занятый получает порядка двадцати трех с половиной тысяч рублей. Эта сумма получена путем вычислений с учетом средней заработной платы по России в 2015 году, которая составила 32 тыс. рублей [4]. При этом во внимание нами было принято то, что, только по официальным данным, доход ниже 5 тыс. руб. в месяц имеют 5 млн россиян, а 7 млн получают от 5 до 7 тыс. руб. [5]. В то же время эти категории лиц, как и те, чей доход в месяц более 100 тыс. руб., не оказывают большого влияния на социально-экономические отношения, складывающиеся в сфере неформальной занятости населения. Детально механизм расчета заработка неформально занятого и влияние отдельных категорий занятых на рынок труда приведен в ранее отмеченной монографии автора.

Основываясь на вышеизложенном и с учетом погрешности, можно рассчитать средний ущерб от неформальной занятости, взяв в качестве отправной точки следующие показатели:

- численность неформально занятых – 40 млн человек;

- сумма дохода неформально занятого – 23,5 тыс. рублей.

Соответственно, в виде подоходного и социального налогов в бюджет не поступает более чем 0,4 трлн рублей. Учитывая тот факт, что для большинства наших граждан существенную роль в бюджете играет дополнительная неформальная занятость, налоговый ущерб от данного вида деятельности составляет порядка 0,1 трлн рублей. Эта сумма получена исходя из того, что как минимум 25 млн россиян востребованы на вторичном рынке труда и их совокупный доход варьируется в пределах 37 тыс. рублей, а по результатам нашего исследования, более чем для половины опрошенных доля дополнительного заработка составляет четверть в общей сумме дохода. В целом, по самым заниженным оценкам, получается, что ущерб от неформальной занятости населения исчисляется суммой более чем в 0,5 трлн руб. в год.

Помимо наглядного представления экономического ущерба, нанесенного неформальной занятостью, количественные методы позволяют оценить процентную включенность в данный вид деятельности различных половозрастных, социально-профессиональных и иных групп, определить сферы наибольшего приложения неформальной занятости, показать динамику процесса включения в неформальные трудовые отношения различных категорий лиц за определенный период времени и др.

В период с 2005 по 2015 гг. на базе Центра аналитических исследований и разработок (ЦАИР, руководитель – доктор социологических наук, профессор А.Л. Салагаев) нами были проведены такие исследования как «Вовлеченность населения в сферу теневого сегмента рынка труда» (Объем выборочной совокупности – 1200 человек. Метод исследования – анкетирование. Выборка – случайная, квотированная. Ошибка выборки – 5%) [6], «Оценка деформации трудовых отношений» (Объем выборочной совокупности – 350 человек. Метод исследования – индивидуальное, не формализованное интервью. Выборка – случайная, квотированная. Ошибка выборки – 5%) [1], «Социально-экономическое положение региона и межпоколенческая мобильность» (Метод сбора информации – индивидуальное, не формализованное интервью. Объем выборочной совокупности – 350 человек. Выборка – случайная, квотированная. Ошибка выборки – 5%). Результаты размещены в отчете по гранту Академии наук РТ (02-2.6-39/2006-07Г), «Анализ социально-экономического положения РТ» (Метод сбора информации – формализованное анкетирование. Объем выборочной совокупности – 975 человек. Выборка – случайная, квотированная. Ошибка выборки – 5%). Результаты размещены в отчете

по результатам исследования ЦАИР), «Изучение мнения жителей г. Казани о резонансных событиях общественно-политической жизни Республики Татарстан» (Метод сбора информации – телефонный опрос. Вид опроса – формализованное анкетирование. Объем выборочной совокупности – 730 человек. Выборка – случайная, квотированная. Ошибка выборки – 5%. Результаты размещены в отчете по результатам исследования ЦАИР), «Изучение эффективности органов государственной власти и муниципального управления» (Метод сбора информации – анкетный опрос. Объем выборочной совокупности – 2566 человек. Выборка – случайная, квотированная. Ошибка выборки – 5%. Результаты размещены в отчете по результатам исследования ЦАИР). На основании результатов этих исследований можно отметить следующее:

- основную часть неформального рынка труда составляют люди в возрасте от 30 до 49 лет (46,3%);
- более трети неформально занятых имеют полное среднее образование (34,3%);
- неформальная занятость сконцентрирована в таких сферах, как торговля (32,0%) и строительство (17,5%);
- треть занятых на неформальном рынке труда имеют доход ниже прожиточного минимума (31,7%);
- средняя продолжительность рабочей недели неформально занятых составляет порядка 50 часов;
- основную часть неформально занятых составляют местные жители (47,3%);

Представленные показатели в общих чертах позволяют оценить проблемную составляющую неформальных трудовых отношений в жизнедеятельности общества. Однако с помощью цифр (количественных методов исследования) не представляется возможным выявить факторы, обуславливающие неформальную занятость населения. Хотя именно этот слабо актуализированный на сегодняшний день аспект проблемы является чрезвычайно значимым. Не разобравшись в причинах, мотивирующих как работников, так и работодателей не оформлять должным образом трудовые отношения, сложно определить направление государственной политики по локализации данной формы трудовой активности. Призывы о борьбе с неформальной занятостью населения звучали и ранее на различных уровнях государственного и муниципального управления. Сейчас же, в условиях кризиса, профилактика и предупреждение неформальных трудовых отношений может рассматриваться в качестве одного из приоритетных направлений экономической и национальной безопасности России. Как показывает международный опыт, ни одному государству

не удалось полностью нейтрализовать неформальную занятость, но привести к допустимым масштабам негативные социальные и экономические последствия от этой деятельности вполне возможно. Соответственно, после оценки самого явления целесообразно разобраться в причинах и факторах, его предопределяющих.

Чрезвычайно познавательным было бы исследование группы неформально занятых лиц как отдельной общности (case study). Возможно, посредством изучения взаимосвязей различных элементов в системе неформальных трудовых отношений мы бы обнаружили социально-экономические закономерности их функционирования. Однако метод кейс – стадии оптимальным образом может быть применен к формализованным и достаточно однородным группам. Изучение случая опирается на выделение частных единиц для анализа. В качестве данных единиц могли бы выступать различные проявления неформальной трудовой деятельности, но их слишком много, как в демографическом, так в социальном, географическом и иных форматах. Соответственно, этот метод не позволяет нам добиться желаемого результата.

Первый шаг в работе по выявлению причин и условий неформальной занятости различных категорий лиц заключался в проведении индивидуальных, не стандартизированных интервью. Так, в период с сентября по октябрь 2014 г. было проведено 97 интервью с представителями различных половозрастных и социальных групп, отобранных по базам данных ЦАИР с дальнейшим использованием метода «снежного кома». Кроме того, в этот же период в формате экспертного интервью было опрошено 63 профильных специалиста министерства труда, занятости и социальной защиты РТ, центров занятости населения крупных городов РТ, федеральной налоговой службы, федеральной миграционной службы, районных администраций и др. Эта работа позволила выявить ряд причин вовлеченности индивидов в неформальные трудовые отношения. Обобщение результатов интервью и приведение их к общему знаменателю позволило сгруппировать основные факторы, обуславливающие неформальную занятость населения следующим образом:

- отсутствие рыночного механизма саморегулирования трудовых отношений;
- разрушение прежней системы трудовых отношений, обусловленное, прежде всего, наличием государства в качестве основного работодателя и отсутствие сколь-нибудь ощутимых действий различных субъектов по созданию новой, жизнеспособной системообразующей единицы в сфере труда;
- привлекательность неформальной занятости

для работодателей ввиду экономии средств на заработной плате работникам и отсутствия необходимости уделять должное внимание условиям труда;

- привлекательность неформальной занятости для работников в силу более гибкого графика труда и низкой персональной ответственности за результаты труда.

Данные положения, безусловно, расширяют представление о проблеме неформальных трудовых отношений, но являются предварительными и не отличаются высокой степенью репрезентативности. С целью устранения этого недочета было проведено фокус-групповое исследование. Основной заслугой данного метода считается то, что в ходе глубинного фокус-группового интервью представляется возможность проговорить проблемную ситуацию с различных позиций, сталкивая противоречивые точки зрения, и, не задавая прямых вопросов респондентам, подвести их к самостоятельному генерированию необходимых для исследования идей.

Формируя выборочную совокупность, в целях достижения групповой совместимости и единого группового восприятия социальной реальности были выделены пять групп. Это позволило добиться достаточно гармоничной и активной дискуссии. Основания для группировки определялись такими положениями, как степень вовлечения в неформальные трудовые отношения и возраст неформально занятых. Соответственно, исследованию подверглись следующие группы:

- лица без официального оформления в возрасте 35 лет и выше;

- лица без официального оформления в возрасте 18–35 лет;

- работники, получающие помимо официальной заработной платы определенную сумму неофициально (зарплата в конверте), в возрасте 35 лет и выше;

- работники, получающие помимо официальной заработной платы определенную сумму неофициально (зарплата в конверте), в возрасте 18–35 лет;

- самозанятые лица в возрасте 18–55 лет.

Набор респондентов осуществлялся методом «снежного кома» и корректировался предварительным формализованным интервью, что исключило попадание в группу лиц, не удовлетворяющих нашим требованиям. Численность респондентов в группах варьировалась от семи до девяти человек. Фокус-группы проводились профессиональными модераторами на базе социологической лаборатории ЦАИР – Маркетинг в феврале 2015 года.

Обобщая результаты исследования, считаем

целесообразным вначале зафиксировать несколько наиболее важных положений:

- явно негативное отношение к государственной социальной политике большинства участников исследования;

- принятие той позиции, что, пользуясь государственными ресурсами (коммуникации, образование, здравоохранение и т.п.), они должны перечислять часть дохода на их поддержание и развитие;

- нежелание большинства опрошенных перейти в формальный сегмент рынка труда.

Неформально занятые приводят достаточно веские, на их взгляд, аргументы своего положения. Самозанятые и индивидуальные предприниматели заявляют: «Сейчас такая ситуация, что сам бизнес вынужден работать в «темную»». В свою очередь, наемные работники отмечают: «Если кто-то и должен об этом заботиться, то это работодатель (речь идет об официальном оформлении трудовых отношений). Что может сделать работник или тот, кто поступает на работу? Ему дают договор, а может быть, устно что-то определяют. Согласен на эти условия, подписался под них – так работай и не задавай лишних вопросов, а нет – иди ищи другую работу».

Неформально занятые не противопоставляют себя обществу, а считают себя его частью. Представители всех групп отмечают, что они находятся в социально-экономическом пространстве страны, т.к. приобретают товары в магазинах, платят за коммунальные услуги и т.п. Негативно окрашенная полемика касается только роли государства в системе труда и занятости. При этом ни один участник проведенного исследования не смог четко обозначить грань между обществом и государством. Оправдывая свою позицию, респонденты указывали на низкое качество государственных услуг и на то, что они платят деньги специалистам не из государственного сектора либо сами доплачивают работникам государственных учреждений.

Неформально занятые фактически не испытывают ни психологического, ни морального дискомфорта по поводу своего положения. На все аргументы в пользу формализации занятости они находят оправдание и фактически не признают того, что причиняют ущерб своей деятельностью социально-экономическим отношениям в государстве. Примечательно то, что в обществе проблемы, связанные с неформальной занятостью населения, не относят к числу значимых.

Сами опрошиваемые выделяют три вида отношений извне к их трудовой деятельности:

- отсутствие интереса;

- лояльность;

- поддержка.

Только три респондента отметили, что родственники хотели бы их видеть в качестве официально занятых. При этом никто не сказал о какой-либо серьезной критике со стороны относительно их неформальной трудовой деятельности. На наш взгляд, отсутствие осуждения неформальной занятости вместе с ее оправданием самими занятыми может дать одно из объяснений природы этого явления.

Таким образом, исходя из результатов исследования, можно сделать вывод о том, что неформальные трудовые отношения достаточно гармонично вписались в современную систему рынка и приобрели устоявшуюся форму. Прописанные за последние десятилетия правила игры на рынке труда устраивают как работодателей, так и работников. Одни находят выгоду в минимизации издержек на рабочую силу, другие в гибком графике работы, меньшей ответственности за результат труда и т.п. Ни у первых, ни у вторых нет интереса к изменению сложившейся ситуации. При этом очевидно,

что неформальная занятость наносит социально-экономический ущерб обществу и государству. Только экономический ущерб от этой деятельности исчисляется суммой более чем в 0,5 трлн руб. в год. Кроме этого, неформальная занятость приводит к разрушению общепринятых норм труда, выхолащиванию профессиональной компоненты труда и др. Соответственно, необходимы меры по ее локализации. Однако, пока не создано здоровое гражданское общество, вся нагрузка по данному направлению ложится на государственные и муниципальные институты. Необходимо разработать комплекс мер, как санкционного, так и стимулирующего характера. Эти меры должны быть направлены на формирование негативного мнения населения относительно лиц, вовлеченных в неформальные трудовые отношения с одной стороны и на создание привлекательных условий функционирования и развития установленных законом отношений в сфере труда, с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов Е. А. Организационно правовые способы предупреждения деформации трудовых отношений: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2014. 153 с.
2. В России хотят полностью ликвидировать неформальную занятость // Независимая газета. 2015. 20 мая. URL: http://www.ng.ru/economics/2015-05-20/4_job.html (дата обращения: 27.10.2015).
3. Отчисления на социальное страхование. URL: <http://prostrahovanie24.ru/soc/otchislenie.html> (дата обращения: 03.12.2015).
4. Какая средняя зарплата в России? URL: <http://ipopen.ru/kadry/zarplata-i-vyplaty/srednjaja-zarplata-v-rossii.html> (дата обращения: 19.11.2015).
5. Жизнь на грани // Аргументы и факты. 2015. № 39 (23–29 сентября).
6. Белов Е. А. Население в сфере теневой занятости: социально-правовой аспект исследования. Казань: КЮИ МВД России, 2006.

УДК 355/359.08

Л.В. Готчина

А.Г. Григорьев

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КООРДИНАЦИИ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРЕДЕЛАХ КОМПЕТЕНЦИИ ПОГРАНИЧНЫХ ОРГАНОВ

В статье дается правовая оценка координации деятельности по охране окружающей среды при осуществлении пограничной деятельности, взаимодействию в процессе ее осуществления. Основными результатами исследования являются: выявление тенденций развития координации деятельности и организации взаимодействия; направления системного совершенствования правового регулирования охраны окружающей среды при осуществлении пограничной деятельности.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, пограничная деятельность, координация деятельности, организация взаимодействия.

Государственное управление Российской Федерации построено на линейных связях между органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, определенных институционально. Так, компетенция всех органов государственной власти определена законодательно. В то же время на некоторых направлениях государственного управления происходит концентрация компетенций сразу нескольких субъектов, уполномоченных относительно одного объекта. Примером может служить пограничная деятельность. Так, в осуществлении пограничной деятельности принимают участие субъекты, не связанные непосредственными линейными связями. Деятельность таких одноуровневых органов, объединенная общей целью, характеризуется наличием функциональной управленческой связи (управленческие функции координации и взаимодействия). Особенность пограничной деятельности вынуждает законодателя наделять некоторые органы государственной власти специфическими

полномочиями. Так, пограничные органы наделены рядом полномочий, характеризуемых ст. 1 Федерального закона от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133] как природоохранная деятельность или охрана окружающей среды.

Данная деятельность направлена, прежде всего, на обеспечение национальной безопасности и заключается в защите Государственной границы Российской Федерации, осуществляемой совместно с федеральными органами и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями и гражданами; охране окружающей среды в процессе осуществления оперативно-служебной и иной (производственной, хозяйственной) деятельности органов безопасности; деятельности по охране морских биологических ресурсов [1, с. 44].

Именно пограничные органы при осуществлении пограничной деятельности соприкасаются с нарушениями природоохранного законодательства, связанного с существенным ущербом наци-

Готчина Лариса Владимировна, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России

e-mail: lgotchina@ya.ru

Григорьев Алексей Григорьевич, аспирант Балтийского Федерального университета имени Канта

e-mail: g585ag@gmail.com

© Готчина Л.В., 2016

© Григорьев А.Г., 2016

Статья получена: 01.11.2015

ональным интересам Российской Федерации, при этом их функции в природоохранной деятельности выходят за рамки экономической и экологической функций.

Анализ компетенции пограничных органов позволил выявить недостаточность правовых средств для реализации своих функций, определенных законодательно. Так, при наличии полномочия по защите и охране экономических интересов Российской Федерации отсутствуют экономические правовые средства. Специфика объекта охраны позволяет использовать лишь природоохранные правовые средства. Данное обстоятельство повышает значимость координации природоохранной деятельности и взаимодействия [3, с. 166].

Природоохранная деятельность включает в себя два направления координации: координация деятельности и взаимодействие при защите и охране Государственной границы Российской Федерации; координация деятельности и взаимодействие при защите и охране экономических и иных интересов Российской Федерации на приграничной территории, в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации. Лишь 2,6% экспертов оценили уровень данных направлений координации как высокий.

Федеральная служба безопасности Российской Федерации координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих охрану внутренних морских вод, территориального моря, исключительной экономической зоны, континентального шельфа Российской Федерации и их природных ресурсов. На Пограничную службу возложена функция координации деятельности соответствующих подразделений федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих охрану внутренних морских вод, территориального моря, исключительной экономической зоны, континентального шельфа Российской Федерации, их природных ресурсов.

При этом координация охраны внутренних морских вод, территориального моря и их природных ресурсов [О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации: Федеральный закон № 155-ФЗ от 31 июля 1998 г.: с изм. по сост. на 17 окт. 2015 г.; п. 3 ст. 39], охраны исключительной экономической зоны прямо возложена на Федеральную службу безопасности Российской Федерации [Об исключительной экономической зоне Российской Федерации: Федеральный закон № 191-ФЗ от 17 дек. 1998 г.: с изм. по сост. на 17 окт. 2015 г., п. 2 ст. 35]. Координация охраны континентального шельфа осуществляется федеральным органом исполнительной власти, определенным Прези-

дентом Российской Федерации [О континентальном шельфе Российской Федерации: Федеральный закон № 187-ФЗ от 30 нояб. 1995 г.: с изм. по сост. на 17 окт. 2015 г., ст. 42]. В то же время следует отметить отсутствие единого подзаконного акта, который устанавливал бы систему указанных органов, права и обязанности как координирующих, так и координируемых субъектов.

В некоторых случаях органы исполнительной власти, учитывая диспозитивность требований по координации деятельности, перехватывают инициативу у институционально закрепленного координирующего органа власти. Так, в работе межведомственного совета по разработке предложений по совершенствованию организации охраны водных биологических ресурсов организационно-техническое обеспечение деятельности Совета, а значит и полномочие координировать деятельность в рассматриваемой сфере правового регулирования осуществляется Минсельхозом России [О создании Межведомственного совета по разработке предложений по совершенствованию организации охраны водных биологических ресурсов : приказ Министерства сельского хозяйства Рос. Федерации от 1 авг. 2005 г. № 137/450 : по сост. на 17 окт. 2015 г. : опубликован не был; ст. 10], хотя полномочие осуществлять координацию охраны водных биологических ресурсов закреплено и за другими органами власти.

В других случаях органы исполнительной власти делегируют полномочия координации совместным совещательным органам взаимодействующих субъектов. Так, Межведомственная комиссия Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Минсельхоза Российской Федерации, Федеральной таможенной службы Российской Федерации, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования Российской Федерации уполномочена: обеспечивать координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов по вопросам организации охраны водных биологических ресурсов; координировать деятельность федеральных органов исполнительной власти по выполнению международных обязательств Российской Федерации в области охраны водных биологических ресурсов; координировать работы с федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, по выполнению принимаемых Межведомственной комиссией решений [Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии по организации охраны водных биологических ресурсов: приказ

ФСБ РФ, МВД РФ, Минсельхоза РФ, Федеральной таможенной службы, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 12 окт. 2007 г. № 535/884/546/1265/386: по сост. на 17 окт. 2015 г.; ст. 3].

Из вышеизложенного следует, что координация охраны окружающей среды при осуществлении пограничной деятельности осуществляется исходя из принципов взаимодействия уполномоченных субъектов и коллегиальности принимаемых решений, направленная на совместное решение задач, к которым действующим законодательством отнесены: охрана морских биологических ресурсов; охрана среды обитания водных биологических ресурсов; поддержания биологического разнообразия, сохранения редких и находящихся под угрозой уничтожения видов животных или растений.

Изучение практики охраны водных биологических ресурсов выявило ряд недостатков координации. В частности, в условиях функционального характера управленческих связей возникает проблема с нормативной неопределенностью форм координации деятельности, прав и обязанностей субъектов координации [3, с. 58–61]. В некоторых случаях исследователи отмечают отсутствие координирующего органа на отдельных направлениях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в сфере охраны морских биологических ресурсов. Так, И.В. Корчагина применительно к водным биоресурсам на Каспийском море отмечает отсутствие специального межведомственного координирующего органа. При этом выделяют проблему с разграничением полномочий между тремя уровнями системы федеративного устройства – федеральным, субъектным и местным. В некоторых случаях они не разграничены, что приводит к последующему дублированию [4, с. 215–217]. Устоявшаяся форма координации деятельности – делегирование полномочий координации межведомственным комиссиям и советам, решения которых носят рекомендательный характер – привело к вытеснению координирующего органа из управленческих процессов.

Результаты анализа нормативных правовых документов и практики пограничной деятельности выявили: во-первых, институциональное закрепление за пограничными органами юридической обязанности координировать деятельность всех уровней органов исполнительной власти Российской Федерации по охране морских биологических ресурсов во внутренних морских водах, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне Российской Федерации; во-вторых, нормативную неопределенность ком-

петенции субъектов координационной деятельности; в-третьих, делегирование полномочий координационной деятельности межведомственным комиссиям и советам; в-четвертых, отсутствие обратных управленческих связей координации деятельности в сфере охраны морских биологических ресурсов более соответствует управленческой такой функции, как взаимодействие.

Реализация пограничными органами своей компетенции при защите и охране экономических и иных законных интересов Российской Федерации в пределах приграничной территории, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации, а также охране за пределами исключительной экономической зоны Российской Федерации запасов анадромных видов рыб, образующихся в реках Российской Федерации, трансграничных видов рыб и далеко мигрирующих видов рыб, в соответствии с международными договорами Российской Федерации и (или) законодательством Российской Федерации невозможна без взаимодействия с другими государственными органами, осуществляющими природоохранную деятельность. Очевидно, что для каждого отдельно взятого государственного органа возможности по защите национальных интересов нашей страны в процессе осуществления природоохранной деятельности будут различными. Поэтому необходимым фактором обеспечения безопасности Российской Федерации являются совместные согласованные действия всех субъектов [5, с. 86], осуществляющих полномочия в выделенной сфере.

Исходя из основных задач, стоящих перед пограничными органами, целями взаимодействия с органами исполнительной власти Российской Федерации по защите национальных интересов в сфере охраны окружающей среды являются: развитие международных связей России; повышение эффективности природоохранной деятельности; выявление, предупреждение и пресечение правонарушений, отнесенных к подведомственности пограничных органов в сфере природоохранной деятельности; обеспечение комплексного, эффективного и дифференцированного использования сил и средств органов исполнительной власти при осуществлении природоохранной деятельности; исключение дублирования функций взаимодействующих подразделений органов исполнительной власти при осуществлении ими природоохранной деятельности.

В практике правоохранительных органов межведомственное взаимодействие может осуществляться различными способами. Специфика предназначения этих государственных органов требует постоянного и конструктивного взаимодействия всех их подразделений [6, с. 55]. Это

предопределяется, во-первых, общностью их целей. Во-вторых, каждый из них по отдельности не обладает необходимым комплексом сил и средств для решения задач в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. В-третьих, совместная деятельность помогает избежать параллелизма, пробелов и дублирования в выполнении своих функций ее участниками, тем самым обеспечивает максимально результативное и эффективное использование специфических форм и методов взаимодействия при обеспечении национальной безопасности.

По мнению экспертов, взаимодействие по вопросам охраны окружающей среды при осуществлении пограничной деятельности должно реализовываться преимущественно в следующих формах (в порядке убывания): планировании и проведении совместных действий – 83,8%; обмене информацией – 76,1%; совместном анализе обстановки и обмене аналитическим материалом – 53,8%; совместной разработке и принятии нормативных правовых актов – 53,0%.

Таким образом, анализ взаимодействия пограничных органов при реализации ими своей компетенции в сфере охраны окружающей среды при осуществлении пограничной деятельности позволил сделать следующие выводы: отсутствие единого подхода в правовом регулировании взаимодействия снижает потенциал его использования; взаимодействие пограничных органов с другими государственными органами должно осуществляться преимущественно в формах: планирования и проведения совместных действий, обмена информацией, совместного анализа обстановки и обмена аналитическим материалом, совместной разработки и принятия нормативных правовых актов.

Проведенное исследование выявило следующие современные тенденции развития координации деятельности и организации взаимодействия: делегирование полномочий в сфере охраны морских биологических ресурсов межведомственным коллегиальным органам, решения которых носят рекомендательный характер; недостаточное правовое регулирование реализуемых функций органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, межведомственной координацией деятельности и организацией взаимодействия при защите и охране экономических и иных интересов Российской Федерации в пределах приграничной территории, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации, посредством организации межведомственных мобильных групп. Данные тенденции свидетельствуют о необходимости учета оценки

природоохранной деятельности органов исполнительной власти по направлениям организации и координации деятельности других органов государственной власти и организации взаимодействия.

При отсутствии линейных управленческих связей для реализации некоторых функций пограничных органов при осуществлении природоохранной деятельности необходимо использовать определяемые правовыми нормами функциональные управленческие связи по координации деятельности других органов исполнительной власти Российской Федерации, уполномоченных в сфере управления и охраны водных биологических ресурсов. Координация охраны окружающей среды при осуществлении пограничной деятельности – это совместное решение, осуществляемое на принципах взаимодействия уполномоченных субъектов и коллегиальности принимаемых решений по охране морских биологических ресурсов; охране среды обитания водных биологических ресурсов; поддержанию биологического разнообразия, сохранению редких и находящихся под угрозой уничтожения видов животных или растений.

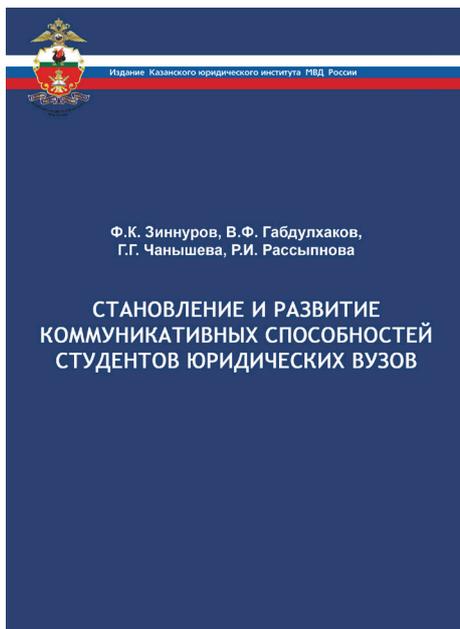
Системному совершенствованию правового регулирования охраны окружающей среды при осуществлении пограничной деятельности и ее организации будут способствовать изменения в нормативных правовых актах, которые по степени общности правовых норм можно условно разделить на две группы:

– внесение изменений в нормы общего действия, выраженные в нормативных правовых актах органов исполнительной власти Российской Федерации, касающихся природоохранной деятельности с целью максимального учета стратегических целей обеспечения национальной безопасности по сохранению окружающей природной среды и обеспечение ее защиты [О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ № 537 от 12 мая 2009 г.: по сост. на 27 нояб. 2015 г.; ст. 85];

– совершенствование нормативных предписаний, установленных нормативными правовыми актами ФСБ России, касающихся: организации природоохранной деятельности при защите и охране экономических и иных законных интересов Российской Федерации пограничными органами; координации деятельности и организации взаимодействия по вопросам охраны окружающей среды; совершенствования методики оценки результативности и эффективности охраны окружающей среды при осуществлении пограничной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Холопова Е. Н., Григорьев А. Г. Правовая характеристика охраны окружающей среды при осуществлении пограничной деятельности // Юридический мир. 2014. № 10. С. 40–44.
2. Готчина Л. В. Молодежный наркотизм в современной России: криминологический анализ и профилактика: дис. ... док. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2011.
3. Готчина Л. В. Профилактика молодежного наркотизма: теория, опыт, перспективы: монография. Санкт-Петербург: ООНИ и РИД Санкт-Петербургского университета МВД России, 2009. 201 с.
4. Корчагина И. В. Государственно-правовая система органов специальной компетенции в сфере рыболовства и охраны водных биологических ресурсов: некоторые проблемы законодательного регулирования // Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (50). С. 215–217.
5. Готчина Л. В. Молодежный наркотизм: состояние и проблемы профилактики (на материалах социологического исследования в Центральном федеральном округе России): монография. Белгород: ООНИ и РИД БелЮИ МВД России, 2006.
6. Готчина Л. В. Организация межведомственного взаимодействия в процессе профилактики молодежного наркотизма: монография. Белгород: ООНИ и РИД БелЮИ МВД России, 2004.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

**Зиннуров Ф.К., Габдулхаков В.Ф., Чанышева Г.Г.,
Рассыпнова Р.И.**

Становление и развитие коммуникативных способностей студентов юридических вузов: монография. – Казань, 2016. – 532 с.

Одной из важных задач современного ведомственного юридического образования является качественная профессиональная подготовка офицеров полиции, готовых профессионально и компетентно выполнять свои служебные задачи. Выпускники этих вузов являются хорошо подготовленными специалистами юридического профиля, но при этом зачастую имеют низкие знания, умения и навыки в области психологии и педагогики, этики и культуры общения с подростками ненормативного, девиантного типа поведения.

Монография адресована преподавателям, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России.

УДК 343.01

Е.В. Рогова

МЕСТО УЧЕНИЯ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

В статье рассматривается учение о дифференциации уголовной ответственности как частная уголовно-правовая теория. Приводятся основные этапы возникновения предпосылок к формированию данного учения. Определяется предмет, содержание учения о дифференциации уголовной ответственности, а также его методологические основания. Обосновывается взаимосвязь данного учения с другими частными теориями уголовно-правовой науки, выделяются междисциплинарные связи.

Ключевые слова: учение, наука уголовного права, частная уголовно-правовая теория, дифференциация уголовной ответственности.

Развитие науки уголовного права привело к появлению новых частных теорий (учений). В настоящее время в науке уголовного права сформировалось достаточное число таких частных теорий, среди которых учение о преступлении, учение о наказании, учение о вине, учение о необходимой обороне, учение о соучастии, учение о составе преступления, учение об объекте преступления, учение о потерпевшем и др.

Учение о дифференциации уголовной ответственности – это частная уголовно-правовая теория, являющаяся частью науки уголовного права и представляющая собой совокупность теоретических положений о сущности, принципах, закономерностях дифференциации уголовной ответственности. Понятие дифференциации уголовной ответственности, ее цель, задачи, принципы, средства и другие вопросы занимают значительное место в науке уголовного права, тем самым создавая основу формирования учения о дифференциации уголовной ответственности, являющегося целостной системой относительно достоверных знаний, концептуально-теоретических построений, категорий и понятий.

В связи с изучением вопроса о месте учения о дифференциации уголовной ответственности в науке уголовного права необходимо рассмотреть основные этапы возникновения предпосылок к формированию данного учения.

В российской дореволюционной науке уголовного права находили освещение вопросы наказа-

ния и его дифференциации. В случае если в научной литературе встречался термин «уголовная ответственность», он трактовался исключительно как наказание. Так, профессор Н.С. Таганцев писал, что «уголовный закон – это повеление, исходящее в установленном порядке от верховной власти, определяющей уголовную ответственность за посягательство на нормы права» [1, с. 141].

Однако было бы неправильным игнорировать предпосылки, ставшие основой формирования учения об уголовной ответственности и ее дифференциации, которые были заложены в тот период в науке уголовного права представителями различных школ уголовного права.

В первой половине XIX века представители антропологической школы уголовного права подняли вопрос о дифференцированном подходе к первичным и привычным преступникам. Развитие дифференцированного подхода к преступникам и воплощение его в уголовно-правовой политике и законодательстве относится к заслугам социологической школы уголовного права. К случайным преступникам предлагалось применять минимально необходимое для их исправления наказание, а в отношении привычных преступников использовать более жесткие меры уголовного наказания. В связи с этим Ф. Лист писал, что деление преступников на случайных и привычных должно служить для законодателя базисом при последующем совершенствовании уголовного законодательства [2, с. 83–84].

Рогова Евгения Викторовна, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

e-mail: rev-80@yandex.ru

© Рогова Е.В., 2016

Статья получена: 29.09.2015

На этот факт указывали представитель позитивистской школы уголовного права Э. Ферри, говоря о том, что предложенная им классификация преступников должна стать одним из главных положений для юридической науки, на нем должно основываться определение как характера, так и средств социальной защиты от преступлений [3, с. 171–172].

Уже в тот период писали, что искусство законодателя состоит в отыскании для каждого определенного преступления наказания с минимальным и максимальным его пределом, что является актуальным и в настоящее время при дифференциации уголовной ответственности. В отношении тяжких случаев (квалифицированные случаи) законодатель возвышал минимум или максимум наказания, или тот и другой, или устанавливал вид более тяжкого наказания. В случаях менее тяжких (привилегированные случаи) законодатель поступал противоположным образом, то есть понижал минимум или максимум наказания, или тот и другой, либо закреплял менее тяжкий вид наказания.

Для классической школы уголовного права было характерным то, что мера наказания, как в законе, так и в приговоре, должна быть пропорциональна мере (тяжести) совершенного преступления. В середине XIX века профессор В.Д. Спасович писал, что «наказание должно быть равносильно преступлению и в самом преступлении иметь свою меру. Наказание должно быть определено и в качественном, и в количественном отношении так, чтобы быть равномерным качеству и количеству содеянного преступником зла, содержать равную ему ценность» [4, с. 108]. В этом высказывании ученого четко прослеживается принцип пропорциональности, соразмерности наказания тяжести совершенного преступления.

В уголовной науке советского периода идеи дифференциации уголовной ответственности продолжали развиваться, привлекая к себе внимание ученых. Так, ряд работ профессора В.И. Курляндского посвящен вопросам уголовной ответственности, ее дифференциации в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния [5]. По этому поводу профессор Т.М. Кафаров отмечал, что одной из характерных черт, присущих уголовному законодательству, является углубление дифференциации уголовной ответственности за совершение преступлений. Изменения законодательства того периода имели своей целью обеспечение более дифференцированного подхода к правонарушителям в зависимости от их личности и степени общественной опасности [6, с. 79–80]. Некоторые вопросы дифференциации уголовной ответственности в связи с эффективностью наказания были освещены и в работах

профессора И.М. Гальперина [7, с. 69–76].

Одной из достаточно значимых работ, посвященных исследованию указанных трудов, является монография Ю.Б. Мельниковой, которая рассмотрела общие вопросы юридической ответственности, ее сущности, дифференциации, а также осветила проблемы дифференциации и индивидуализации ответственности в уголовном законе [8].

Кроме того, нельзя обойти вниманием и диссертационные исследования, в которых нашли отражение проблемы дифференциации уголовной ответственности. Так, в диссертации В.П. Коробова были рассмотрены вопросы, связанные с определением места дифференциации уголовной ответственности в уголовной политике, ее понятием, пределами осуществления, а также даны теоретические основы классификации уголовно наказуемых деяний [9].

Таким образом, изложенное позволяет прийти к выводу о том, что имеющиеся в научной литературе положения значительно повлияли на возникновение предпосылок для становления учения о дифференциации уголовной ответственности. Отечественная юридическая наука накопила определенные теоретические и методологические знания в области дифференциации уголовной ответственности.

Оформление и дальнейшее развитие учения о дифференциации уголовной ответственности не утрачивает своей значимости и в настоящее время, по сей день остается актуальным в свете реформирования уголовного законодательства.

В настоящий период развития уголовно-правовой науки определенный вклад в становление учения о дифференциации уголовной ответственности внесли представители ярославской научной школы уголовного права под руководством профессора Л.Л. Кругликова. Так, в диссертационной работе А.В. Васильевского рассмотрены вопросы дифференциации уголовной ответственности в Общей части УК РФ [10], работа О.Г. Соловьева посвящена проблемам дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения [11]. О.Н. Чупрова изучила вопросы дифференциации уголовной ответственности в уголовном праве стран континентальной Европы, провела сравнительный анализ с дифференциацией уголовной ответственности в уголовном праве России [12].

Диссертационное исследование Т.А. Лесниевски-Костаревой внесло значительный вклад в решение ряда научно-прикладных проблем, связанных с дифференциацией уголовной ответственности. В этой работе содержатся новые научные суждения доктринального характера, отражающие понятие дифференциации уголовной

ответственности, ее виды, средства осуществления в российском законодательстве [13].

Следует отметить ряд диссертационных работ, посвященных рассмотрению вопросов дифференциации уголовной ответственности за различные виды преступлений. Так, в исследовании Э.В. Кабурнеева нашли освещение вопросы дифференциации уголовной ответственности за преступления против жизни [14]. О.А. Адоевская в своей работе рассмотрела проблемы дифференциации уголовной ответственности за кражи [15].

Несмотря на то, что проблемы дифференциации уголовной ответственности исследуются в уголовно-правовой науке, следует обратить внимание на то, что фундаментальных работ, как показало исследование, немного. Авторами рассматриваются либо отдельные аспекты дифференциации уголовной ответственности, либо вопросы дифференциации уголовной ответственности за конкретные виды преступлений. Кроме того, существенно изменившиеся социально-экономические условия обуславливают возвращение к изучению фундаментальных вопросов дифференциации уголовной ответственности.

Содержание учения о дифференциации уголовной ответственности, его предмет определяют его место в науке уголовного права. Изучение проблем дифференциации уголовной ответственности направлено на дальнейшую разработку фундаментальных вопросов науки уголовного права, таких как преступление и наказание, уголовно-правовое отношение и уголовная ответственность. Проблемы учения о дифференциации уголовной ответственности связаны с изучением как Общей, так и Особенной частей уголовного права.

Любое относительно самостоятельное научное направление в границах конкретной науки имеет свой предмет исследования. Учение о дифференциации уголовной ответственности в уголовном праве имеет свой специфический предмет исследования, в основу которого положена мысль о том, что наряду с исследованием вопросов самой уголовной ответственности, на таком же уровне должны быть исследованы вопросы ее дифференциации. Таким образом, предметом учения выступает сама дифференциация уголовной ответственности.

В предметную плоскость учения о дифференциации уголовной ответственности входят положения, отражающие:

- определение места учения о дифференциации уголовной ответственности в науке уголовного права;
- структуризация учения о дифференциации уголовной ответственности;
- основополагающие начала (принципы) диф-

ференциации уголовной ответственности;

- цели и задачи дифференциации уголовной ответственности;

- понятийно-категориальный аппарат.

Содержание учения о дифференциации уголовной ответственности составляют следующие элементы:

- методологические основы учения о дифференциации уголовной ответственности;

- социальные и криминологические основы дифференциации уголовной ответственности;

- дифференциация уголовной ответственности в уголовном законодательстве зарубежных стран;

- понятие дифференциации уголовной ответственности;

- цель и задачи дифференциации уголовной ответственности;

- принципы дифференциации уголовной ответственности;

- критерии дифференциации уголовной ответственности;

- средства дифференциации уголовной ответственности.

Методологическую основу учения о дифференциации уголовной ответственности составляет диалектический метод познания, имеющий свои особенности проявления применительно к данному учению, обусловленные предметом исследования. Его особенность заключается в применении при изучении вопросов дифференциации уголовной ответственности, наряду с системным подходом, «деятельностного» подхода, позволяющего рассматривать дифференциацию уголовной ответственности не только как научную абстракцию, но и как форму социальной практики, наполненную правотворческой деятельностью.

Деятельностный подход позволяет объяснить закономерности развития системы через результат ее деятельности. Результатом деятельности законодателя по дифференциации уголовной ответственности являются нормы, дифференцирующие уголовную ответственность. Изучение этих норм, а также практики их применения, позволяет говорить об эффективности или неэффективности деятельности законодателя по дифференциации уголовной ответственности.

Учение о дифференциации уголовной ответственности связано с другими имеющимися в науке уголовного права учениями: о преступлении, о составе преступления, об освобождении от уголовной ответственности, об уголовной ответственности несовершеннолетних. Кроме того, прослеживается связь с положениями уголовного права зарубежных стран, основными направлениями развития науки уголовного права и др. Особо следует обра-

тратить внимание на связь с понятием «уголовная ответственность», так как предметом дифференциации выступает именно уголовная ответственность.

На междисциплинарном уровне учение о дифференциации уголовной ответственности имеет точки соприкосновения с конституционным правом, уголовно-исполнительным правом, уголовным процессом, административным правом, криминологией, уголовной политологией. Вопросы дифференциации уголовной ответственности актуальны для комплекса отраслей криминального цикла, предметом регулирования которых выступают общественные отношения в сфере борьбы с преступностью.

В целях обеспечения достойной жизни граждан и свободного развития каждого члена общества Конституция Российской Федерации устанавливает дифференцированный подход к обеспечению социальной защиты граждан в зависимости от принадлежности к различным возрастным, религиозным, этническим и иным группам. Анализ нормы конституционного права позволяет прийти к выводу о том, что в них закреплено положение о дифференциации государственного воздействия, которая должна найти применение в деятельности законодательных органов.

Деятельность законодателя, состоящая в дифференциации уголовной ответственности, выходит за рамки уголовного права и распространяется на процесс исполнения наказания. Дифференциация исполнения наказания предполагает, что к различным категориям осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений должен применяться различный объем карательного воздействия, о чем говорят Л.Л. Кругликов и А.Л. Санташов [16, с. 21–22]. Основой такой дифференциации является разделение всей массы осужденных на относительно отдельные категории в целях урегулирования применения к ним различного объема карательного воздействия.

В уголовном процессе дифференциация уголовной ответственности влияет на одноименный процесс дифференциации производства по уголовному делу в зависимости от категории совершенного преступления.

При разработке и обосновании основополагающих идей учения о дифференциации уголовной ответственности необходимо использовать возможности криминологической науки. Осуществляемая дифференциация уголовной ответственности должна быть криминологически обоснованной. Криминологические исследования позволяют оценить уровень эффективности уголовно-правовых норм, дифференцирующих уголовную ответственность, в борьбе с преступ-

ностью, определить недостатки уголовно-правового регулирования, реализовать идеи дифференциации уголовной ответственности.

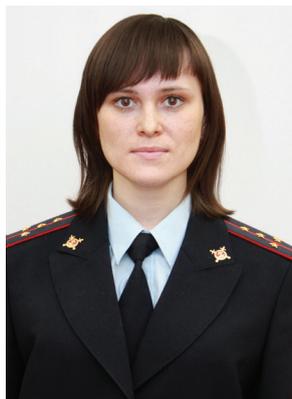
Наличие межотраслевой дифференциации ответственности обуславливает взаимосвязь учения о дифференциации уголовной ответственности с административным правом. Это имеет место при решении законодателем вопроса об определении вида реагирования, например, на хищение, хулиганство, правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков, оружия и т.п.

Таким образом, представленные суждения о месте учения о дифференциации уголовной ответственности в науке уголовного права позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, изучение вопросов дифференциации уголовной ответственности стало привлекать внимание со стороны научной общественности с 70-х гг. XX столетия. В науке уголовного права имеются работы, посвященные проблемам дифференциации уголовной ответственности, однако ряд вопросов нуждаются в дальнейшем глубоком изучении. Поэтому необходима систематизация имеющихся в науке уголовного права положений по вопросам дифференциации уголовной ответственности, оформление самостоятельного учения и его дальнейшее развитие. Во-вторых, учение о дифференциации уголовной ответственности, являясь частной уголовно-правовой теорией, представляет собой совокупность теоретических положений о сущности, принципах, закономерностях дифференциации уголовной ответственности. В-третьих, учение о дифференциации уголовной ответственности, как частная уголовно-правовая теория и наука уголовного права, которую оно представляет, соотносится как часть и целое. Это учение имеет немало общего и тесно взаимодействует с рядом других теоретических построений уголовного права. Учение о дифференциации уголовной ответственности связано с предметом уголовного права и предметом науки уголовного права, с понятиями «преступление» и «состав преступления»; с уголовной ответственностью и ее основанием; с освобождением от уголовной ответственности, с уголовной ответственностью несовершеннолетних; с уголовным правом зарубежных стран; с основными направлениями развития науки уголовного права и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русское уголовное право. Лекции Н. С. Таганцева. 2-е изд. Часть Общая. СПб., 1902. С. 141.
2. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2011. С. 83–84.
3. Ферри Э. Уголовная социология / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2012. С. 171–172.
4. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1863. С. 108.
5. Курляндский В. И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 77–95; Он же. Уголовная ответственность и ответственность за проступок // Демократия и право развитого социалистического общества: Материалы Всесоюз. науч. конф. 21–23 ноября 1973. М., 1975. С. 376–377.
6. Кафаров Т. М. О дифференциации ответственности в статьях Особенной части уголовных кодексов // Теоретические и практические проблемы нового уголовного законодательства. М., 1985. С. 79–80.
7. Гальперин И. М. Дифференциация уголовной ответственности и эффективность наказания // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 69–76.
8. Мельникова Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 1989.
9. Коробов П. В. Дифференциация уголовной ответственности и классификация уголовно наказуемых деяний: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983.
10. Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000.
11. Кругликов Л. Л., Соловьев О. Г. Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения: (Вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности). Ярославль, 2003.
12. Чупрова О. Н. Дифференциация ответственности в уголовном праве стран континентальной Европы и России: компаративистский аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2008.
13. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999.
14. Кабурнеев Э. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007.
15. Адоевская О. А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007.
16. Кругликов Л. Л., Санташов А. Л. Дифференциация исполнения наказания: понятие, основания, пределы и средства осуществления // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 2. С. 21–22.

УДК 343.573

Э.Д. Шайдуллина

КОНТРАБАНДА АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ (СТ. 200.2 УК РФ): УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье определено понятие контрабанды, дана уголовно-правовая характеристика статьи 200.2 УК РФ, предметом преступления которой является алкогольная продукция, а также проанализированы вопросы квалификации данной уголовно-правовой нормы и предпринята попытка их разрешения на основании действующего законодательства и сложившейся правоприменительной практики.

Ключевые слова: контрабанда, алкогольная продукция, Таможенный кодекс Таможенного союза, преступное деяние, состав преступления, уголовно-правовая квалификация.

27 ноября 2009 г. решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества было создано единое таможенное пространство между некоторыми странами – участниками СНГ, а также утвержден Таможенный кодекс Таможенного союза (далее по тексту – ТК ТС) [1]. В настоящее время, согласно ч. 1 ст. 2 ТК ТС, единую таможенную территорию таможенного союза составляют территории Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации.

Расширение таможенных границ Российской Федерации в рамках Таможенного союза значительно увеличивает экономические возможности ее субъектов. Однако, с другой стороны, способствует развитию и незаконной деятельности. Не стала исключением и сфера производства и оборота алкогольной продукции.

Это привело к тому, что Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ [2] «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий» в Уголовный кодекс РФ была введена новая статья 200.2 УК РФ «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий». В соответствии с частью первой данной статьи под контрабандой алкогольной продукции и (или) табачных изделий следует понимать их незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в крупном размере.

Следует отметить, что до 2012 года настоящие деяния преследовались по статье 188 УК РФ «Контрабанда», которая была декриминализована Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3].

Обращаясь к действующей редакции уголовного закона России, остановимся на исследовании состава преступления, предусмотренного статьей 200.2 УК РФ [4] в части, касающейся алкогольной продукции.

По нашему мнению, непосредственным объектом контрабанды алкогольной продукции являются общественные отношения, связанные с государственным регулированием взаимодействия между товаропроизводителями алкоголя Таможенного союза и других государств, перемещаемого через границу Таможенного союза.

Предметом преступления является алкогольная продукция. Согласно Федеральному закону от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», под алкогольной продукцией следует понимать пищевую продукцию, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей продукции, с содержанием этилового спирта более 05, процента объема готовой продукции, за

Шайдуллина Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
e-mail: elya-hi@bk.ru

© Шайдуллина Э.Д., 2016

Статья получена: 22.09.2015

исключением пищевой продукции в соответствии с перечнем, установленным Правительством РФ. Согласно п. 7 ст. 1 настоящего закона к алкогольной продукции относятся спиртные напитки (в том числе водка, коньяк), вино, в том числе фруктовое, ликерное, игристое (шампанское), винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, а также сидр, пуаре, медовуха [5].

Объективную сторону рассматриваемого преступного деяния составляет незаконное перемещение алкогольной продукции через таможенную границу Таможенного союза в крупном размере. В свою очередь, согласно Таможенному кодексу Таможенного союза, незаконное перемещение товаров через таможенную границу – перемещение товаров через таможенную границу вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации, равно как и покушение на такое перемещение (п. 19 ст. 4 ТК ТС).

Рассматривая первый способ контрабанды алкогольной продукции, следует отметить, что местами перемещения товаров через таможенную границу являются пункты пропуска через государственные (таможенные) границы государств – членов таможенного союза либо иные места, определенные законодательством государств – членов таможенного союза (ст. 151 ТК ТС).

Под сокрытием от таможенного контроля алкогольной продукции следует понимать использование в этих целях тайников, применение других способов, препятствующих обнаружению незаконно перемещаемого алкоголя, в том числе придание ему вида другого товара (например, воды, соков, технических жидкостей и т.д.) [6, с. 18].

Недостоверное декларирование товаров, перемещаемых через таможенную границу, подразумевает предоставление недостоверных сведений, необходимых для таможенного оформления. Недекларированием признается незаявление таможенному органу в установленной Таможенным кодексом Таможенного союза письменной, устной, электронной или конклюдентной форме сведений о товарах (в нашем случае – алкогольной продукции), их таможенном режиме и других сведений, необходимых для таможенных целей [7, с. 134].

В соответствии с п. 28 ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза под таможенными документами следует понимать документы, составляемые исключительно для таможенных целей. Исходя

из положений настоящего законодательного акта, к таковым относятся таможенная декларация, декларация либо сертификат о прохождении товара, коммерческие документы (счет-фактура (инвойс), спецификации, отгрузочные и упаковочные листы и другие документы, используемые при осуществлении внешнеторговой и иной деятельности, а также для подтверждения совершения сделок, связанных с перемещением товаров через таможенную границу таможенного союза), транспортные (перевозочные) документы (коносамент, накладная или иной документ, подтверждающий наличие договора перевозки товаров и сопровождающий их при такой перевозке) и прочие документы. В свою очередь, в качестве средств идентификации для таможенных целей могут признаваться пломбы, печати или иные средства идентификации, примененные таможенными органами иностранных государств, а также отправителями товаров или перевозчиками (ч. 3 ст. 109 ТК ТС).

На основании положений Уголовного кодекса РФ возникает вопрос, требуется ли дополнительная квалификация по ст. 327 УК РФ для привлечения к уголовной ответственности за саму подделку таможенных документов либо средств идентификации. Диспозиция статьи 200.2 УК РФ, в соответствии с нормами ТК ТС, подразумевает только непосредственное использование поддельных документов либо средств идентификации для незаконного перемещения алкогольной продукции через таможенную границу таможенного союза. Соответственно, сам процесс подделки, изготовления либо сбыт таких объектов материального мира, предшествующий контрабанде, на наш взгляд, следует дополнительно квалифицировать по ст. 327 УК РФ.

Таможенный кодекс Таможенного союза также определил, что к незаконному перемещению товаров через таможенную границу следует также отнести и покушение на такое перемещение. Следовательно, по конструкции объективной стороны состав контрабанды алкогольной продукции является усеченным. Таким образом, можно сделать вывод, что моментом окончания анализируемого преступления является не только незаконное фактическое перемещение алкоголя через таможенную границу Таможенного союза, но и попытка совершить данные преступные действия.

В то же время немаловажным для теории и правоприменительной практики является верная оценка контрабанды алкогольной продукции как продолжаемого преступления. Так, если до осуществления своего преступного намерения умыслом виновного охватывалась необходимость последовательного двукратного перемещения продукции через таможенную границу, то такие

действия должны расцениваться как единое продолжаемое преступление [8, с. 230].

Необходимо также отметить, что контрабанда алкогольной продукции будет признана в качестве преступления только лишь в случае, если данное деяние совершается в крупном размере. Согласно примечанию к ст. 200.2 УК РФ крупным размером признается стоимость алкогольной продукции, превышающей 250 000 рублей. При этом в ходе расчета размера стоимости незаконно перемещенной алкогольной продукции из всей стоимости подлежит исключению та часть стоимости товара, которая таможенным законодательством Таможенного союза разрешена к перемещению без декларирования и (или) была задекларирована.

С субъективной стороны контрабанда алкогольной продукции возможна при наличии прямого умысла, когда лицо осознает общественную опасность деяния и желает совершить общественно-опасное деяние.

При анализе субъективной стороны данного преступления возникает вопрос о квалификации контрабанды суррогатной алкогольной продукции с содержанием в ее составе сильнодействующих либо ядовитых веществ. По нашему мнению, квалификация такого преступного деяния зависит именно от умысла виновного. Так, если преступник использовал алкогольную продукцию в качестве средства перемещения через таможенную границу Таможенного союза ядовитых либо сильнодействующих веществ, то в данном случае деяние надлежит квалифицировать по ст. 226.1 УК РФ. В случае же если лицо перевозит незаконно произведенную алкогольную продукцию с желанием ее последующей реализации как качественного алкоголя, то содеянное следует квалифицировать по ст. 200.2 УК РФ. Это обусловлено тем, что, как правило, о наличии в составе перемещаемой алкогольной продукции ядовитых либо сильнодействующих веществ контрабандист либо не знает, либо относится легкомысленно к данному факту.

Субъектом анализируемого преступления, за исключением п. «б» ч. 2 ст. 200.2 УК РФ, признается вменяемое физическое лицо, достигшее на момент совершения преступного деяния возраста 16 лет.

Пункт «б» ч. 2 ст. 200.2 УК РФ предусматривает специальный субъект преступления – должностное лицо, использующее при совершении контрабанды алкогольной продукции свое должностное положение. В теории уголовного права имеются разные позиции относительно понимания данного специального субъекта анализируемого преступления. Например, под должностными лицами таможенных органов следует понимать государственных служащих, в чьи должностные обязан-

ности входит осуществление контрольных функций за перемещением товаров или иных предметов через таможенную границу [9, с. 19].

На наш взгляд, на основании положений Таможенного кодекса Таможенного союза специальным субъектом п. «б» ч. 2 ст. 200.2 УК РФ являются должностные лица таможенного органа. Согласно п. 30 ст. 4 ТК ТС под таможенными органами следует понимать таможенные органы государств-членов таможенного союза. Перечень данных органов, а также должностных лиц, осуществляющих таможенный контроль, определен Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» [10].

Следует отметить, что в случае совершения контрабанды алкогольной продукции должностным лицом с использованием своего служебного положения дополнительной квалификации по ст. 285 УК РФ не требуется. Если же за содействие в таком преступлении должностное лицо как соучастник получает незаконное вознаграждение имущественного характера, ответственность наступает по совокупности за соучастие в контрабанде алкогольной продукции и за получение взятки по ст. 290 УК РФ [11, с. 192].

При этом для анализируемого состава преступления не обязательно, чтобы должностное лицо, использующее служебное положение, само пересекало таможенную границу. Достаточно лишь, чтобы оно по предварительной договоренности с соучастниками выполняло по службе действия, способствующие незаконному перемещению алкогольной продукции через границу, либо умышленно не применяло мер по предотвращению ее ввоза или вывоза [12, с. 100].

Другие квалифицирующие признаки состава преступления, закрепленного в ст. 200.2 УК РФ, предусматривают уголовную ответственность за контрабанду алкогольной продукции в составе группы лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 200.2 УК РФ) и организованной группы (ч. 3 ст. 200.2 УК РФ). Контрабанда алкогольной продукции в составе организованной группы на сегодняшний день по-прежнему имеет международный характер. Например, через Финляндию идут потоком контрабандные грузы, в том числе и алкогольная продукция. Финская полиция считает, что проблема кроется не в лицах, непосредственно незаконно перевозящих товары через границу, а в том, что в контрабандных операциях участвуют организованные преступные группы как стран Западной Европы, СНГ, так и России [13, с. 482].

Предпринятая нами попытка анализа уголовно-правовой характеристики нового состава преступления – контрабанды алкогольной про-

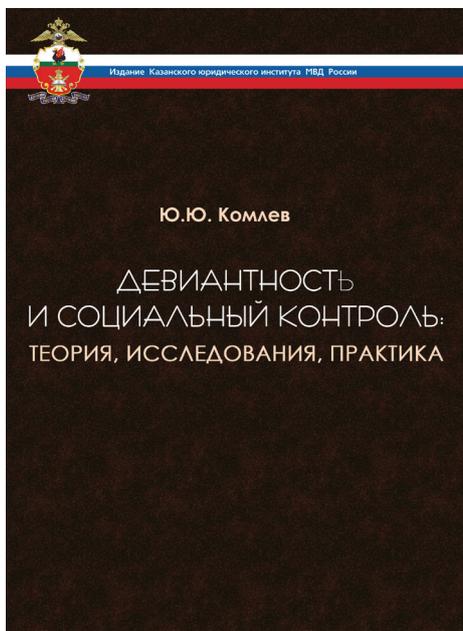
дукции, а также отдельных вопросов ее квалификации, полагаем, позволит создать единообразное понимание данного состава преступления в

правоприменительной практике и, в целом, будет способствовать в борьбе с транснациональной преступностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таможенный кодекс Таможенного союза: приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17 (с изм. от 08.05.2015) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 50. Ст. 6615; официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 2015.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий» в Уголовный кодекс РФ была введена новая статья 2002 УК РФ «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий: Федеральный закон от 31.12.2014 № 530-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (Ч. 1). Ст. 83.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (Ч. 1). Ст. 4393.
5. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (в ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553; Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 3973.
6. Эминов Е. В., Логвинов Ю. В., Бронников С. А. Квалификация экономических преступлений по уголовному законодательству. М.: НОРМА, 2006.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Комлев Ю.Ю.

Девиянтность и социальный контроль: теория, исследования, практика: избранные статьи / Ю.Ю. Комлев. – Казань, 2015. – 422 с.

Сборник включает в себя статьи, опубликованные автором в различных периодических изданиях с 2004 по 2015 годы. Рассматриваются такие актуальные вопросы, как противодействие наркотизму, алкоголизму, коррупции, терроризму, обоснование и совершенствование рестриктивного социального контроля, реформа ОВД; анализируется история девиантологической мысли; обсуждаются проблемы интеграции криминологических знаний в эру постмодерна.

Книга рассчитана на специалистов-юристов, социологов, психологов, практиков в правоохранительных органах, а также студенческую аудиторию юридических и социологических факультетов, вузов.

УДК 340.62

А.Е. Шалагин**И.М. Усманов**

СОВРЕМЕННАЯ НАРКОСИТУАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ, МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В статье анализируется современная наркоситуация в России и Республике Татарстан. Выделяются причины и условия незаконного оборота наркотиков. Особое внимание обращено на предупреждение распространения новых потенциально опасных психоактивных веществ. Сделан криминологический прогноз развития наркоситуации в стране. Предложены меры, направленные на профилактику (минимизацию) наркомании и наркотизма.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, дизайнерские наркотики, новые потенциально опасные психоактивные вещества, наркотические средства, наркопреступления, профилактика наркомании.

Понятие *дизайнерские наркотики* происходит от англ. *to design* (разрабатывать, проектировать). Они представляют собой психоактивные вещества синтетического происхождения, заменяющие или воспроизводящие действие наркотических средств, сходные с ними по химическому составу и вызывающие наркотическую эйфорию. Термин «*дизайнерские наркотики*» появляется в 80-е годы XX столетия и используется для обозначения синтетических опиоидных наркогенов. Такие наркотики приобретают массовую популярность в мире после появления и распространения среди несовершеннолетних преимущественно «*клубных наркотиков*», например, МДМА (экстази).

Психоделики – разновидность психоактивных веществ, воздействие которых на организм человека изменяет привычное восприятие действительности и естественное мышление. Наркотический эффект от потребления таких препаратов сопряжен с галлюцинациями, вхождением человека в транс, необычными сновидениями. К психоделикам от-

носятся синтетические и полусинтетические вещества (DOM, DMT, 2C-B, DOB, LSD и т.п.). К их числу также относятся галлюциногенные грибы, содержащие псилоцин и псилоцибин, активный компонент (мескалин) мексиканского кактуса «Пейотл».

В начале XXI столетия множество аналогов наркотических средств (MDMC, 4-MMC, MMCAT и др.) становятся неотъемлемыми элементами молодежной субкультуры. Особое место в длинном перечне новых потенциально опасных психоактивных веществ занимают «*курительные смеси*» (CP-497, HU-210, JWH-018, JWH-250, RCS-4, RCS-8, UR-144, AB-001 и т.п.). В 2010-2012 годах в России распространение получают мефедрон, метилон, метилдигидропировалерон и др. После того как был определен основной психоактивный компонент курительных смесей, во многих странах стали приниматься антинаркотические нормы, ограничивающие или запрещающие оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ. Такие вещества в обобщенном виде ста-

Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
моб. тел.: 8 904 667 52 08

Усманов Ильгиз Миншакирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры физической подготовки Казанского юридического института МВД России
моб. тел.: 8 917 394 75 78

© Шалагин А.Е., 2016

© Усманов И.М., 2016

Статья получена: 02.10.2015

ли наименоваться «спайсами». *Spice* в переводе с *англ.* означает «специя, смесь, приправа».

Опасность употребления спайсов и психоделиков выражается в:

- нарушениях работы систем (органов) человека, в первую очередь страдает головной мозг и центральная нервная система;

- расстройствах психики, нередко сопровождающихся психозами и неврозами, на фоне ухудшения памяти и сна;

- систематических приступах необъяснимой агрессии, несдержанности, жестокости;

- попытках и оконченных актах суицидального поведения;

- совершении аморальных, антиобщественных, противоправных поступков (такие лица могут представлять угрозу окружающим и охраняемым общественным отношениям).

Действие курительных смесей (новых потенциально опасных психоактивных веществ) на организм человека во много раз превышает воздействие от традиционных наркотических средств. При употреблении таких наркогенов сосуды головного мозга резко сужаются, наступает острое кислородное голодание. У человека развивается устойчивое чувство страха, паники, безысходности, галлюцинации. Нередко потребители спайсов становятся пациентами психиатрических клиник.

Анализ развития наркоситуации в Российской Федерации и результатов правоохранительной деятельности в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков за 2014–2015 годы показывает, что стремительно развивающаяся внешняя наркоэкспансия и насыщение наркорынка новыми видами психоактивных веществ продолжают представлять прямую угрозу национальной и экономической безопасности России, здоровью населения, культурному и нравственному потенциалу страны.

Предпринимаемые правоохранительными органами всевозможные меры, к сожалению, не приносят ожидаемого результата, а уровень наркотизации населения остается достаточно высоким. За последние пять лет в России ликвидировано 50 тысяч наркопритонов и мест производства наркотиков, из незаконного оборота изъято 26 тонн опиатов, в том числе 11,5 тонн афганского героина, 18 тонн синтетических наркотиков, 121 тонна марихуаны и 10 тонн гашиша, выявлено свыше 700 видов новых потенциально опасных психоактивных веществ. В 2014 году объём изъятых синтетических наркотиков в 160 раз превысил количественный показатель десятилетней давности. За 5 лет к уголовной и административной ответственности привлечено 1 млн 200 тыс. человек, пресечена деятельность 26 тыс. организованных преступных групп и преступ-

ных сообществ. Несмотря на принимаемые меры, ежегодно в России 50–60 тыс. молодых людей умирает в результате употребления наркотиков.

По данным мониторинга наркоситуации в Российской Федерации, количество лиц, регулярно и эпизодически потребляющих наркотики, оценивается в 8 млн человек (5,6% населения), в том числе около 3 млн – активные наркопотребители (2% населения) [1].

По итогам 2014 года правоохранительными органами Республики Татарстан выявлено 5 тыс. 176 наркопреступлений (2013 г. – 4851), в том числе непосредственно подразделениями полиции – 3 тыс. 541 (2013 г. – 3335), что составляет 68,4% от общего количества преступлений данной направленности, из которых 2 тыс. 766 – относятся к категории тяжких и особо тяжких. Сотрудниками органов внутренних дел Татарстана из незаконного оборота изъято 172 кг наркотических средств (2013 г. – 145,4 кг), в том числе 51 кг синтетических наркотиков, 27 кг марихуаны, 10 кг маковой соломки и 5 кг гашиша. Перекрыто 27 каналов их транспортировки, из которых 3 – международных (из Китая) и 8 – транзитных. Выявлено 3 тыс. 431 административное правонарушение, связанное с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Пресечена деятельность 25 наркопритонов [2]. На наркологическом учете в Республике Татарстан состоит свыше 18 тысяч граждан, из них с диагнозом «наркомания» – более 9 тысяч человек.

Сотрудники органов внутренних дел отмечают опасную тенденцию на протяжении последних лет, которая выражается в стремительном и неуклонном росте преступного «профессионализма» и высокой организованности наркобизнеса. Наряду с этим происходит интенсивная структурная перестройка криминального рынка наркотиков. Синтетические наркотики вытесняют ранее традиционные марихуану, опиум и героин. Меняются схемы и способы сбыта наркотиков. Так, с 2008 года на территории Российской Федерации все большую популярность начал набирать бесконтактный способ сбыта наркогенов. Для таких целей использовались средства сотовой телефонной связи, обеспечивавшие обмен информацией о времени, месте и способе сбыта наркотиков, путем голосовых переговоров и коротких SMS-сообщений. Подобная система связи наркодиллеров с потребителями наркотиков сравнительно быстро была изучена правоохранительными органами и взята под контроль. Кроме того, правоохранительные органы, при взаимодействии с операторами сотовой связи, получили возможность устанавливать абонента, его местонахождение и проводить комплекс сво-

временных оперативно-розыскных мероприятий.

С развитием информационно-телекоммуникационных систем, проникновением глобальной сети Интернет в повседневную жизнь граждан, эволюционировал механизм совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществах и их аналогов. Новые тенденции в организации сбыта наркотиков бесконтактным способом стали отмечаться в 2011–2012 годах, когда вместо мобильной сотовой телефонной связи лица, осуществляющие сбыт наркотических средств (новых потенциально опасных психоактивных веществ), стали использовать возможности Интернета.

В настоящий период преступники для обмена информацией задействуют программы (Skype, Brosix, Jabber, ICQ и др.), позволяющие мгновенно обмениваться сообщениями (в том числе фото и видеоизображениями) о намерениях и условиях сбыта (приобретения) наркотиков, местах тайниковых закладок и прочей информацией.

В результате мониторинга Роскомнадзором сети Интернет установлено, что пользователями только одного региона России ежемесячно запрашивается информация со словами: «наркотик» – 10 000, «спайс» – 7 000, «марихуана» – 1 150, «гашиш» – 1 000, «героин» – 850. По запросу «как приготовить амфетамин в домашних условиях» – интернет выдает 32 тыс. сайтов, которые содержат информацию о способах изготовления наркотиков в домашних условиях. При запросе в поисковой системе «Yandex» слова «наркотик» выдает 46 млн сайтов, «марихуана» – 9 млн, «героин» – 8 млн, «спайс» – 6 млн, «курительные смеси» – 1 млн, «дезоморфин» – 578 тыс. [3]

При выявлении преступлений, связанных с бесконтактным способом реализации (сбыта) наркотических средств, прежде всего, необходимо установить механизм совершения сделки, отследить всю цепочку соучастников от «поставщика» до «потребителя», с последующим установлением производителя.

Проведенный анализ научной литературы и обобщение практического опыта отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков УУР МВД по РТ позволило определить примерную структуру преступной группы наркосбытчиков с определением их ролей и функций.

1. «Закладчик» – низшая ступень в иерархии. В эту группу набирают из числа посетителей интернет-форумов. В качестве залога за полученные для распространения наркотики на счет «работодателя» вносится от 3 до 5 тысяч рублей либо отправляются электронные копии личных документов. Как показывают результаты проведенных

ОРМ, исполнитель получает «заработную плату» в размере 150–200 рублей за каждую «закладку».

2. «Оптовый закладчик» – лицо, отбираемое из числа положительно зарекомендовавших себя исполнителей. Как правило, получает от оператора адреса с закладками небольших партий наркотических средств или психотропных веществ до 100 граммов. Также занимается расфасовкой наркотиков, делает более мелкие «закладки» для рядовых исполнителей, сообщает адреса закладок «оператору». Получает «заработную плату», как правило, в процентах от суммы, вырученной от продажи наркотиков.

3. «Оператор» – лицо, осуществляющее связь между «базами», «закладчиками» и потребителями наркотиков. Занимается рекламой интернет-магазина на чатах и форумах. Получает от «закладчиков» адреса с «кладами», которые передает потребителям после подтверждения оплаты наркотиков. Указывает «закладчикам» и «кладовщикам» количественную и качественную потребность в «закладках». В своей деятельности активно используют интернет-программы Skype, ICQ и т.п.

4. «Финансовый директор, менеджер» – ежедневно получает отчет от «операторов» о продажах, указывает им, на какие электронные счета переводить денежные средства. Консультирует по финансовым вопросам. Занимается оформлением Qiwi-кошельков, номеров (счетов), на которые ежедневно переводятся денежные средства от потребителей наркотических средств и психотропных веществ.

5. «Хакер» – консультирует «операторов» и «кладовщиков» по информационно-техническим вопросам. Составляет инструкции по безопасному пользованию Интернетом, средствами мобильной связи (через «Brosix», «Skype» и «ICQ»). Выдает логины и пароли для указанных программ через интернет-сервис безопасного обмена данными [http:// privnote.com](http://privnote.com). Помогает «операторам» и «кладовщикам» настраивать оргтехнику, используемую в работе.

6. «Курьер» – лицо, осуществляющее транспортные услуги по перевозке крупных партий наркотиков, чаще на личном транспорте, но может пользоваться услугами общественного транспорта (такси, автобус или железнодорожные поезда дальнего и пригородного сообщения).

7. «Кладовщик» – лицо, которое занимается хранением крупных партий наркотиков от 1 кг и выше. Получает партии наркотических средств или психотропных веществ с помощью служб доставки, почтовых отправлений, «курьеров», получает «заработную плату» от финансового директора.

8. «Старший группы или координатор» – осуществляет контрольные функции всех нижних

звеньев, решает вопросы повышения «заработной платы», продвижения по «карьерной лестнице».

На основе криминологического анализа наркоситуации в России можно сделать прогноз ее развития на ближайшие годы, который будет характеризоваться:

- увеличением количества организованных преступных групп (сообществ) с межрегиональными (транснациональными) связями, созданием ими глубоко законспирированных (разветвленных) сетей распространения наркотиков;

- ростом международной организованной наркопреступности с наращиванием контрабандной активности (в сфере незаконного оборота наркотиков и потенциально опасных психоактивных веществ);

- возрастающим влиянием наркомафии на общеуголовную и экономическую преступность, появлением новых способов (приемов) легализации денежных средств (иного имущества), вырученного от незаконных операций с наркотиками;

- отставанием современных методик выявления (обнаружения) в организме человека следов новых потенциально опасных психоактивных веществ, что будет способствовать росту уровня латентности наркозависимых;

- оптимизацией процесса реализации (сбыта) наркотических средств их аналогов бесконтактным способом, с использованием современных информационных и компьютерных технологий [4, с. 89].

Как правило, основными участниками незаконных операций по продаже наркотических средств или психотропных веществ являются молодые люди в возрасте от 17 до 29 лет, нередко учащиеся (студенты), лица, не имеющие постоянного места работы (источника дохода).

Разработка преступных групп, осуществляющих сбыт наркотиков через Интернет и систему электронных платежей, достаточно сложна, требует детального и длительного документирования фактов преступной деятельности, значительного количества привлекаемых сил и оперативно-технических средств.

Результаты изучения проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ свидетельствуют о дальнейшем ее обострении и актуальности. Продолжается интенсивное вовлечение населения в злоупотребление наркотиками, нередки случаи культивирования и выращивания растений, содержащих наркотические средства, нарушения в области легального оборота наркотиков. Прослеживается динамика увеличения выявления фактов организации и содержания наркопритонов, имеет место преступная выдача либо подделка рецептов, дающих право на получение наркотических средств.

Анализ уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ показал, что, несмотря на предпринятые правотворческие меры по совершенствованию антинаркотического законодательства, необходимость его дальнейшего совершенствования не отпала и в настоящее время является одним из актуальных направлений уголовно-правовой политики.

С учетом сложившейся криминогенной ситуации в стране требуется дальнейшая активизация работы всех правоохранительных органов по выявлению и раскрытию преступлений данной направленности. В связи с этим особое внимание необходимо обратить на документирование, пресечение и пресечение преступных действий, связанных с распространением наркотиков, а равно совершение таких преступлений организованными группами и преступными сообществами. Поэтому в решении организационно-управленческих, социально-экономических, политических, морально-психологических, оперативно-тактических задач значительное внимание должно быть уделено обеспечению реализации антинаркотических программ и антинаркотических стандартов [5, с. 178–180].

Большое значение в предупреждении незаконного оборота наркотиков отводится разъяснительной работе с населением и пропаганде здорового образа жизни, осуждению социально-негативных явлений, обуславливающих и воспроизводящих преступность.

Индивидуальное предупреждение наркомании и незаконного оборота наркотиков выражается в следующем комплексе мер:

- выявление и постановка на профилактический учет лиц, употребляющих наркотические средства и склонных к совершению преступлений;

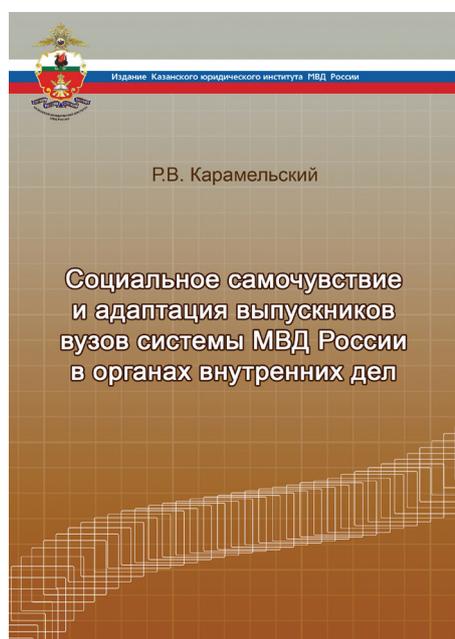
- профилактический контроль и проведение с такими лицами профилактических бесед;

- осуществление в отношении указанных лиц мероприятий воспитательного, медицинского, психолого-педагогического, правового и иного характера с целью недопущения ими аморального, противоправного, антиобщественного поведения [6, с. 278];

- социальная адаптация и ресоциализация лиц, ранее допускаявших немедицинское потребление наркотиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 299 // СЗ РФ. 2014. № 18 (часть I). Ст. 2148.
2. Состояние преступности и правопорядка в Республике Татарстан по итогам 2014 года. URL: [http://www.gossov.tatarstan.ru/fs/site_documents_struc/17\(8\).pdf](http://www.gossov.tatarstan.ru/fs/site_documents_struc/17(8).pdf)
3. Пропаганда наркотических средств. URL: <http://rehab-centrs.ru/stati>
4. Шалагин А. Е., Ключкин А. И. Актуальные направления предупреждения и пресечения незаконного оборота наркотиков на современном этапе // Научный портал МВД России. 2014. № 2 (26). С. 87–91.
5. Шалагин А. Е. Незаконный оборот наркотиков – угроза национальной безопасности: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2014. 248 с.
6. Криминология: учебник для бакалавров / под ред. В. И. Авдийского. М.: Юрайт, 2014. 351 с.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ**Карамельский Р.В.**

Социальное самочувствие и адаптация выпускников вузов системы МВД России в органах внутренних дел: монография / Р.В. Карамельский. – Казань: КЮИ МВД России, 2015. – 132 с.

В работе анализируется генезис теоретических подходов к изучению понятий «социальное самочувствие» и «профессиональная адаптация». На основе обобщения зарубежной мысли и работ отечественных исследователей, оригинального эмпирического материала (авторские социологические исследования) выявлены и обоснованы уровень и вектор социального самочувствия курсантского коллектива и влияние последнего на профессиональную адаптацию выпускников ведомственных учебных заведений в территориальных ОВД.

Материалы и предложения монографии могут быть использованы руководством вузов МВД России для создания эффективной системы управления в учебных заведениях и повышения уровня социального самочувствия и профессиональной адаптации выпускников, а также руководителями подразделений органов внутренних дел, в которые распределяются выпускники вузов системы МВД.

УДК 343.1

В.В. Хатуаева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ МЕСТА ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В статье рассматриваются вопросы соответствия совокупности правовых норм, регламентирующих институт реабилитации, общим критериям институционализации их совокупности, имеющимся как в теории права, так и в отдельных его отраслях. Автор анализирует доктринальные толкования понятия «реабилитация», выделяя существенные признаки, характеризующие содержание соответствующих правоотношений.

Ключевые слова: реабилитация, правовой институт, возмещение имущественного вреда, оправдательный приговор, постановление о прекращении уголовного дела.

Достаточно интересным с позиции общей системы уголовного судопроизводства является вопрос о месте института реабилитации в его структуре. В научной литературе нет единства мнений относительно поставленной проблемы. Так, в частности, анализ специальной литературы позволяет выделить две полярные точки зрения. Одни процессуалисты утверждают, что реабилитацию можно позиционировать как самостоятельный институт уголовно-процессуального права [1, с. 14]. Другие отрицают подобное утверждение, выделяя несколько проблем, связанных с признанием реабилитации в качестве правового института. Так, например, И.Л. Трунов указывает на проблему технического оформления института реабилитации в действующем законодательстве, которая вызвана тем, что восстановление прав как таковое осуществляется не только путем признания и реализации права на реабилитацию, но и посредством института гражданского иска в уголовном судопроизводстве, который всегда рассматривался как самостоятельный институт уголовно-процессуального права [2, с. 278]. Дублирующим, по отношению к существующим институтам гражданского иска, обжалование признает институт реабилитации и М.В. Орлова, указывая, однако, что все они «обслуживают только сферу защиты прав лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства», вследствие чего их совокупность может быть признана подотраслью уголовно-процессуального права [3, с. 11].

Полагаем, что с приведенной позицией достаточно сложно согласиться.

Думается, что место реабилитации в системе уголовно-процессуального права, а следовательно, и возможность ее детерминации в качестве самостоятельного правового института могут быть определены исходя из общетеоретических подходов к содержанию соответствующей правовой категории.

Традиционно правовой институт детерминируется как комплекс взаимосвязанных норм, регламентирующих определенный вид близких по содержанию, родственных общественных отношений [4, с. 26]. Следует отметить, что в качестве объективной предпосылки обособления некой совокупности сходных правовых норм является наличие аналогичного комплекса общественных отношений. Юридическими критериями интеграции норм в правовой институт являются следующие: 1) единство содержания, выражающееся в общих положениях, правовых принципах или совокупности используемых правовых понятий, единстве правового режима регулируемых отношений; 2) исчерпывающий характер регулирования заданной совокупности общественных отношений; 3) отсутствие у правовых норм, составляющих содержание соответствующего института, дублирующего по отношению к иным компонентам системы отрасли права характера; 4) структурное обособление норм, образующих правовой институт в главах, разделах, частях и иных структурных единицах законов.

Хатуаева Виктория Владимировна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский университет правосудия» (г. Воронеж)

e-mail: vkhatuaeva@yandex.ru

© Хатуаева В.В., 2016

Статья получена: 13.10.2015

Рассмотрим каждый из перечисленных критериев обособления совокупности норм права в самостоятельный правовой институт применительно к уголовно-процессуальным нормам, регламентирующим реабилитацию.

Единство содержания комплекса правовых норм, регламентирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе реабилитации, можно отследить даже исходя из общих законодательных положений, создающих основу процессуальной деятельности участников уголовного судопроизводства. К таковым, на наш взгляд, относятся:

1) основные понятия, которыми оперирует законодатель при регламентации соответствующего направления уголовно-процессуальной деятельности, закрепленные в ст. 5 УПК РФ, например: непричастность (п. 20); обвинение (п. 22); применение меры пресечения (п. 29), реабилитация (п. 34), реабилитированный (п. 35), уголовное преследование (п. 56) и др.

2) принципы уголовного судопроизводства, закрепленные в главе 2 УПК РФ;

3) основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования (ст. 24–28 УПК РФ);

4) задержание подозреваемого и применение к подозреваемому, обвиняемому мер процессуального принуждения (главы 12, 13, 14 УПК РФ).

Нельзя не отметить, что часть из перечисленных нами норм Общей части УПК РФ формирует самостоятельные институты уголовно-процессуального права, однако, не разделяя приведенную выше позицию М.В. Орловой, полагаем, что нормы, регламентирующие реализацию права на реабилитацию, интегрированы в самостоятельные процессуальные институты общей части уголовно-процессуального права.

Обозначение реабилитации как самостоятельного института уголовно-процессуального права обусловлено также и тем, что законодатель сделал попытку объединить соответствующие нормы в самостоятельной главе, имеющей название «Реабилитация». Вместе с тем содержание главы 18 УПК РФ ограничивается регламентацией оснований возникновения права на реабилитацию (ст. 133 УПК РФ) и общих правил ее реализации (ст. 134–139 УПК РФ), что не свидетельствует о полноте правового регулирования реабилитации в рамках названной главы УПК РФ. В данном случае уместно, на наш взгляд, говорить о специфике технико-юридического оформления рассматриваемого института, поскольку определенный массив норм, определяющих, например, порядок обжалования решения о производстве выплат в рамках уголовного судопроизводства, восстановления иных прав реабилитированного, компен-

сации морального вреда в денежном выражении содержится в различных главах Особенной части УПК РФ (например, г. 43–45 УПК РФ), а также в гражданском законодательстве.

Таким образом, полагаем, что с точки зрения нормативно-правового регулирования реабилитацию можно считать сложным (комплексным) правовым институтом, нормы которого с одной стороны, сосредоточены в специальной главе уголовно-процессуального закона, с другой – интегрированы в самостоятельные процессуальные институты Общей и Особенной частей УПК РФ. При этом с учетом регламентации определенной группы восстановительных правоотношений иными кодифицированными нормативными актами (например, ГК РФ, ГПК РФ) с общетеоретических позиций реабилитация является межотраслевым правовым институтом.

Именно межотраслевой характер исследуемого института вызывает острые дискуссии в юридической науке относительно проблемы правовой природы отношений, возникающих в процессе возмещения вреда, причиненного незаконным и необоснованным уголовным преследованием (осуждением). Анализ обширной библиографии вопроса позволяет выделить три полярные точки зрения. Представители цивилистической науки отстаивают гражданско-правовую природу этих отношений [5, с. 67]; ученые-процессуалисты, исходя из того, что признание лица невиновным является исключительно уголовно-процессуальным актом, утверждают, что возмещение вреда также носит публично-правовой характер [6, с. 68]; определенная часть ученых позиционирует данные отношения просто как публично-правовые, в основе которых лежит ответственность государства [7, с. 305]. Отсутствие единого доктринального подхода негативно сказывается на законодательстве, поскольку в ГК РФ возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием, строится исключительно как гражданско-правовая деликтная ответственность государства, а в УПК РФ – имеет ярко выраженный публично-правовой характер.

Легальная дефиниция позволяет обозначить существенные характеристики исследуемого процессуального института. В соответствии с п. 34 ст. 5 УПК РФ реабилитация – это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Думается, что содержательная часть приведенного определения не лишена некоторых недостатков. В частности, законодатель делает акцент исключительно на порядке восстановления прав и возмещения вреда. За границами данной дефиниции

остаётся юридическое основание возникновения соответствующего права – оправдательный приговор суда или постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования по реабилитирующим основаниям. В контексте приведенного выше доктринального спора о юридической природе соответствующих отношений справедливым представляется мнение А.П. Гуляева, указавшего, что уголовно-процессуальный закон в данном случае не выполнил свою миссию по отражению именно уголовно-процессуальной специфики данного института [8, с. 46]. Анализ положений главы 18 УПК РФ позволяет утверждать, что она содержит две группы норм: 1) нормы, определяющие порядок и условия вынесения акта о реабилитации, т.е. признания за лицом соответствующего права; 2) нормы, определяющие порядок возмещения вреда и другие компенсационно-восстановительные меры. При этом вторая группа норм носит, на наш взгляд, диспозитивный характер, поскольку их реализация зависит от усмотрения лица, за которым признано право на реабилитацию, выдвигать либо не выдвигать требования к государству.

Законодатель усложняет понимание содержательной стороны института реабилитации, вводя в ч. 1 ст. 134 УПК РФ понятие «право на реабилитацию», которое признается за лицом в соответствующем процессуальном акте (приговоре, определении или постановлении). Таким образом, получается, что вынесение оправдательного приговора или постановления о прекращении уголовного дела по реабилитирующему основанию – это еще не реабилитация, а только право на нее. По справедливому замечанию О.В. Макаровой, такое решение вопроса умаляет реабилитирующее значение указанных юридических решений, кроме того, оно не в полной мере соответствует ст. 1070 ГК РФ, которая не требует какого-либо промежуточного решения для возмещения вреда, причиненного незаконным осуждением и привлечением к уголовной ответственности [9, с. 32].

В силу неоднозначности легальной трактовки термина «реабилитация» в науке уголовного процесса сформировалось два основных подхода к ее пониманию. Согласно первому из них, реабилитация лица тождественна факту его оправдания или прекращения дела по реабилитирующему основанию. Например, по мнению Б.Т. Безлепкина, реабилитация – это оправдание подсудимого или прекращение уголовного дела в отношении обвиняемого, а также подозреваемого за отсутствием события или состава преступления либо за недоказанностью участия указанных лиц в совершении преступления [10, с. 13].

Аналогичной точки зрения придерживается М.И. Пастухов, уточняя при этом, что при прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям лицо, в отношении которого вынесено такое решение, лишь формально имеет право на восстановительно-компенсационный комплекс мер [11, с. 59].

Несколько шире трактуют понятие «реабилитация» те ученые-процессуалисты, которые включают в ее содержание не только факт признания лица невиновным, но и наступающие в связи с этим правовые последствия. Например, Р.Э. Вицке указывает, что рассматриваемым термином охватываются правовые основания и круг субъектов, имеющих право на реабилитацию, а также наступающие в связи с этим правовые последствия в виде восстановления репутации и чести невиновных граждан и возмещения материального ущерба [12, с. 10]. Л.В. Бойцова, разделяя указанную точку зрения, определяет реабилитацию как возвращение утраченных прав и преимуществ, ликвидацию правоограничений, связанных с незаконным осуждением, привлечением к уголовной ответственности, лишением свободы невиновных лиц, а также восстановление правоспособности на будущее время [7, с. 8].

Мы полагаем, что, детерминируя содержание понятия «реабилитация», необходимо исходить из нескольких ее составляющих. Во-первых, как уже было отмечено, это, прежде всего, юридическое основание таковой (оправдательный приговор или постановление о прекращении уголовного дела по реабилитирующему основанию), которое означает официальное признание невиновности гражданина в инкриминируемом ему преступлении. Как справедливо отмечает О.В. Химичева, ключевыми элементами механизма реабилитации должны выступать, с одной стороны, вынесение реабилитирующего процессуального решения, а с другой – устранение причиненных негативных последствий [13, с. 328]. Во-вторых, как следствие издания соответствующего процессуального акта выступает появление у реабилитируемого диспозитивного права на компенсационно-восстановительные меры со стороны государства. Именно эти меры, на наш взгляд, составляют содержание понятия «право на реабилитацию». Законодатель структурирует их следующим образом:

1) возмещение имущественного вреда (заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых лицо лишилось в результате уголовного преследования; конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда имущества; штрафов и процессуальных издержек, взысканных во исполнение приговора суда; сумм, выплаченных за оказание

юридической помощи и др.);

2) возмещение морального вреда;

3) восстановление иных прав (трудовых, пенсионных, жилищных и др.).

И, наконец, в-третьих, в качестве структурного элемента реабилитации в рамках уголовно-процессуальных отношений выступает механизм возмещения имущественного и морального вреда в рамках производства по уголовному делу. В связи с этим считаем, что процессуальные границы реабилитации могут быть определены следующим образом. Осуществление реабилитации начинается процессуальным актом, в котором за лицом, признанным невиновным в совершении преступления, признается право на компенсационно-восстановительные меры. Заканчивается процесс реабилитации осуществлением указанного комплекса мер, направленных на возмещение вреда, причиненного лицу незаконным или необоснованным уголовным преследованием, и

восстановлением его в иных правах.

Здесь следует отметить, что понятие «реабилитация» включает в себя именно право на возмещение вреда, имеющее, как уже было отмечено, диспозитивную природу. В связи с этим позволим себе не согласиться с мнением тех ученых-процессуалистов, которые считают фактическое возмещение вреда обязательным элементом реабилитации [14, с. 16]. При таком подходе право на реабилитацию утрачивает свой добровольный характер и ставит акт признания лица реабилитированным в зависимость от реализации права на возмещение ущерба. Таким образом, учитывая вышеизложенное, реабилитацию можно определить как признание компетентным должностным лицом на основании и в порядке, установленном законом, невиновности лица в совершении инкриминируемого ему преступления, следствием которого является право реабилитированного на предусмотренные законом компенсационно-восстановительные меры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веретенникова Е. В. Компенсация морального вреда реабилитированным в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. акад. правосудия, 2008. 26 с.
2. Трунов И. Л. Защита прав личности в уголовном процессе. М.: Юриспруденция, 2005. 304 с.
3. Орлова М. В. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2006. 28 с.
4. Байтин М. И., Петров Д. Е. Система права: к продолжению дискуссии // Государство и право. 2003. № 1. С. 25–34.
5. Маковский А. Л. Гражданская ответственность государства за акты власти. Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. М.: Изд-во междунар. центра финансово-экономического развития, 1998. С. 67–112.
6. Безлепкин Б. Т. Отраслевая принадлежность института возмещения ущерба реабилитированному // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 65–73.
7. Бойцова Л. В. Ответственность государства за ущерб, причиненный гражданам в сфере правосудия: генезис, сущность, тенденции развития: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1995. 349 с.
8. Гуляев А. П. Возмещение вреда: межотраслевой аспект и актуальные проблемы // Российская юстиция. 2012. № 5. С. 46–48.
9. Макарова О. В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 30–36.
10. Безлепкин Б. Т. Вопросы реабилитации на предварительном следствии. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1975. 36 с.
11. Пастухов М. И. Институт реабилитации: на пути к законодательному регулированию // Государство и право. 1993. № 12. С. 59–65.
12. Вицке Р. Э. Понятие реабилитации в уголовном процессе // Российский следователь. 2007. № 22. С. 9–11.
13. Комментарий к УПК РФ (постатейный) / под ред. В. И. Радченко, В. П. Кашепова. М.: Юстицинформ, 2006. 1039 с.
14. Сосновик Н. Ф. Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. ВНИИ МВД России, 2005. 25 с.

С.В. Дубровин

**ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ГАБИТОЛОГИИ –
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О ВНЕШНЕМ
ОБЛИКЕ ЧЕЛОВЕКА**

Рассматривается понятие габитологии с позиций ее принадлежности к разряду криминалистических учений (частных криминалистических теорий).

Ключевые слова: габитология, габитоскопия, криминалистическое идентифицирование, криминалистическое диагностирование, криминалистическое классифицирование, идентифицируемые и идентифицирующие объекты, диагностируемые и диагностирующие объекты.

Для того чтобы понятие габитологии (габитус (лат. habitus) – наружный вид, внешний облик животного или растения, а также человека; ... логия (гр. logos слово; понятие, учение) – в окончании сложных слов обозначает: учение, наука, знание... [1, с. 146, 409]) – криминалистического учения (частной теории) о внешнем облике человека – отвечало сущности такого рода категории (от греч. katēgoria – высказывание; признак) (филос.), наиболее общие и фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания [2, с. 557]), необходимо в его формулировке отразить основные элементы, которые определяют это криминалистическое учение (термин «учение» и «теория» – это синонимы: Теория – Учение, являющееся обобщением практики, опыта, вырабатывающее общие научные принципы для объяснения явлений, фактов и воздействия на них... [3, с. 734]) как таковое [4, с. 140], а именно:

- предмет учения (частной теории), суть которого составляют определенные закономерности объективной действительности, изучаемые криминалистикой в целом;

- объекты учения (частной теории), представляющие собой «те явления (явление – то, в чем называется, обнаруживается сущность [3, с. 845]), вещи, процессы, связи и отношения, т.е. ту часть предметной области, в которой проявляются изучаемые теорией объективные закономерности»;

- метод учения (частной теории), являющийся «системой познавательных приемов, используемых как для построения самой теории, так и для

применения теории в практике познания ее предметной области».

Исходя из сказанного, определение понятия «криминалистической габитологии» формулируется следующим образом: это криминалистическое учение, представляющее собой систему научных положений о закономерностях и связях криминалистического идентифицирования, криминалистического диагностирования и криминалистического классифицирования внешнего облика человека, являющегося криминалистически значимым объектом названного учения, и разрабатываемых на основе этих специальных криминалистических методов познания соответствующих рекомендаций, способов достижения конкретных целей, средств, приемов и методик собирания, распределения и упорядочения информации, ее носителей о внешности лица, имеющих доказательственное или ориентирующее (поисковое) значение для уголовного судопроизводства, исследования этой информации, ее носителей, оценки получаемых результатов, а также их использования в раскрытии, расследовании и предупреждении (выявлении) преступлений и судебном разбирательстве.

Криминалистическое идентифицирование, криминалистическое диагностирование и криминалистическое классифицирование изначально являются собственными, собирательно-обобщающими, общими специальными криминалистическими методами познания, формирующими соответствующие частные криминалистические теории (учения): криминалистическую идентификацию, криминалистическую диагностику и уче-

Дубровин Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, заслуженный работник высшей школы РФ

e-mail: idubrovin@rambler.ru

© Дубровин С.В., 2016

Статья получена: 21.12.2015

ние о криминалистических классификациях [5; 6].

Эти методы, как и учения, которые они формируют, являются определяющими, собирательно-обобщающими для других частных теорий (учений), в том числе и для габитологии.

Говоря о природе названных общих (собирательно-обобщающих, теориообразующих) специальных криминалистических методах познания, следует отметить, что их происхождение базируется на всеобщем диалектическом методе познания и включает в свое содержание использование всего арсенала общенаучных и частных специальных методов, подчиненных в каждом из рассматриваемых общих специальных криминалистических методов познания своей одной (собственной), главной, цели:

- для криминалистического идентифицирования этой целью является установление, наличие или отсутствие тождества (под тождеством (тождественностью, идентичностью) в частной теории криминалистической идентификации следует понимать равенство единичного криминалистически значимого материального объекта самому себе по тем следам, которые он образует. В связи с этим, к «следу» в криминалистике, в широком смысле, относят любые изменения в вещной обстановке (окружающей среде) или в идеальном (мысленном) восприятии, связанные с событием преступления; искусственно (т.е. специально) изготовленные (полученные) следы называют «отпечатками» или «образцами сравнения») единичного криминалистически значимого материального объекта;

- для криминалистического диагностирования – установление природы либо состояния объекта, имеющего определенную связь с событием расследуемого преступления;

- для криминалистического классифицирования – образование (создание) криминалистических классификационных систем (структур), т.е. распределение и упорядочение криминалистически значимых объектов, явлений, понятий и сведений (информации, знаний) в зависимости от их общих и частных признаков, свойств, состояний и иных характеристик.

Эти обстоятельства позволяют представить криминалистическое идентифицирование, криминалистическое диагностирование и криминалистическое классифицирование в виде неких абстрактных, собирательных, обобщающих образований, являющихся как бы оболочками, наполненными соответствующим (своим, отдельным для каждого из них, объединенным согласно собственной цели) содержанием. И только в таком виде эти специальные криминалистические методы познания существуют, имеют свое проявление

в реальной действительности.

В связи со сказанным, наряду с понятием габитологии, необходимо определить значение (сущность) такого понятия, как *габитоскопия* (...скоп(ия) – (гр. skoreb смотрю, рассматриваю, наблюдаю) в окончании сложных слов указывает на отношение данных слов к *наблюдению* [1, с. 645]): это разработанный в габитологии частный специальный метод, входящий как ключевой в содержание (в состав) общих (собирательно-обобщающих), формирующих (определяющих) данное учение, специальных криминалистических методов познания – криминалистического идентифицирования, криминалистического диагностирования и криминалистического классифицирования; *габитоскопия* представляет собой наблюдение (наблюдать – изучать, исследовать [1, с. 327]) (изучение, исследование) внешних признаков человека и их описание по правилам составления «словесного портрета», согласно имеющейся классификационной системе этих признаков.

Приведем соответствующие определения понятий криминалистического идентифицирования, криминалистического диагностирования и криминалистического классифицирования и дадим необходимые к ним пояснения применительно к криминалистической габитологии.

1. *Криминалистическое идентифицирование (отождествление)* – специальный криминалистический метод познания, суть которого состоит в совместном исследовании и оценке криминалистически значимых объектов (как минимум двух и более), обязательно имеющих определенную связь (непосредственную, опосредованную или предполагаемую) с событием расследуемого преступления, путем сопоставления их идентификационных признаков; целью такого сопоставления является установление наличия либо отсутствия тождества единичного криминалистически значимого материального объекта и использование этих результатов, получаемых с помощью соответствующих рекомендаций, способов, средств, приемов и методик, в раскрытии, расследовании и предупреждении (выявлении) преступлений и судебном разбирательстве.

Объекты криминалистического идентифицирования, как и самой теории криминалистической идентификации, делят на идентифицируемые, т.е. те самые единичные криминалистически значимые материальные объекты, тождество которых (равенство их самим себе) определяют, и идентифицирующие – оставленные (образованные) единичным криминалистически значимым материальным объектом следы, – с помощью которых равенство этого объекта самому себе (его тождество) устанавливают.

Сущность единичного криминалистически значимого материального объекта заключается, во-первых, в том, что он всегда (как и идентифицирующий объект) имеет определенную связь с событием расследуемого преступления, а во-вторых, в наличии у него определенного, узнаваемого, устойчивого внешнего вида (устойчивые собственные границы, контуры, форма, цвет, размеры, рельеф и т.п.), внутренних характеристик (химический состав, структурные особенности, физические свойства и т.п.) и конкретного (т.е. вполне точного, вещественно определенного, однозначного) собственного названия, наименования (для помещения или участка местности – адреса или точные координаты на карте).

В свою очередь к криминалистически значимым объектам, т.е. объектам специальной принадлежности в широком смысле, в отличие от идентифицируемых и идентифицирующих объектов, имеющих определенную связь с событием расследуемого преступления, относят также и те, у которых нет подобной известной (установленной, определенной) связи, но в соответствии с существующим криминалистическим опытом, эти объекты наиболее часто (закономерно) используются в раскрытии и расследовании преступлений (например, элементы внешнего облика человека, сведения о которых и их изображениях не связаны с событием расследуемого преступления, но размещены в соответствующих криминалистических справочниках, каталогах, атласах, карточках, криминалистических информационно-поисковых системах компьютерных программ для составления композиционных портретов и др.).

Используя термин «объект», следует знать, что в общем диалектическом смысле это «то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания, явления внешнего мира, материальной действительности». В свою очередь, явления – это «то, в чем сказывается, обнаруживается сущность» [3, 845]. Таким образом концентрированное диалектическое понятие объекта – это сущность материальной действительности. Поэтому любые единичные материальные объекты (личность (труп), предмет (вещь), животное, помещение, участок местности) и оставленные ими следы (материальные или идеальные (мысленные образы)) логически обоснованно принадлежат в теории криминалистической идентификации, в частности, и в криминалистике, в целом, к разряду объектов с точки зрения их общедиалектического понимания (смыслового значения).

В габитологии идентифицируемыми объектами являются живые лица и трупы людей, имеющие определенную связь (непосредственную,

опосредованную либо предполагаемую) с событием расследуемого преступления. К идентифицирующим объектам, также имеющим определенную связь (непосредственную, опосредованную либо предполагаемую) с событием расследуемого преступления, относят:

- части или целые фотографии, слайды, рентгеновские снимки, видео-записи и киноизображения живых лиц и трупов людей;

- части трупов и костные останки (преимущественно черепа) человека;

- письменные и устные описания внешности живых лиц, трупов людей и частей трупа человека;

- идеальные следы – мысленные образы конкретных лиц, отражающие их внешний облик, запечатленные в памяти (в сознании) очевидцев.

Рассматривая виды криминалистического идентифицирования (видов криминалистической идентификации не может быть, т.к. она является частной криминалистической теорией) в криминалистической габитологии, как и в частной теории криминалистической идентификации в целом, представляется целесообразным выделять лишь один основной вид – идентифицирование по материально-фиксированным отображениям признаков, а также три разновидности (подвида) этого вида: идентифицирование по признакам общего происхождения («целого по части»), по описанию признаков и по мысленному образу.

Основания для такого подхода следующие:

1. Что касается криминалистического идентифицирования лица или трупа человека по признакам его внешнего облика, имеющим общее происхождение («целого по части»), то их, как и все другие признаки иного происхождения, согласно всеобщему диалектическому методу познания, изучают исключительно по материально-фиксированным отображениям (признакам, материально-фиксированно отобразившимся на фотографиях, слайдах, рентгеновских снимках, видеозаписях и киноизображениях, частях трупа и костных останках).

2. Идентификационная оценка признаков внешнего облика лица или трупа человека, зафиксированных с помощью устного или письменного описания, также, согласно всеобщему диалектическому методу познания, происходит по их материально-фиксированным отображениям, выраженным в буквах, словах, предложениях, цифрах, показаниях (свободном рассказе, ответах на вопросы), объяснениях и т.п.

Мысленный образ в виде определенной совокупности признаков внешнего облика лица или трупа человека отражен в нашем сознании (сознание – ... рассматривается... как свойство высокоорганизованной материи, как субъективный

образ объективного мира, как идеальное в противоположность материальному и в единстве с ним [2, с.1232]), которое является свойством (свойство – философская категория, выражающая такую сторону предмета, которая обуславливает его различие или общность с другими предметами и обнаруживается в его отношении к ним [2, с.1175]).

3. Высокоорганизованной материи – человеческого мозга, что следует из всеобщего диалектического метода познания; этот образ имеет материальную природу (фиксируется клетками головного мозга) и представляет собой ни что иное, как материально-фиксированное отображение определенных признаков. Свообразную аналогию в данном случае могут составлять, например, фотографические изображения, полученные за счет светочувствительных свойств используемых фотоматериалов, либо образы, носителями информации о которых являются электрические сигналы, аккумулированные и трансформированные микросхемами компьютерных систем. Разница здесь заключается лишь в том, что собой представляет материальный объект, которым фиксируется конкретный образ, его признаки. В первом случае это фотопленка и фотобумага, в другом – отдельные элементы различных микросхем, магнитный диск, ферритовые пластинки, световой луч с определенной длиной волны, в третьем – клетки человеческого мозга.

Когда речь идет об идентификации человека по запечатленному в памяти (в сознании) мысленному образу его внешнего облика, то следует обратить внимание на существующую особенность, которую необходимо знать и учитывать при осмыслении механизма рассматриваемой разновидности (подвида) применяемого метода. Эта особенность состоит в следующем:

- сопоставление мысленного образа внешнего облика лица, запечатленного в памяти (в сознании) очевидца, с самим человеком – идентифицируемой личностью, выглядит так, как будто оно происходит непосредственно (без посредствующих звеньев, напрямую); на самом же деле сначала в сознании очевидца возникает мысленный образ внешнего облика наблюдаемого человека – идентифицируемого объекта, а затем рефлекторно (машинально, автоматически) этот новый, отобразившийся в сознании мысленный образ – идеальный след, сопоставляется с предыдущим, запечатленным в памяти очевидца, идеальным следом – мысленным образом ранее наблюдавшегося лица (его внешнего облика).

Из сказанного следует, что в действительности (реально) при криминалистическом идентификации по мысленному образу сопоставлению

подлежат идентифицирующие объекты – идеальные следы (мысленные образы не только людей, но и других объектов).

Подобный механизм действует (имеет место) и при решении вопроса о тождестве различных единичных криминалистически значимых материальных объектов (идентифицируемых объектов) с применением других разновидностей (подвидов) криминалистического идентификации: по признакам общего происхождения («целого по части») и по описанию признаков. Здесь отождествление осуществляется, как правило, также в результате сопоставления именно следов, но не идеальных, а материальных (включая образцы сравнения: свободные, условно-свободные, экспериментальные), – идентифицирующих объектов, – оставленных (образованных) идентифицируемыми объектами.

Связь объектов криминалистического идентификации с событием расследуемого преступления, как отмечено в определении, может быть непосредственной, опосредованной или предполагаемой; применительно к габитологии это выглядит следующим образом:

1) непосредственная связь: например, задержанный с поличным на месте преступления после возбуждения уголовного дела был предъявлен для опознания;

2) опосредованная связь: сопоставляют, например, идентификационные признаки внешности лица, зафиксированного видеокамерой (видеорегастратором) на месте совершенного преступления, с идентификационными признаками внешнего облика конкретного человека, запечатленного на фотографии, хранящейся в банке данных соответствующей информационно-поисковой системы учетов криминалистической регистрации. Фотография из банка данных о рецидивистах имеет опосредованную связь с событием расследуемого преступления, т.к. является своего рода посредником (идентифицирующим объектом) в отождествлении лица, зафиксированного видеокамерой (видеорегастратором);

3) предполагаемая связь: например, чтобы проверить выдвинутую в ходе предварительного расследования криминалистическую версию, но не расшифровать свои дальнейшие действия, следователь для опознания предъявляет свидетелю, согласно процессуальным нормам, фотографию заподозренного лица, имеющего на этот момент предполагаемую связь с событием расследуемого преступления.

2. *Криминалистическое диагностирование* – специальный криминалистический метод познания, суть которого состоит в исследовании и

оценке объекта, имеющего определенную связь (непосредственную, опосредованную или предполагаемую) с событием расследуемого преступления, путем сопоставления его диагностических признаков с информацией (сведениями) о диагностических признаках объекта из различных классификационных массивов (структур, систем, групп и т.п.), не имеющих заведомо известной (установленной, определенной) связи (непосредственной, опосредованной либо предполагаемой) с событием расследуемого преступления; целью такого сопоставления является установление природы либо состояния объекта и использование этих результатов, полученных с помощью соответствующих рекомендаций, способов, средств, приемов и методик, в раскрытии, расследовании и предупреждении (выявлении) преступлений и судебном разбирательстве.

Объекты криминалистического диагностирования принято делить на диагностируемые и диагностирующие [7, с.8].

Диагностируемые объекты – это те, природу либо состояние которых мы устанавливаем и которые находятся в определенной связи (непосредственной, опосредованной или предполагаемой) с событием расследуемого преступления.

В габитологии такими объектами являются различные материальные и идеальные следы (мысленные образы), имеющие определенную связь (непосредственную, опосредованную либо предполагаемую) с событием расследуемого преступления. Установление природы этих следов:

- частей или целых фотографий, слайдов, рентгеновских снимков, видеозаписей и киноизображений живых лиц и трупов людей,

- частей трупов и костных останков (преимущественно черепа) человека,

- письменных и устных описаний (со слов очевидцев или согласно собственным наблюдениям следователя, дознавателя) внешности живых лиц, трупов людей и частей трупов человека,

- идеальных следов – мысленных образов конкретных лиц, отражающих их внешний облик, запечатленных в памяти (в сознании) очевидцев, с помощью диагностирующих объектов позволяет получить представление о внешности разыскиваемого живого лица или мертвого (трупа) человека.

После их отыскания названные объекты будут подвергнуты криминалистическому идентификационному (отождествлению), т.е. будут являться идентифицируемыми (единичными криминалистически значимыми материальными объектами), а диагностируемые объекты – вышеперечисленные следы – закономерно перейдут в разряд идентифицирующих.

Диагностирующие объекты – это те, информация (сведения) о которых содержится в различного рода классификационных массивах (структурах, системах, группах и т.д.) и которые не имеют заведомо известной (установленной, определенной) связи (непосредственной, опосредованной либо предполагаемой) с событием расследуемого преступления. Таковыми являются: различные коллекции, справочники, сборники, атласы, литературные источники, пособия, научно-практические рекомендации, каталоги, картотеки, информационно-поисковые системы компьютерных программ для составления композиционных портретов, имеющийся опыт, знания и др.

Диагностируемыми объектами, устанавливаемыми с помощью изучения внешнего облика человека – его природы (природа – основное свойство, сущность [3, с. 546]), являются также различные состояния объектов; определение таких диагностируемых объектов означает конечный результат собственного, законченного (не имеющего дальнейшего розыскного, поискового продолжения) криминалистического диагностирования.

Например, опосредованно, через признаки внешнего облика человека, с помощью портретной экспертизы устанавливается вероятность его кровного родства с убитым [8, с. 82–86].

Здесь имеет место собственно законченное криминалистическое диагностирование, итогом которого явилось определение состояния объекта (диагностируемого объекта), а именно – особенности природы человека, имеющего опосредованную связь с событием расследуемого преступления, т.е. установленное внешнее сходство этого лица с убитым, обуславливающее высокую вероятность их кровного родства.

Таким образом, полученный результат – экспертная версия (позже ставшая следственной), выраженная состоянием объекта, проверенная и подтвержденная совокупностью доказательств (например, показаниями свидетелей – людей, знавших убитого и его вероятного кровного родственника) позволяет признать лицо, внешность которого была подвергнута портретной экспертизе, в качестве потерпевшего.

Этот пример представляет состояние объекта особенностями природы человека – отличительными свойствами его внешнего облика; но при криминалистическом диагностировании состояние объекта может быть выражено и другими проявлениями, не относящимися непосредственно к габитологии. Например, бывает необходимо определить: место произрастания конопли, из которой изготовлен гашиш; дистанцию выстрелов, их количество после последней чистки оружия;

взаиморасположение автомашины и потерпевшего в момент совершения наезда; давность написания текста; причину возникновения пожара или взрыва; последовательность образования следов, обуславливающую действия и их способы – фальсификацию (подделку) денежных купюр и способ фальсификации (подделки); особенности природы объекта – является ли данное вещество наркотическим или взрывчатым, если да, то каким именно и т.п. Все вышеперечисленные состояния объектов являются сущностью материальной действительности и, в соответствии с диалектическим понятием объекта, о чем было сказано ранее, могут определяться как собственно диагностируемые объекты.

Таким образом, можно дать расширенное определение состояния объекта, закономерно отражающее не только его природу, но и механизм образования.

Состояние объекта – это идеальный диагностируемый объект, представляющий собой абстрактный (абстракция научная (лат. abstractio – удаление, отвлечение) – отвлечение от несущественных, второстепенных признаков и мысленное выделение и обобщение наиболее существенных особенностей, свойственных той или иной группе явлений[9, с.4]) образ (образ – результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека[2, с.907]), который формируется (создается) нашим воображением (сознанием) за счет объединения определенных конкретных отображений диагностических признаков в соответствующие совокупности: особенности природы, временные и пространственные характеристики, причинные связи, действия и их способы и т.п. [5, с. 21]

Рассматривая виды криминалистического диагностирования в криминалистической габитологии, как и в частной теории криминалистической диагностики в целом, представляется целесообразным выделять (аналогично криминалистическому идентифицированию) один основной вид – диагностирование по материально-фиксированным отображениям признаков, а также три разновидности (подвида) этого вида: диагностирование по признакам общего происхождения («целого по части»), по описанию признаков и по мысленному образу.

Основания для такого подхода следующие:

1. Определение по обнаруженным на месте происшествия материальным следам внешнего облика неизвестного, скрывающегося от следствия лица (диагностируемого объекта) – это диагностирование по признакам общего происхождения («целого по части»); здесь, для прове-

дения розыскных (поисковых) мероприятий, с помощью существующих классификационных массивов, не имеющих заведомо известной (установленной, определенной) связи с событием расследуемого преступления (различных коллекций, справочников, сборников, атласов, литературных источников, пособий, научно-практических рекомендаций, каталогов, картотек, информационно-поисковых систем компьютерных программ для составления композиционных портретов, имеющегося опыта и знаний и др.) изучают материально-фиксированные отображения диагностических признаков следов, оставленных неизвестным, скрывающимся лицом, совершившим преступление, и характеризующих (речь идет о признаках) его внешний облик.

2. Следователям (дознателям), в ходе допроса, с помощью свидетеля и классификационных массивов, не имеющих заведомо известной (установленной, определенной) связи с событием расследуемого преступления, было осуществлено письменное или устное (на диктофон) описание диагностических признаков природы диагностируемого объекта – внешнего облика неизвестного лица, совершившего преступление и скрывающегося от следствия; здесь, для проведения розыскных (поисковых) мероприятий, диагностирование происходит по материально-фиксированным отображениям диагностических признаков, выраженным в буквах, словах, предложениях, цифрах, показаниях (свободном рассказе, ответах на вопросы), объяснениях, оперативно-розыскной ориентировке и т.п.

3. Диагностируемый объект – мысленный образ (идеальный след) неизвестного лица, совершившего преступление и скрывающегося от следствия, запечатлелся в памяти (в сознании) свидетеля; здесь, для проведения розыскных (поисковых) мероприятий, с помощью классификационных массивов, не имеющих заведомо известной (установленной, определенной) связи с событием расследуемого преступления, согласно диагностическим признакам внешнего облика неизвестного, скрывающегося от следствия лица, материально-фиксировано отобразившимся в памяти (в сознании – в клетках головного мозга) свидетеля, был составлен композиционный портрет разыскиваемого человека (т.е. в ходе криминалистического диагностирования диагностируемый объект – мысленный образ превратился в наглядный композиционный портрет).

Рассматривая виды криминалистического диагностирования в криминалистической габитологии, как и в частной теории криминалистической диагностики в целом, представляется целесообразным выделять (аналогично криминалисти-

ческому идентифицированию) один основной вид – диагностирование по материально-фиксированным отображениям признаков, а также три разновидности (подвида) этого вида: диагностирование по признакам общего происхождения («целого по части»), по описанию признаков и по мысленному образу.

Основания для такого подхода следующие:

1. Определение по обнаруженным на месте происшествия материальным следам внешнего облика неизвестного, скрывающегося от следствия лица (диагностируемого объекта) – это диагностирование по признакам общего происхождения («целого по части»); здесь, для проведения розыскных (поисковых) мероприятий, с помощью существующих классификационных массивов, не имеющих заведомо известной (установленной, определенной) связи с событием расследуемого преступления (различных коллекций, справочников, сборников, атласов, литературных источников, пособий, научно-практических рекомендаций, каталогов, картотек, информационно-поисковых систем компьютерных программ для составления композиционных портретов, имеющегося опыта и знаний и др.) изучают материально-фиксированные отображения диагностических признаков следов, оставленных неизвестным, скрывающимся лицом, совершившим преступление, и характеризующих (речь идет о признаках) его внешний облик.

2. Следователем (дознавателем) в ходе допроса, с помощью свидетеля и классификационных массивов, не имеющих заведомо известной (установленной, определенной) связи с событием расследуемого преступления, было осуществлено письменное или устное (на диктофон) описание диагностических признаков природы диагностируемого объекта – внешнего облика неизвестного лица, совершившего преступление и скрывающегося от следствия; здесь, для проведения розыскных (поисковых) мероприятий, диагностирование происходит по материально-фиксированным отображениям диагностических признаков, выраженным в буквах, словах, предложениях, цифрах, показаниях (свободном рассказе, ответах на вопросы), объяснениях, оперативно-розыскной ориентировке и т.п.

3. Диагностируемый объект – мысленный образ (идеальный след) неизвестного лица, совершившего преступление и скрывающегося от следствия, запечатлелся в памяти (в сознании) свидетеля; здесь, для проведения розыскных (поисковых) мероприятий, с помощью классификационных массивов, не имеющих заведомо известной (установленной, определенной) связи с событием расследуемого преступления, соглас-

но диагностическим признакам внешнего облика неизвестного, скрывающегося от следствия лица, материально-фиксировано отобразившимся в памяти (в сознании – в клетках головного мозга) свидетеля, был составлен композиционный портрет разыскиваемого человека (т.е. в ходе криминалистического диагностирования диагностируемый объект – мысленный образ превратился в наглядный композиционный портрет).

Связь объектов криминалистического диагностирования с событием расследуемого преступления, как отмечено в определении, может быть непосредственной, опосредованной или предполагаемой. Например, применительно к габитологии это выглядит так:

1) непосредственная связь: мысленный образ (идеальный след – диагностируемый объект) лица, совершившего разбойное нападение, отобразился в памяти (в сознании) потерпевшего.

С помощью различных классификационных систем (массивов): справочных альбомов, пособий, компьютерных программ, навыка художника и т.п., диагностирующих объектов, мысленный образ (диагностируемый объект) преобразовался в конкретный (наглядный) композиционный портрет, что позволяет провести розыскные (поисковые) мероприятия, а в дальнейшем осуществить криминалистическое идентифицирование (отождествление) в целях установления наличия (либо отсутствия) тождества единичного криминалистически значимого материального объекта – лица, предъявленного для опознания;

2) опосредованная связь: у гр-на К. была украдена дорогая коллекция старинных монет. В день кражи к нему в квартиру позвонил мужчина среднего роста, среднего телосложения и среднего возраста, по внешнему виду похожий на священнослужителя: в длиннополой одежде черного цвета; на голове черная шляпа; на лице большие очки; с окладистой черной, с проседью, бородой; с такими же длинными, видными из-под шляпы, волосами. В руках у мужчины была сумка на колесиках, в которой находился фанерный ящик (размером: длина около 60 см, ширина и высота около 40 см) с заколоченной гвоздями крышкой. На боковых стенках (сверху) имелись небольшие отверстия, через которые внутреннее содержание ящика не просматривалось.

Извинившись и назвавшись родственником соседа, проживающего в рядом расположенной квартире, этот гражданин попросил коллекционера (гр-на К.) передать привезенную им посылку отсутствующему на данный момент родственнику. Ждать его возвращения он не мог, так как находился в городе проездом и срочно должен был

уехать. Внешность и поведение этого мужчины вызвали доверие у гр-на К.; кроме того, у коллекционера были очень хорошие (доверительные, дружеские) отношения с соседом и он согласился исполнить просьбу.

Через некоторое время ему позвонили по телефону и сказали, чтобы он как можно скорее пришел к участковому инспектору по важному делу. Вызов оказался ложным.

Возвратившись домой, гр-н К. обнаружил отсутствие фанерного ящика и пропажу своей дорогой коллекции старинных монет. Запирающее устройство входной двери повреждений не имело.

В ходе осмотра места происшествия оперативным сотрудником в ряд-дом расположенном дворе был найден фанерный ящик и сорванная с него крышка, которая, как оказалось, была вскрыта (выдавлена) изнутри. На внутренней поверхности одной из перегородок ящика имелись наслоения веществ, которые представляли собой (как показали результаты диагностического исследования) следы губной помады и пудры.

Кроме того, внутри ящика была обнаружена частица обломанного ногтя, на поверхности которой имелся темно-красный лак для ногтей.

Все это указывало на факт нахождения в заколоченном фанерном ящике человека.

Таким образом, опосредованно, с помощью различных классификационных систем, через установление природы лица, причастного к преступлению, выраженной в характерных признаках его внешнего облика (женщина, очень маленького роста и малой комплекции – лилипутка, сильная с высокой подвижностью суставов, возможно, профессиональная циркачка) был определен способ проникновения, диагностируемый объект (состояние объекта – способ кражи), в квартиру гр-на К.;

3) предполагаемая связь: осматривая место происшествия, следователь обратил внимание на мужчину, который находился за ограждением среди скопления граждан, интересующихся происходящим; этот человек отличался от остальных повышенной активностью. Следователь пригласил его подойти, но он быстро скрылся.

Возможно, этот мужчина имел определенную (предполагаемую) связь с событием совершенного преступления. Поэтому следователь, используя мысленный образ (идеальный след – диагностируемый объект), отразившийся в его памяти (сознании), на основании своих знаний и практического опыта (умения и навыка), составил словесный портрет внешнего облика скрывшегося гражданина и дал поручение оперативному сотруднику разыскать его.

В отношении установления вида связи объектов криминалистического идентифицирования и диагностирования с событием проверяемого и расследуемого преступления следует отметить, что рассмотренные классификационные подходы, как и любые другие, обладают определенной условностью, относительностью и субъективностью. Поэтому, если это необходимо (имеет принципиальное значение) для ясности, лучше в каждом конкретном случае лицу, осуществляющему криминалистическое идентифицирование и диагностирование, эту связь логически раскрывать и пояснять (т.е. объяснять, почему она представляется именно такой, а не иной).

3. *Криминалистическое классифицирование* – это специальный криминалистический метод познания, сущность (смысл, цель) которого заключаются в теоретических исследованиях и практических действиях по образованию (созданию) криминалистических классификационных систем (структур) на основании логически выдержанного, научно (закономерно) обоснованного, опирающегося на практический опыт распределения и упорядочения криминалистически значимых объектов, явлений, понятий и сведений (информации, знаний) в зависимости от их общих и частных признаков, свойств, со-стояний и иных характеристик.

Как следует из сформулированного определения понятия криминалистического классифицирования, этот специальный криминалистический метод познания является главным (образующим, собирательным) в установлении существующих закономерностей и связей при распределении и упорядочении криминалистически значимых объектов, – в нашем случае сведений (информации, знаний) о внешнем облике человека, в соответствующих криминалистических классификационных системах: картотеках, альбомах, справочниках, атласах, каталогах, сборниках, информационно-поисковых системах, учебниках, учебных пособиях, научно-практических рекомендациях и др. Этим классификационным системам принадлежит ведущая роль при про-ведении портретной экспертизы и других криминалистических исследований, связанных с изучением внешнего облика человека, для разрешения идентификационных и диагностических вопросов в раскрытии, расследовании и предупреждении (выявлении) преступлений и судебном разбирательстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954.
2. Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1985.
3. Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов; под общей ред. академика С. П. Обнорского. 3-е изд. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953.
4. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции перспективы / Общая и частные теории. М.: Юрид. лит., 1987.
5. Дубровин С. В. Терминология, понятийный аппарат и другие характеристики криминалистической идентификации и криминалистической диагностики: монография. М.: МПГУ, 2009.
6. Дубровин С. В., Дубровин И. С., Егиазарян А. С., Карева А. А. Сущность и научно-практическое значение (характеристики) криминалистического классифицирования: учебное пособие. М.: МПГУ, 2011. 146с.
7. Снетоков В. А. Экспертная криминалистическая диагностика // Сб. научных трудов. М.: ВНИИ МВД СССР, 1984.
8. Зинин А. М. Установления возможного кровного родства по признакам внешности как диагностическая экспертная задача // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 2 (26).
9. Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.

УДК 343.1

М.С. Колосович

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НЕГЛАСНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С СОТРУДНИКАМИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Рассмотрев современную процедуру названного взаимодействия, автор предлагает интегрировать в УПК РФ нормы, регламентирующие оперативно-розыскную деятельность, расширить полномочия следователя правом контроля за производством оперативно-розыскных действий, осуществляемых по его поручению, и создание на стадии возбуждения уголовного дела следственной группы, участниками которой могут быть сотрудники оперативных и оперативно-технических подразделений. В статье анализируются результаты исследования правоприменительной практики осуществляемого процессуального взаимодействия, раскрываются аспекты негласного производства по уголовному делу.

Ключевые слова: взаимодействие, следственная группа, негласные следственные действия, оперативно-розыскная деятельность.

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ, следователь вправе давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК РФ, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении. Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ в случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий следователю или органу дознания. Срок исполнения не должен превышать 10 суток.

К сожалению, правоприменительная практика свидетельствует о трудностях, с которыми сталкиваются следователи при направлении поручений в оперативные подразделения. В ходе проведенного автором анкетирования респондентам (в опросе приняли участие 117 следователей и руководителей следственных органов системы МВД России из 27 субъектов Российской Федерации) было предложено перечислить по частоте встречаемости проблемы, с которыми им пришлось столкнуться при взаимодействии с оперативными подразделениями.

На первое место всеми участниками опроса (100%) было поставлено несоблюдение установ-

ленного законодателем 10-дневного срока выполнения поручения. При этом 67% указали, что на выполнение поручений, как правило, уходит не менее 20 дней. 27% опрошенных сообщили, что ответы им предоставляются только после повторного направления поручения или подключения административного ресурса – напоминания руководителем следственного органа об образовавшихся «долгах» начальнику оперативного подразделения.

При этом респонденты отметили, что помощь оперативных сотрудников неопределима: при выдвинутых версиях о виновных лицах и способах совершения преступления; для подготовки процессуальных действий и определения объема и последовательности их проведения; для выбора наиболее эффективной тактики их производства; для выработки оптимальной методики расследования по конкретному уголовному делу. Зачастую же результаты выполненного поручения, столь нужные на момент его направления, ко времени их предоставления уже не столь значимы и оказать содействие следователю в продвижении расследования не способны.

Второй по значимости проблемой 98% опрошенных назвали формальность или поверхностность выполненной работы. Предоставляемые сотрудниками оперативных подразделений рапорта, как правило, шаблонны и редко чем отличаются от рапортов, предоставленных по другим поруче-

Колосович Марина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, докторант адъюнктуры (докторантуры) Волгоградской академии МВД России

e-mail: 270619@mail.ru

© Колосович М.С., 2016

Статья получена: 27.07.2015

ниям других уголовных дел. 18% респондентов отметили неправильную трактовку поставленных в поручении задач и, соответственно, никчемность проведенных мероприятий.

Третьим, по значимости, негативным фактором, влияющим на результативность взаимодействия по уголовному делу, является низкий уровень процессуальной грамотности составленных документов. При этом следователи отмечают отсутствие у оперативных сотрудников «видения» судебной перспективы или процессуальных последствий выполняемых ими мероприятий.

Чтобы не быть обвиненным в однобокости проведенного исследования, автор аналогичные вопросы задал сотрудникам оперативных подразделений органов внутренних дел (в данном опросе приняло участие 58 сотрудников оперативных подразделений территориальных органов внутренних дел Волгоградской области и Республики Калмыкия). 83% опрошенных лиц прежде всего указали формальность составленных поручений и отсутствие необходимых деталей (подробностей) совершенного преступления, ссылок из материалов уголовного дела, влияющих на характер и совокупность применяемых оперативно-розыскных мероприятий.

Второй по значимости проблемой для опрошенных явилась нереальность установленного УПК РФ 10-дневного срока выполнения поручений. С их слов, значительную часть сроков «съедает» продвижение сначала самого поручения, а затем и результатов его выполнения.

Третьей по значимости проблемой взаимодействия оперативные сотрудники назвали чрезмерную инициативу следователей, проявляющуюся в перечислении не только сведений, подлежащих установлению, но и оперативно-розыскных мероприятий, подлежащих производству, что выходит за пределы полномочий последних (33%). Кроме того, был отмечен низкий уровень владения общими вопросами оперативно-розыскной деятельности (7%), следствием чего становятся «размытые», недостаточно четкие или вообще непонятные поручения. Было указано, что до сих пор встречаются случаи поручения мероприятий, выходящих за рамки полномочий сотрудников оперативных подразделений (3%).

Очевидна взаимосвязь высказанных претензий, в основе которых отсутствие четких законодательных механизмов регулирования взаимодействия. В юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о несовершенстве процедуры использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании [1] и об интеграции оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства путем закрепления в УПК

РФ норм, регламентирующих порядок производства оперативно-розыскных действий [2].

Автор, являющийся приверженцем данного направления развития юридической мысли, отмечает сложности, с которыми повседневно сталкивается правоприменитель. Известная нам ст. 89 УПК РФ (использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности) не способна полноценно регламентировать данные аспекты взаимодействия следователя с подразделениями, наделенными правом осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Административные препоны, корпоративная разобщенность и отсутствие общей заинтересованности в исходе дела, большая загруженность следователей и оперативных сотрудников, гонка за показателями, чрезмерно раздутый по уголовному делу документооборот, ненужная законодательная детализация следственных процедур и, наоборот, отсутствие регламентации в УПК РФ оперативно-розыскной деятельности формализует предварительное расследование и отдаляет нас от конечной цели осуществляемого расследования – восстановления нарушенных прав пострадавшего лица.

Осложняет ситуацию и насаждение в средствах массовой информации общественности неприглядного образа сотрудника правоохранительных органов, презумпции его виновности и некомпетентности. Интересно, что перечисленные проблемы осуществляемого взаимодействия были присущи отечественным правоохранительным органам и в XIX–XX веках. По мнению правоведов того времени, «отсутствие правильно организованного, параллельного с предварительным следствием и тесно с ним связанного розыска составляет самый существенный, ничем не устранимый недостаток настоящей следственной практики» [3].

Статья 89 УПК РФ ориентирует следователя и оперативных сотрудников на использование в доказывании только тех результатов оперативно-розыскной деятельности, которые отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ. Данное положение развивается ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и получило свое продолжение в п. 20 приказа МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

В соответствии со ст. 87–88, ч. 1 ст. 152 УПК РФ из двух упомянутых должностных лиц право-

охранительных органов только следователь уполномочен сначала инициировать проведение оперативно-розыскных мероприятий, а затем проверить и оценить их результативность. Указанные обстоятельства позволяют нам сделать вывод о ведущей роли следователя во взаимодействии, при этом реальными механизмами воздействия на сотрудников оперативных подразделений, выполняющих его поручение, названное должностное лицо не обладает. Учитывая изложенное, 65% следователей высказались за внесение в УПК РФ статей, регламентирующих производство оперативно-розыскных мероприятий и расширение контролируемых полномочий следователя за производством оперативно-розыскных мероприятий. При этом 44% опрошенных поддержали инициативу по предоставлению следователю права производства некоторых оперативно-розыскных мероприятий.

О необходимости изменений уголовно-процессуального законодательства неоднократно высказывался и Е.А. Доля, который полностью не исключал возможности предания гласности, например, сведений о лицах, сотрудничающих или сотрудничавших на конфиденциальной основе с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [4].

Правоприменителям других стран также не чужды перечисленные проблемы, обусловившие существенную перестройку формулы взаимодействия служб правоохранительных органов, задействованных в сфере уголовного судопроизводства. В 2012 году начал действовать УПК Украины, в корне изменивший представление о производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Украинский законодатель усилил роль следователя, наделив его полномочиями производства негласных следственных действий.

По УПК Украины все следственные действия (именуемые следственные [розыскными]) дифференцированы на традиционные (термин предложен автором) и негласные следственные (розыскные) действия. К традиционным отнесены: допрос (ст. 224), предъявление для опознания (ст. 228–230), обыск (ст. 234), осмотр (ст. 237); следственный эксперимент (ст. 240), освидетельствование лица (ст. 241), производство экспертизы (ст. 242–244) и получение образцов для экспертизы (ст. 245).

Негласные следственные (розыскные) действия также имеют градацию, обусловленную степенью их проникновения в частную жизнь лиц и применяемыми при этом средствами и методами: вмешательство в частное общение и другие виды негласных следственных (розыскных) действий. К первой подгруппе отнесены аудио-, видеоконтроль лица (ст. 260), наложение ареста, осмотр и выемка

корреспонденции (ст. 261–262), снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей (ст. 263) и снятие информации с электронных информационных систем (ст. 264).

К другим видам негласных следственно (розыскных) действий отнесены обследование публично недоступных мест, жилья или иного владения лица (ст. 267), установления местонахождения радиоэлектронного средства (ст. 268), наблюдение за лицом, вещью или местом (ст. 269), аудио-, видеоконтроль места (ст. 270) и контроль за совершением преступления (ст. 271): контролируемая поставка; контролируемая и оперативная закупка; специальный следственный эксперимент; имитация обстановки преступления.

Если первая подгруппа следственных действий нам частично известна (например, ст. 186.1 УПК РФ), то сущность второй подгруппы мероприятий нашему уголовному судопроизводству в принципе не знакома.

С введением названных новшеств роль украинского следователя существенно изменилась. Теперь он имеет право сам производить негласные следственные (розыскные) действия или поручить их производство уполномоченному оперативного подразделения. По решению следователя к проведению негласных следственных (розыскных) действий могут привлекаться также другие лица (ч. 6 ст. 246 УПК Украины).

Фактически аналогичные нормы появились в 2015 году и в УПК Республики Казахстан. Как и УПК Украины, анализируемый кодекс закрепил право казахского следователя производить следственные действия, которые разделены на две группы. К первой группе отнесены классические следственные действия: допрос (ст. 208–217), очная ставка (ст. 218), осмотр (ст. 218–222), освидетельствование (ст. 223), опознание (ст. 229–230), обыск (ст. 252), выемка (ст. 253), проверка и уточнение показаний на месте (ст. 257), следственный эксперимент (ст. 258) и судебная экспертиза (ст. 270).

Вторую часть следственных действий образуют такие негласные следственные действия, как негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места (ст. 242), негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи (ст. 243), негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 244), негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации (ст. 245), негласный контроль почтовых и иных отправлений (ст. 246), негласные проникновение и (или)

обследование места (ст. 247), негласное наблюдение за лицом или местом (ст. 248), негласная контролируемая поставка (ст. 249), негласный контрольная закупка (ст. 250) и негласные внедрение и (или) имитация преступной деятельности (ст. 251). Интересно, что в соответствии с ч. 9 ст. 60 УПК Казахстана по расследуемым делам следователь имеет право знакомиться с материалами дел оперативного учета.

Соответствующие изменения предусмотрены проектом УПК Республики Кыргызстан. В нем все следственные действия также разделены на две группы. К первой группе отнесены: осмотр (гл. 22), освидетельствование (ст. 174), судебная экспертиза (гл. 24), допрос (гл. 25), очная ставка (ст. 203), опознание (гл. 27), обыск (гл. 28), выемка (гл. 28), проверка и уточнение показаний на месте (ст. 216), следственный эксперимент (ст. 218).

Ко второй группе отнесены специальные следственные действия (иногда называемые в проекте УПК Киргизии негласными): наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и их осмотр и/или выемка; прослушивание переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами; снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств; аудио, видеоконтроль лица или места; наблюдение за лицом или местом; проникновение и обследование нежилого помещения или иного владения лица; получение образцов для сравнительного исследования специальным способом. Заключение эксперта; специальный следственный эксперимент; внедрение в преступную среду и/или имитация преступной деятельности; контролируемая поставка; контрольный закуп.

Автором отмечается схожесть (и даже определенная идентичность) классификации следственных действий в уголовном судопроизводстве Украины, Казахстана и Киргизии. Основным признаком всех негласных следственных действий является их производство в режиме отсутствия осведомленности лица (чьи права были ими ограничены), вначале о самом факте мероприятия, а затем о его методах, средствах, а в некоторых случаях и об их участниках.

Отечественный УПК РФ не содержит терминов «негласно» или «секретно», между тем, по мнению автора, их отсутствие не препятствует конфиденциальной процессуальной деятельности следователя. Действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит ряд норм, закрепляющих действия следователя, сопряженные с отсутствием осведомленности участников уголовного судопроизводства о них.

С началом действия в 2001 г. УПК РФ измени-

лась сущность деятельности следователя, наделенного полномочиями применения мер безопасности участников уголовного судопроизводства (ст. 11), участием в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1), производстве ранее не свойственных ему таких следственных действий, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185), контроль и запись переговоров (ст. 186), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1).

По мнению автора, система отечественных следственных мероприятий с 2001 года также стала двухзвенной. Деятельность следователя состоит из производства гласных и негласных следственных действий и процессуальных решений. К гласным следственным действиям мы относим: осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, очную ставку, проверку показаний на месте, допрос и предъявление для опознания. Допрос и предъявление для опознания при необходимости применения мер обеспечения безопасности могут носить элементы негласности, связанные с изменением следователем реальных данных о лице (применением псевдонима).

При производстве гласных следственных действий их участники уведомляются о дате, времени и месте следственного действия, им разъясняются права, обязанности и ответственность, представляются другие участники, могут заявляться ходатайства и отводы, делаться заявления и т.д.

К негласным следственным действиям и решениям автором отнесена вся деятельность следователя, связанная с тайной, секретностью и конфиденциальностью, т.е. невозможностью разглашения информации о них. При этом негласные следственные действия и процессуальные решения разделяются на абсолютно негласные, относительно негласные и конфиденциальные.

К абсолютно негласным следственным действиям отнесены наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; контроль и запись переговоров. О самом факте и результатах производства абсолютно негласных следственных действий лица, чьи права и свободы были таким образом ограничены, уведомляются при ознакомлении с материалами уголовного дела, по окончании предварительного расследования. При этом сведения о средствах и методах производства указанных мероприятий, а также об их исполнителях не подлежат разглашению даже после вступления в законную силу приговора суда, вынесенного по уголовному делу.

Относительно негласными следственными действиями (решениями) являются обыск; выемка; наложение ареста на имущество; сохранение втайне факта задержания подозреваемого. Их производство осуществляется гласно, их участникам разъясняются права, обязанности и ответственность, они предупреждаются о применении технических средств, им представляются другие участвующие лица, рассматриваются ходатайства и отводы. Все участники знакомятся с протоколом следственного действия и имеют право внести дополнения и замечания в его содержание. Копия протокола вручается лицу, чьи права и свободы были ограничены.

Подготовительный же этап производства относительно негласных следственных действий носит закрытый характер, т.к. их эффективность зависит не только от оперативности, но и внезапности. Поэтому информация о подготовке названных следственных действий, согласование их производства с руководителем следственного органа и судьей для других участников предварительного расследования остается закрытой.

Конфиденциальными негласными следственными действиями автор называет деятельность следователя по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства и досудебному соглашению о сотрудничестве. Эта сравнительно новая процедура современного уголовного судопроизводства до сих пор вызывает у правоприменителей и правоведов много вопросов.

Сам факт применения следователем мер безопасности и информация о реальных данных участников программы государственной защиты остается тайной не только для участников уголовного судопроизводства, но и для сотрудников правоохранительных органов. Причем материалы уголовного дела, в которых отражена соответствующая информация, помещаются в конверт, который подлежит опечатыванию. Правом ознакомления с содержанием данного конверта наделяется в судебных стадиях исключительно судья, рассматривающий уголовное дело по существу. Более того, за разглашение сведений о применении мер безопасности предусмотрена уголовная ответственность (ст. 311 УК РФ).

Такая же процедура предусмотрена и при заключении досудебного соглашения. В конверт, который опечатывается и хранится в недоступном для других лиц месте (ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ) помещаются: 1) ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; 2) постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве; 3) постановление прокурора об удовлетворении

ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; 4) досудебное соглашение о сотрудничестве; 5) постановление следователя о сохранении в тайне данных о личности участника следственного действия.

И в первом, и во втором случае при применении новых процедур возникают проблемы взаимодействия. Меры обеспечения безопасности автором разделяются на процессуальные и иные (непроцессуальные). К процессуальным мерам, применяющимся лицом, осуществляющим расследование, относят: 1) легендирование сведений о потерпевшем и свидетеле в материалах уголовного дела (ч. 9 ст. 166 УПК РФ); 2) контроль и запись телефонных и иных переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ); 3) предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ); 4) закрытое судебное разбирательство (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ); 5) допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

Иные непроцессуальные меры обеспечения безопасности применяются подразделениями государственной защиты территориальных органов МВД России. Ими являются: 1) личная охрана, охрана жилища и имущества; 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; 4) переселение в другое место жительства; 5) замена документов; 6) изменение внешности; 7) изменение места работы (службы) или учебы; 8) временное помещение в безопасное место; 9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое (ст. 6 Федерального закона от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»).

Очевидна взаимообусловленность процессуальных и непроцессуальных мер безопасности участников уголовного судопроизводства. Эффективность применения названных мер имеет прямую зависимость от согласованности их применения. Так, бессмысленны замена документов, перемена места жительства или изменение внешности потерпевшего, если следователем в уголовном деле не изменены личные данные защищаемого лица. Между тем в ходе проведенного опроса следователями неоднократно отмечались сложности, связанные с неуведомлением сотру-

никами оперативных подразделений о применении в отношении участников уголовного судопроизводства непроцессуальных мер обеспечения безопасности. Встречаются случаи вынесения постановления об отмене процессуальных мер безопасности оперативными сотрудниками, что категорически противоречит нормам УПК РФ.

Усложняет ситуацию и то, что лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, зачастую осуществляет конфиденциальное сотрудничество с оперативно-розыскными органами. Соответственно, следователь должен учитывать, что информация о рассматриваемой категории лиц составляет государственную тайну. Несохраниение в тайне конфиденциальной информации о конфиденнте нарушает права и законные интересы последнего.

В связи с вышеизложенным автор считает необходимым изменить УПК РФ, расширив полномочия следователя правом контроля за производством оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых по их поручению, а также возможностью более глубокого контроля за производством абсолютно негласных следственных действий.

Представляется, что некоторым разрешением названных проблем взаимодействия могут стать положения ст. 163 УПК РФ, в соответствии с которыми производство расследования по уголовному делу в случае его сложности или большого объема может быть поручено группе следователей, о чем выносится отдельное постановление или указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Системное создание следственных групп, в состав которых входят сотрудники оперативных подразделений, может в корне изменить сложившуюся в территориальных органах ситуацию. Представляется, что, как руководитель группы, следователь должен быть наделен дополнитель-

ными процессуальными контрольно-распорядительными полномочиями на период поступления в оперативное подчинение сотрудников оперативных подразделений, а именно:

- правом определения направления расследования, дачи указаний о производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в рамках расследуемого уголовного дела;

- правом координации и контроля деятельности участников группы следователей независимо от ведомственной и служебной принадлежности, определяет и обеспечивает очередность и согласованность производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

- правом производства или участия в производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, их планировании и подготовке;

- правом непосредственного использования в качестве доказательств результатов оперативно-розыскных мероприятий (проводимых по его поручению) и негласных следственных действий;

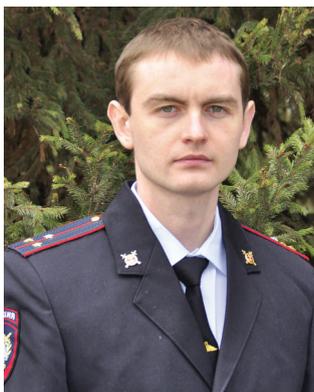
- правом контроля за производством оперативно-розыскных мероприятий (принятие решений об их начале, сроках, завершении, эффективности деятельности), уведомляться о факте заведения и прекращения дел оперативного учета;

- принимает необходимые меры по обеспечению конфиденциальности производства следственных и оперативно-розыскных мероприятий, соблюдения режима секретности.

В случае обращения за помощью сотрудников оперативного подразделения необходимо также закрепление права создания на стадии документирования преступной деятельности до возбуждения уголовного дела группы следователей с включением в нее сотрудников оперативных и оперативно-технических подразделений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Луговик В. Ф. Проблемы процедурно-процессуального обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Полицейское право. 2005. № 3; Луговик В. Ф. Правовые проблемы использования оперативно-розыскных данных // Полицейское право. 2006. № 1; Гармаев Ю. П., Луговик В. Ф. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Полицейское право. 2006. № 2.
2. Григорьев В. Н. Вариант нормативной модели наделения следователя оперативными полномочиями // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7; Доля Е.А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2007. № 6.
3. Тимановкій А. Сборник толкованій русскихъ юристовъ к судебнымъ уставамъ императора Александра втораго. Издание второе. 1892. С. 271. Об этих же проблемах писали: Вольф А. Мнимая отравительница: Накипь Парижа (окончание) // Наблюдатель. № 4. Апрель. 1885. С. 86; Громов Вл. Методика расследования преступлений. Руководство для органов милиции и уголовного розыска. 2-е изд., дополненное. М.: Издательство Народного комиссариата внутренних дел. 1930. С. 23.
4. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2009. 376 с. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 17.07.2015).

УДК 343.341

И.И. Нурутдинов**ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ВАХХАБИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье на основе ретроспективного анализа оценивается эффективность мер, направленных на противодействие ваххабизму в России и предлагаются направления для дальнейшей работы в данном направлении.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, радикальные течения, ваххабизм, противодействие ваххабизму, борьба с экстремизмом.

С момента появления ваххабизма на территории Российской Федерации и осознания его в качестве угрозы национальной безопасности нашей страны органами государственной власти и управления последовательно предпринимались меры по противодействию данному явлению.

В 1999–2002 гг. в качестве мер противодействия ваххабизму были предприняты два основных шага (если не считать Вторую чеченскую войну, которая, помимо прочего, существенно подорвала позиции ваххабитов на Северном Кавказе, а также продолжающуюся с этого времени и по сей день непосредственную борьбу правоохранительных органов с террористами и их пособниками). Первым шагом был запрет деятельности ваххабитских фондов «Аль-Харамейн», «Аль-Игаса», «Тайба», «Ибрагим бен Абдуль-Азиз аль-Ибрагим» и др. Как отмечает И.Я. Новицкий, деятельность указанных фондов внешне носила мирный, миссионерский характер, тогда как на практике осуществлялось не только распространение мусульманской литературы, в т.ч. ваххабитского толка, но и организация работ по вербовке потенциальных джихадистов (через систему полувоенных лагерей для молодежи) [1, с. 62–63]. А.Б. Подцероб пишет, что «Тайба», Фонд «Аль-Харамейн» и «Игаса» спонсировали выступавшую с радикальных позиций военизированную дагестанскую группировку «Исламский джамаат» [2]. Таким образом, прекращение деятельности указанных фондов на территории России значительно усложнило деятельность по финансированию ваххабизма. В целом, данный шаг можно считать успешным.

А вот второй шаг – законодательный запрет ваххабитской деятельности – так и остался половинчатым, и, следовательно, не эффективным. Так, 16 сентября 1999 г. в Дагестане был принят Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан», который, тем не менее, вошел в противоречие с федеральным законодательством и, что не менее важно, не содержал в себе четких критериев идентификации ваххабитов. Как отмечает М.Ш. Абдулаева, «из формулировки Закона следует, что ваххабизм и экстремизм официально признаны взаимосвязанными явлениями. Таким образом, данный Закон априори идентифицирует последователей ваххабизма с потенциальными экстремистами (террористами), тогда как деятельность антигосударственных экстремистских организаций должна регулироваться нормами Уголовного кодекса РФ...» [3, с. 221]. Кроме того, в 11 июля 2000 г. в Карачаево-Черкесии был принят еще один «антиваххабитский», по своему замыслу, закон – «О противодействии псевдорелигиозным обрядам в среде мусульманских общин в КЧР» [4, с. 238], который отличался теми же недостатками.

В настоящее время ваххабизм прямо не запрещен федеральным законодательством, но при этом уголовное преследование наиболее радикально настроенных ваххабитов осуществляется с применением антиэкстремистских ст. 282, 282.1, 282.2 и 282.3, равно как статей УК РФ, предусматривающих ответственность за террористическую деятельность (ст. 205, 205.1–205.5, 206, 208). По мнению ряда экспертов, отсутствие законодательного

Нурутдинов Ильнур Ильдусович, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: ilnur.n@rambler.ru

© Нурутдинов И.И., 2016

Статья получена: 28.07.2015

запрета ваххабизма в России снижает эффективность борьбы с ним [5, с. 11]. Тем не менее, на наш взгляд, отдельный запрет непосредственно ваххабизма является избыточным. Кроме того, с точки зрения правоприменительной практики, идентификация ваххабитов и сбор соответствующей доказательной базы является весьма трудоемкой задачей. В целом же, как представляется, нельзя сказать, что отсутствие законодательного запрета ваххабизма не позволяет организовать противодействие ему на законодательном уровне.

В сфере борьбы с ваххабизмом после 2003 г. был предпринят еще один шаг, связанный с запретом деятельности экстремистских и террористических организаций, а также религиозной литературы и материалов экстремистского характера. При этом эффективность запрета религиозной литературы и различных религиозных материалов является, по мнению экспертов, довольно низкой, т.к. бороться надо не с текстами, а конкретными людьми – распространителями радикальных идей: «нельзя сказать, что расширение списка запрещенных материалов эффективно в смысле снижения террористической угрозы в обществе. Преследование спорных текстов часто выглядит необоснованно жестким, тогда как ответственность для организаторов, участников и сторонников исламистских организаций, вовлеченных в инфраструктуру террора, – напротив, необоснованно мягкой... низкоэффективной представляется практика запрета экстремистских изданий. Зачастую запрет материала лишь привлекает к нему дополнительное внимание, не исключая его доступность, так как запрещаемые материалы легко обнаруживаются в Интернете или переиздаются с другими выходными данными» [5, с. 10–11]. На наш взгляд, это замечание во многом справедливо, особенно в свете того, что экспертиза мусульманских текстов проводится специалистами, не имеющими достаточной квалификации, а решения принимаются местными судами. Показателен, например, запрет Бугурусланским городским судом сборника 40 хадисов имама ан-Наввави в 2012 г., вызвавший бурю негодования в мусульманском сообществе России и активно использовавшийся в т.ч. ваххабитами для конструирования образа нашей страны, в которой «притесняют мусульман».

Отдельно следует сказать несколько слов о конкретных мерах по борьбе с ваххабизмом, принятых на уровне субъектов Российской Федерации. Например, при предыдущем муфтии Татарстана И. Файзове в республике осуществлялся процесс деваххабизации местного мусульманского духовенства: лица, имеющие ваххабитские взгляды, лишались своих постов в ДУМ РТ, в системе

религиозного образования, в приходах и т.д. Помимо прочего, акцент был сделан на том, чтобы упрочнить «вертикаль власти» в муфтияте, а также лишить влияния тех имамов, которые имели зарубежное мусульманское образование. Эксперты, анализирувавшие процесс деваххабизации в Татарстане, приветствовали эту идею, хотя с сожалением констатировали, что в конечном счете так и не удалось реализовать все задуманное. Как указывает в одном из своих интервью Р.Р. Сулейманов, «сама проблема с ваххабизмом, естественно, никуда не делась. Просто перешла в другую форму. Радикальным исламистам было предложено не позиционировать себя как ваххабитов, потому что эта позиция не будет воспринята благожелательно... Ваххабиты начинают маскироваться под ханафитов, то есть мусульман-традиционалистов. Но идеологические убеждения остаются те же самые, однако теперь они восседают на должностях... Появляется такое явление, как криптоваххабизм, т.е. ваххабиты, маскируясь под традиционный ислам, продолжают быть ваххабитами и вести свои дела» [6].

Кроме того, в последние годы была сделана ставка на традиционный ислам в качестве альтернативы ваххабизму. В целом эта идея является хорошей, поскольку помощь со стороны государства позволяет не зависеть местным мусульманским структурам от финансовой подпитки из иностранных государств, стимулирует патриотизм среди российских мусульман и является средством для опровержения используемых в ваххабитской пропаганде конструктов «притеснения ислама» в России. В то же время, указанная идея, помимо прочего, противоречит принципу светскости государства. Кроме того, отдельные эксперты выражают скепсис по поводу возможности использования фактора традиционного ислама в регионе Северного Кавказа: «российские власти пытались противопоставить развитию ваххабизма на Кавказе традиционный ислам, но уже давно отчетливо видно, что он не может конкурировать с фундаментализмом. Традиционный ислам расколот, в значительной степени слился с властью и, как следствие, подвержен тем же порокам, что и она (например, присваивание общественных денег и роскошь на фоне нищенского положения паствы). В понимании немалой части кавказцев-мусульман традиционный ислам является продолжением ненавистной им власти, и это еще больше отталкивает от него значительную массу народа» [5, с. 32].

Какие меры, кроме перечисленных, могут быть использованы для противодействия ваххабизму? На наш взгляд, государственная политика в сфере противодействия ваххабизму должна осуществляться по трем направлениям: «силовому»,

«системному» и «идеологическому».

1. «Силовое» направление противодействия ваххабизму предполагает продолжение той работы, которая ведется в настоящее время правоохранительными органами и включает в себя оперативно-розыскные мероприятия / агентурную работу, уголовное преследование той части ваххабитов, которая занимается террористической или экстремистской деятельностью. Отметим лишь ряд моментов, которые, на наш взгляд, могли бы повысить эффективность силовому противостоянию ваххабизму:

- необходима последовательная работа по изоляции осужденных ваххабитов от остальных заключенных для противодействия дальнейшей радикализации лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Осужденных за преступления террористической / экстремистской направленности следует изолировать от остальных заключенных. Кроме того, большое значение приобретает участие и контроль государственных органов за деятельностью пенитенциарных молельных комнат / мечетей, включая назначение имамов и снабжение (при участии духовных управлений мусульман) духовной литературой;

- следует усилить ответственность лиц, которые обеспечивают идеологическую базу ваххабизма, т.е. занимаются проповедованием этого учения и издают соответствующую литературу.

2. «Системное» направление противодействия ваххабизму исходит из постулата о том, что любая деятельность по противодействию ваххабизму будет половинчатой в том случае, если не будут предприняты одновременные меры по ликвидации системных причин ваххабизма. Для этого необходимы:

- реальная борьба с коррупцией и молодежной безработицей (особенно – на Северном Кавказе);

- государственная поддержка российской системе высшего религиозного образования для мусульман, равно как содействие изданию религиозной литературы российских авторов (в т.ч. дореволюционных мусульманских богословов, которые сегодня недостаточно известны широкой публике);

- пересмотр действующего механизма запрета религиозной литературы: необходимо создание специализированного экспертного совета на федеральном уровне, который будет принимать решение о наличии / отсутствии в религиозной литературе признаков экстремизма по направлению местных судов. Кроме того, необходим список критериев, который будет определять, подлежит ли та или иная книга / материал антиэкстремистской экспертизе;

- повышение финансовой прозрачности российских муфтиятов, исключающей получение зарубежного финансирования с одновременным

созданием условий для получения финансирования от государственных органов (например, в виде грантов, участия в совместных проектах);

- усиление подготовки сотрудников силовых структур, занимающихся религиозным экстремизмом, а также сотрудников системы исправления наказаний. В частности, они должны уметь выявлять ваххабитов и иных радикалов по упомянутым в первом разделе маркерам, должны четко представлять себе линию поведения, которую нужно выстраивать в отношении радикалов, хорошо разбираться в их психологии, уметь деконструировать антироссийские и антигосударственные психологические установки и т.д.

3. «Идеологическое» направление противодействия ваххабизму в настоящее время, находится в зачаточном состоянии, хотя ее значение для противодействия ваххабизму весьма велико. Как пишет Я. Амелина, «эффективно противостоять религиозной идеологии может только идеология аналогичного, т.е. религиозного содержания. Можно также рассмотреть вариант внерелигиозной национальной идеи, которая объединит общество, сплотив его в противостоянии радикалам, однако на сегодняшний день подобной идеи не просматривается... Необходимо жесткое противостояние «ваххабитскому лобби» в информационном пространстве. В настоящее время информационно-аналитические ресурсы сторонников традиционного ислама проигрывают конкурентам со стороны исламистов как по оперативности, так и по форме подачи материала. Следует отметить, что традиционалисты, в отличие от фундаменталистов, практически не ведут пропаганды в популярных среди молодежи социальных сетях» [7, с. 281].

На наш взгляд, необходимо в первую очередь усилить противодействие ваххабизму в символической сфере. Исходя из того, что риторика, деконструирующая негативный образ ваххабизма, представлена, прежде всего, в сети Интернет, основные усилия должны быть направлены на виртуальное пространство. Наряду с закрытием явно экстремистских сайтов отдельное внимание должно быть обращено на выявление сайтов, занимающихся апологетикой ваххабизма, с их последующей блокировкой со стороны Роскомнадзора, и поддержку тех веб-порталов, которые противодействуют ваххабизму за счет предоставления объективной информации о нем и доступного разъяснения особенностей традиционного ислама.

Отдельным субъектом для «идеологического фронта» противодействия ваххабизму являются ваххабиты-джихадисты, которые ведут пропаганду террора в сети Интернет. Возможно ли дискурсивно нейтрализовать их риторику? На наш

взгляд, это вполне возможно, однако следует учитывать ряд ограничений. Во-первых, среди тех, кто ставит в один ряд понятия «джихад» и «террор», есть прослойка не готовых к диалогу, закрытых к любой аргументации, настроенная на исключительно конфликтную модель сосуществования. Очевидно, что с подобными людьми договориться в принципе невозможно. Более плодотворным может быть диалог с теми, кто искренне заблуждается, полагая, что вся сущность ислама сводится к ведению боевых действий против «неверных» и готов, в определенных условиях, поменять свои взгляды. То же самое можно сказать и о категории симпатизантов, которые хоть и (пока) не участвуют в боевых действиях, но внутренне согласны с воинствующей риторикой салафитов.

Во-вторых, сама аргументация должна базироваться исключительно на логике теории и практики мусульманской религии. Та аргументация, которую можно назвать «светской» (т.е. апеллирование к законодательным запретам, моральным, культурным нормам и т.д.), априори не представляет большой ценности для сторонников ваххабизма. Более того, поскольку исходная аргументация джихадистов о том, что совершение террористических актов является дозволенным, основывается на соответствующей интерпретации положений шариата, то эффективная контр-аргументация возможна только в рамках шариатского права.

Если говорить о конкретных направлениях деконструирования джихадистской риторики, то подробный их анализ требует отдельного богословского исследования. Поэтому вкратце остановимся лишь на ряде из них.

1. Легитимизация совершения террористических актов осуществляется с использованием концептов «дар-уль-харб» (территория войны) и «дар-уль-ислам» (территория мира). Территория Российской Федерации объявляется «дар-уль-харб», и на этом основании обосновывается необходимость ведения военных действий, под которыми понимаются акты террора. При этом указанное разделение непосредственно не относится к шариату, т.к. появилось оно в Средние века и в большей степени связано с тогдашней системой международных отношений. Более того, особенностями «дар-уль-ислама» являются возможность свободно исповедовать ислам и демонстрировать признаки принадлежности к мусульманской религии. Иначе говоря, даже при использовании концептов «дар-уль-ислам» и «дар-уль-харб» Российская Федерация не является «территорией войны».

2. Большое значение в мусульманской юриспруденции придается соблюдению мирных дого-

воров, на что, в частности, указывают отдельные аяты Корана (напр., 9:4). Гражданство той или иной страны рассматривается в мусульманском праве как своего рода договор, который предполагает соблюдение тех норм, которые действуют в данном конкретном государстве. Террористические акты являются действиями, нарушающими мирные договоренности.

3. Серьезным аргументом против ведения партизанской войны и совершения террористических актов является установленный в мусульманском праве принцип о том, что джихад может объявляться только легитимным правителем страны. Отдельные индивиды и различные негосударственные образования подобного права не имеют. Более того, согласно классическому мусульманскому праву, военный аспект понятия «джихад» относится к оборонительной войне или к случаям, когда военные действия требуются для ликвидации различных угроз для мусульман. При этом подчеркивается и то, что мирный (договорной) способ урегулирования конфликта всегда предпочтительнее военных действий.

4. Собственная смерть, которая происходит во время самоподрыва террориста-смертника, а также вред, который наносится гражданскому населению во время совершения террористических актов, оправдывается ваххабитами-джихадистами доктриной вынужденности («необходимость делает запретное дозволенным»). Однако в тех случаях, когда речь идет о человеческой жизни, по поводу священности которой существует единое мнение мусульманских богословов, данная доктрина применяться не может (не говоря уже о том, что самоубийство рассматривается в исламе как один из величайших грехов).

5. Нельзя забывать и о том, что совершение террористических актов от имени ислама способствует росту исламофобии и несет, пусть и опосредованно, вред для всех мусульман. Несмотря на это, отдельные радикальные богословы (в частности, Юсуф аль-Кардави) оправдывают совершение террористических актов, в т.ч. целью достижения всеобщего блага, хотя, по факту, терроризм наносит существенный вред исламу и мусульманам.

В заключение отметим, что эффективное противодействие ваххабизму возможно лишь при комплексном взаимодействии указанных направлений, иначе должного эффекта можно и не достичь. Кроме того, важным представляется осуществление постоянного мониторинга эффективности тех или иных мер и оперативной их корректировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новицкий И. Я. Управление этнополитикой Северного Кавказа. Краснодар, 2011.
2. Подцероб А. Б. Российский ислам и зарубежные РНПО // Веб-портал Института Ближнего Востока. 2008. 12 марта. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/12-03-08.htm> (дата обращения: 22.05.2015).
3. Абдулаева М. Ш. Проблемы внутриисламского диалога в Дагестане // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2.
4. Акаев В. Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе: научн. моногрф. Грозный, 2003.
5. См. напр.: Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье: аналитический доклад / Институт национальной стратегии; под ред. М.В. Ремизова. М., 2013.
6. Антонов А. Раис Сулейманов: «Проблема ваххабизма в Татарстане никуда не делась» // Веб-портал «Агентства политических новостей». 2014. 23 сентября. URL: <http://www.apn.ru/publications/article32334.htm> (дата обращения: 11.06.2015).
7. Амелина Я. А. Федеральное «ваххабитское лобби» и «стокгольмский синдром» интеллектуалов // CAUCASICA. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Том 1 / под ред. В. А. Захарова. М.: Русская панорама, 2011.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Национальная безопасность Российской Федерации: актуальные проблемы правового обеспечения: монография / под общей ред. докт.пед.н. Ф.К. Зиннурова.– Казань: КЮИ МВД России, 2015. - 114 с.

В монографии на основе действующего законодательства, правоприменительной практики, статистических данных исследуется комплекс правовых проблем обеспечения национальной безопасности современной России.

Для юристов – ученых и практиков, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и всех, кто интересуется вопросами национальной безопасности России.

УДК 343.98

О.П. Грибунов

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

В статье рассматриваются некоторые аспекты современного технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Проведен краткий обзор современных технических средств.

Ключевые слова: технико-криминалистические средства, экспертиза, расследование преступлений.

Техническое оснащение правоохранительных органов в противодействии преступности на протяжении последних лет значительно улучшилось, ведь без современных технологий раскрытие и расследование преступлений крайне затруднительно. Совершенствование материальной оснащенности не замедлило сказаться на качестве раскрытия и расследования преступлений, и прежде всего, тяжких и особо тяжких преступлений против личности. Следует признать, что это один из самых высоких показателей по раскрываемости среди всех преступлений. Так, в 2014 г. процент раскрываемости убийств и покушений на убийство составил 89,3%, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – 89,4%, изнасилований и покушений на изнасилование – 94,8% [1].

Выступая на расширенном заседании коллегии МВД РФ 4 марта 2015 г., Президент России В.В. Путин заверил, что программы совершенствования материально-технического оснащения ведомства будут продолжены.

О техническом оснащении органов полиции выразил заботу и министр внутренних дел России В.А. Колокольцев: «Современное высокотехнологическое оснащение полиции сегодня – это залог успешности выполнения поставленных перед нами задач. Мы должны идти в ногу с современными технологиями и брать на вооружение самое лучшее из них».

Наряду с так называемыми традиционными экспертизами (дактилоскопическими, почерковедческими и др.), стремительно развиваются и новые виды экспертиз – генотипоскопические, фоновоскопические, запаховых следов человека

(одорологическая). Активно применяются высокотехнологические технико-криминалистические средства, что способствует развитию компьютерной криминалистики. По мнению Р.Р. Карданова, современное развитие технологий в различных сферах науки и техники открывают неограниченные перспективы по их внедрению в правоохранительную деятельность [2, с. 216].

В настоящее время одним из самых перспективных направлений использования научно-технических достижений в правоохранительной деятельности в раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений является идентификация личности методом ДНК-анализа с последующим формированием ДНК-учетов. Микрообъекты являются прямыми доказательствами (немыми свидетелями), обнаруженными на месте совершения преступления [3, с. 148].

Исследование ДНК проводится в короткие сроки и с высокой точностью, что актуально в связи с необходимостью исследования биологических следов, изымаемых с мест происшествий. Наглядным примером могут служить результаты ряда экспертиз при расследовании террористического акта в г. Москве в аэропорту «Домодедово» в 2011 г., а также расследование уголовного дела по факту убийства пятилетнего Богдана Прахова во Владимирской области в 2012 г., где причастность к преступлению подозреваемого была установлена в результате ДНК-анализа микроследов, обнаруженных на одежде потерпевшего.

Следующим перспективным, хотя не всеми криминалистами признанным направлением сле-

Грибунов Олег Павлович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

e-mail: gribunov@mail.ru

© Грибунов О.П., 2016

Статья получена: 21.08.2015

дует признать возможности судебной экспертизы запаховых следов человека, которая позволяет идентифицировать субъекта по следам пахучих веществ его пота, не содержащих клеточных структур. Высокая избирательность ольфакторного метода позволяет изучать следовые количества пахучих веществ без их предварительного выделения из смеси, что значительно сокращает (до 3–5 дней) сроки производства экспертизы [4, с. 330].

В настоящее время данный вопрос исследован и научно обоснован, что в свою очередь является одним из основных критериев достоверности результатов исследований. В ЭКЦ МВД России проведены расчеты, которые в достаточной степени аргументированы, в том числе на монографическом уровне, согласно которым вероятность получения ошибочного результата при категорически положительном решении вопроса о наличии на объекте запаховых следов конкретного лица не превосходит величину $1,02 \times 10^{-8}$, то есть категорический вывод об идентификации с достоверностью 0,99999999 [5].

Определяющее значение для эффективного использования запаховой информации в раскрытии и расследовании преступлений имеет незамедлительное представление изъятых носителей запаховых следов в соответствующую экспертную лабораторию. И здесь необходимо отметить, что специалист должен обладать техникой сбора запаховых следов. Безусловно, речь идет о тех случаях, когда объект-следоноситель невозможно направить в лабораторию. Как известно, используется способ аппликации посредством длительного контакта фрагментов хлопчатобумажной ткани с объектом-носителем запаховых следов, который основан на переходе пахучих веществ потожировых следов человека с предмета на ткань в результате диффузионных и сорбционных процессов. Однако следует помнить, что прямой контакт ткани с предметом-следоносителем ведет к полной или частичной утрате иных следов, а именно: отпечатков пальцев, микрочастиц и волокон. Соответственно, при вероятном наличии таких следов этот метод не используют. Целесообразно изымать предметы и проводить исследование на отбор запаховых следов в лабораторных условиях посредством их термовакуумного испарения с предмета, в условиях повышенной температуры (подогревание нижней части термовакуумного сборника со следоносителем на кипящей водяной бане) и остаточного давления $0,2-0,4$ кгс/см² с последующей конденсацией испаренных компонентов на поверхности приемной камеры устройства, охлаждаемой жидким азотом [6, с.125], что позволяет сохранить на объектах-носителях микротрассы и микрочастицы

и не препятствует проведению в дальнейшем соответствующих исследований, в том числе это касается и крови.

Сегодня сложно себе представить общение людей без сотовых телефонов, и уж тем более это средство связи используется соучастниками при совершении преступлений. Для криминалистического исследования, извлечения и расшифровки данных (списки вызовов, записные книжки, sms-сообщения, фотографии, видео- и аудиофайлы, PIN-номера и другую информацию) из мобильных устройств, как правило, китайского производства, применяется аппарат UFED CHINEX, который способен раскодировать и «взломать» пароль многих мировых марок сотовых телефонов, смартфонов и GPS-навигаторов, то есть универсально совместимый. При этом следует уже определенно утверждать, что вопросов по поводу ограничения конституционных прав владельцев телефонов благодаря решению Конституционного Суда РФ сегодня не возникает: определением Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2010 г. № 433-0-0 гр. Тарасову Н.А. отказано в принятии к рассмотрению его жалобы: суд не усмотрел нарушений его конституционных прав в нормах уголовно-процессуального закона (ч. 1 ст. 176 и ч. 1 ст. 285 УПК РФ) при извлечении сведений, содержащихся в электронной памяти (sms-сообщения) и оглашении их в суде (<http://www.sudbiblioteka.ru/>).

Уже в 2014 г. использование мобильных комплексов UFED способствовало обнаружению и изъятию около тысячи информационных следов sms-сообщений, фото-файлов о преступной деятельности лиц.

В абсолютном большинстве случаев извлечение информации из мобильных устройств осуществляется в порядке их осмотра с применением технических средств (UFED). Однако в правоприменительной практике известны и другие способы исследования информации с мобильных устройств. Так, в Омской, Тюменской, Ленинградской областях и Забайкальском крае для извлечения удаленной информации и работы с некоторыми моделями сотовых телефонов назначалась и проводилась компьютерно-техническая экспертиза мобильных устройств. При этом чаще всего следователь ставил перед экспертом вопросы о возможности изъять полные сведения из мобильного устройства [7, с. 10].

Следует заметить, что субъекты преступлений в определенной степени осведомлены о возможностях получения криминалистически значимой информации с мобильных устройств, поэтому в ряде случаев данные лица в целях противодействия расследованию предпринимают меры к сокрытию таких устройств и сим-карт. Поэтому,

осуществляя осмотры и обыски, рекомендуется применять нелинейные локаторы таких моделей, как «Лорнет» соответствующих модификаций, «NR-900S», «Люкс», «ORION HGO-4000», «BVS WH». С их помощью возможно обнаружение мобильных устройств, как находящихся в режиме регистрации, так и работающих в режиме приема-передачи голосовых и текстовых сообщений.

Перспективным направлением деятельности правоохранительных органов в процессе раскрытия и расследования преступлений является применение биллинга (снятие информации с технических каналов связи и аналитическая обработка информации о соединении абонентов систем связи) [8, с. 17]. Сложность работы заключается в массиве информации, который предоставляют абоненты систем сотовой связи, где количество номеров за определенный промежуток времени может исчисляться в тысячах. И в этом плане качество аналитического материала по конкретному преступлению зависит от умения и способности сотрудника найти и вычленив нужные номера абонентов. Определенную помощь в этом оказывает аппаратно-программный комплекс «Сегмент-С», позволяющий выявлять интересующие группы абонентов из трафиков базовых станций и обрабатывать детализацию конкретного абонента с целью установления мест его пребывания, маршрутов передвижения и круга общения.

Ярким примером эффективности применения такого комплекса в раскрытии и расследовании преступлений служат результаты расследования уголовного дела по факту убийства в 2010 г. в г. Астрахани семьи Агафоновых. Благодаря возможностям аппаратно-программного комплекса удалось за короткий срок из более 200 тысяч абонентов выявить группу абонентских номеров, пользователи которых активно общались между собой в интересующее следствие время. При проверке владельцев работавших телефонов и сим-карт установлена преступная группа [9].

Реализуя задачи по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, осуществлению розыскной деятельности, ОВД на транспорте активно используют программно-технический комплекс «Розыск-Магистраль», ориентированный на выявление в пассажиропотоке лиц, находящихся в розыске, а также представляющих оперативный интерес.

Сегодня по все России действуют 20 узлов ПТК «Розыск-Магистраль», которые позволяют ежегодно задерживать порядка 12 тысяч человек, находящихся в розыске, а также оповещать о перемещениях более чем 150 тысяч лиц, представляющих оперативный интерес для правоохрани-

тельных органов. В общем объеме раскрытых преступлений на объектах транспорта, только за 2010г. использование ПТК «Розыск-Магистраль» способствовало раскрытию 12% всех преступлений, что составило около 7000 преступлений.

Однако данные показатели постоянно снижаются в связи с тем, что преступники, находящиеся в розыске, приспособляются и к данным техническим разработкам противодействия преступности, используя методы сокрытия своих идентификационных данных при перемещении по стране.

Учитывая эту тенденцию и основываясь на очевидном факте, что изменение человеческого лица более сложная процедура, чем ранее упомянутые способы, разработчики ПТК «Розыск-Магистраль» включили в состав комплекса подсистему биометрической идентификации лиц человека «АТИГ». Подсистема позволяет в режиме реального времени выявлять во входящем или выходящем пассажиропотоке лиц, находящихся в розыске или представляющих оперативный интерес [10, с. 18].

Не менее важным следует отметить использование 3D-сканера в производстве следственных действий, в частности, при проведении осмотров места происшествия. Сканирование объекта, местности 3D-сканером с целью моделирования обеспечивает трансформацию реальных материальных объектов в виртуальные, иначе говоря, получаемая модель как бы «консервирует» место происшествия [11, с. 37]. При таком сканировании возможны отображение и документирование мелких деталей, предметов и объектов, пропущенных при визуальном осмотре [12, с. 74].

В настоящее время существует целый ряд программных продуктов, предназначенных для 3D-моделирования. Самым распространенным приложением в сфере фотограмметрического программного обеспечения признается пакет PhotoModeler, предназначенный для получения трехмерных моделей-эскизов на основе фотографий. Данный вопрос как перспективное направление в криминалистике и судебной экспертизе довольно обстоятельно освещен К.В. Ярмаком [13, с. 433].

К сожалению, следует констатировать, что сканирование применяется только при производстве отдельных видов экспертиз (автотехнических, баллистических), а если и применяется при осмотре, то в целях получения материала для дальнейшего назначения соответствующих экспертиз [14, с. 84].

Кроме того, не следует забывать об уже ставшем частью жизни крупных населенных пунктов цифровом телекоммуникационном комплексе «Безопасный город», интегрированном с мультисервисной телекоммуникационной системой МВД России на базе оборудования УПАТС Avaya

Definity S8300/G430, использование данных которого позволяет оперативно получать информацию о движении лиц, совершивших преступление.

Вполне очевидно, что использование современных технических средств не должно ограничиваться раскрытием конкретного преступления. Следует использовать результаты такого применения указанных средств в превентивных целях путем

создания информационно-аналитической базы.

Создание и дальнейшее развитие аналитических возможностей систем криминалистического назначения являются приоритетными направлениями деятельности органов внутренних дел [15, с.5].

Все вышеперечисленное – это лишь немногие аспекты технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Состояние преступности в Российской Федерации: статистика МВД России // Официальный сайт МВД России. URL: <http://www.mvd.inform.ru>
2. Карданов Р. Р. Использование современных технологий для систематизации следовой картины применения огнестрельного оружия // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе с международным участием. М., 2014.
3. Косарев В. Н., Макогон И. В. К вопросу об использовании микрообъектов в раскрытии и расследовании преступлений // Вопросы теории и практики раскрытия и расследования преступлений: сб. науч. тр. Волгоград: ВА МВД РФ, 2007.
4. Саламатин А. В. Панфилова З. Ю. Работа с запахowymi следами на местах происшествий при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе с международным участием. М., 2014.
5. Панфилов П. Б. Обеспечение достоверности исследований запахowych следов человека с использованием собак детекторов в судебной экспертизе: учебное пособие. М., 2007; Сергиевский Д. А. Методы диагностического исследования запахowych следов человека // Судебная экспертиза. 2008. № 3 (15).
6. Сулимов К. Т., Старовойтов В. М., Панфилов П. Б., Саламатин А. В. Выявление запахowych следов человека (как биологического вида) на предметах следоносителях // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. А. Ю. Семенова, В. В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2012.
7. Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Актуальные вопросы применения криминалистической техники для получения информации, содержащейся в мобильных электронных устройствах // Вестник криминалистики. 2013. № 4 (48). С. 10.
8. Стрельцов И. А. Техничко-криминалистическое обеспечение предварительного следствия как функция Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации // Российский следователь. 2014. № 20.
9. Багмет А. М. Скобелин С. Ю. Актуальные вопросы применения криминалистической техники для получения информации, содержащейся в мобильных электронных устройствах // Вестник криминалистики. 2013. № 4 (48).
10. Коровкин Д. А. Современные технологии на службе правопорядка // Правопорядок на транспорте. 2012. № 1.
11. Енгальчев В. Ф., Пискунова Е. В. Новые технологии визуальной фиксации следов преступления: криминалистические и психологические аспекты // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2013. № 1 (7).
12. Применение наукоемких технологий в расследовании преступлений: учебное пособие / Е. Н. Быстряков и др. Саратов, 2009.
13. Ярмак К. В. Основные направления развития 3D-моделирования в криминалистике и судебно-экспертной деятельности // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе с международным участием. М., 2014.
14. Шагапсов З. Л., Карданов Р. Р. Информационно-аналитическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Судебная экспертиза. 2014. № 1 (37).
15. Ионова Е. В. Возможности использования 3-D сканера при производстве следственных действий // Российский следователь. 2014. № 8.

УДК 355.01

В.А. Беляев

И.А. Иванова

СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ВЕТЕРАНОВ ВОЙН В РЕГИОНЕ

В статье проанализированы оценки ветеранами разных войн функций социального обслуживания, иных социально-экономических и идейно-политических проблем в стране и регионе. Авторы обосновали причины патерналистской, социально-ориентированной и антирыночной позиций ветеранов, различия во взглядах ветеранов Великой Отечественной и локальных войн, их дисперсии по типам поселений и национальности.

Ключевые слова: ветераны Великой Отечественной войны; ветераны локальных войн; социальное обслуживание ветеранов; коммуникативные функции обслуживания; нуждаемость в социальных услугах как основа патерналистской, социальной и антирыночной позиции ветеранов.

Ветераны Великой Отечественной и локальных войн считают себя неотъемлемой частью российского общества и потому их волнуют все вопросы, стоящие в центре общественных дискуссий, включая социальные.

Социальные проблемы ветеранов войн исследует целый ряд специалистов: те, что анализируют социальную политику в отношении ветеранов за рубежом (Р.В. Корнюшина, Л.Ф. Лебедева, А.А. Лютов, Н.М. Потёмкина [1; 2; 3; 4; 5]), социальные проблемы российских ветеранов до революции 1917 г. (Ю.М. Попов, В.В. Форсова, П.П. Щербинин [6; 7; 8]), ветеранскую политику в современной России (П.В. Романова, Л.А. Солдатова, М.В. Фирсов, А.В. Зориктуева [9; 10; 11; 12]). Однако до сих пор нет серьезного научного анализа социальных проблем ветеранов послевоенных вооруженных конфликтов и АТО, а также воевавших военнослужащих в МВД, ФСБ и ФСК (1993–1995 гг.) РФ. Не проанализирован целый ряд социальных проблем, встающих перед ветеранами,

почти полностью вне внимания исследователей остаются вопросы социального обеспечения и самочувствия ветеранов локальных войн как самой многочисленной группы в составе ветеранов, социальные проблемы добровольцев, участвовавших в ряде конфликтов последнего времени – от Югославии до Украины. Ощущается нехватка в изучении особенностей мировоззрения ветеранов и причин ее, недостаточно проводится конкретных исследований, опросов самих ветеранов.

Для заполнения этой лакуны мы провели массовый опрос ветеранов в Республике Татарстан (РТ). Мы исходим из того, что основными факторами, необходимыми для формирования позитивного социального самочувствия ветеранов войн, являются как материальные, так и духовные условия жизни. Для выяснения воздействия этих факторов на социальное самочувствие ветеранов и тенденций эволюции первых при нашем участии по заказу Татарской Академии Управления было проведено конкретное исследование социально-

Беляев Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева
e-mail: vlad_belyaev@list.ru

Иванова Ирина Алексеевна, соискатель Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева
e-mail: rotgeroy@mail.ru

© Беляев В.А., 2016

© Иванова И.А., 2016

Статья получена: 01.09.2015

го самочувствия ветеранов войны. Программа и анкета были составлены авторами статьи в марте 2014 г., полевое исследование проведено соцфирмой «Возрождение» в октябре-декабре 2014 г., анализ нами проделан в январе-марте 2015 г. Были опрошены 1202 ветерана, проживающие в каждом типе поселений РТ: столичном мегаполисе (проанкетировано 682 казанца – 56,7% всех респондентов), в других городах РТ (330 ветеранов (27,5%) в Набережных Челнах, Нижнекамске, Елабуге, Зеленодольске); сельской местности (190 сельчан (15,8%), проживающих в деревнях и поселках Агрыз, Азнакаево, Актаныш, Богатые Сабы, Заинск, Нурлат). Опрос проведен путем анкетирования методом случайной выборки.

Среди опрошенных 276 (23,0%; лица 1919–1927 гг. рождения) могут быть идентифицированы, согласно Закону РФ «О ветеранах» [13], как ветераны Великой Отечественной и Второй мировой войн, к которым относятся и участники ряда сопутствующих войн (в Испании; у озера Хасан; на реке Халхин-Гол; при присоединении Западной Украины и Западной Белоруссии; войны с Финляндией; с Японией; в Китае). Эти категории в дальнейшем будут называться «ветеранами Войны».

Остальные 926 опрошенных (77,0%) являются ветеранами последующих локальных войн (лица 1928–1970 гг. рождения). К таким войнам относятся боевые действия: *в советское время* (в Китае, Венгрии, с Китаем в 1969 г., в Алжире; Египте; ЙАР, Вьетнаме Сирии, Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Афганистане, Камбодже, Бангладеш, Лаосе, Ливане) *и постсоветские* (в Таджикистане, Чечне и Северном Кавказе, Эфиопии, Южной Осетии и Абхазии). Участие добровольцев в военных действиях на Украине в закон не введено. Все категории второй группы мы называем «ветеранами последующих, или локальных войн» [14; 15; 16].

Рассмотрим распределение мнений ветеранов по проблемам *социоэкономической* политики. Прежде всего, их затрагивают аспекты, связанные с влиянием этой политики на их жизнь через *социальное обслуживание*. Последнее ветераны определяют не только как «*средство поддержания здоровья*» (так считают 11 ветеранов (0,9%) – это шестеро ветеранов Войны (2,2%) и 5 ветеранов последующих войн (0,5%); по поселениям: 4 казанца (0,6% казанских ветеранов), 4 ветерана из городов-райцентров (1,2%), 3 ветерана из сел (1,6%).

Почти столько же ветеранов еще выше оценивают социальное обслуживание, называя его «*необходимым условием выживания*» [это 10 ветеранов (0,8%), среди них 6 ветеранов Войны (2,2%) и 4 ветерана локальных конфликтов (0,4%); среди них 6 казанцев (0,9%), 2 из райцентров (0,6%), 2

сельчанина (1,1%)]. Тем самым высшая оценка необходимости такого обслуживания характерна именно для менее дееспособных ветеранов Войны.

Вместе с тем не менее популярны и более *умеренные* оценки социального обслуживания как способа ухода за ветеранами (8 ветеранов [0,7%]), как формы заботы о них (11 ветеранов [0,9%]) и даже как условия обеспечения полноценной жизни (10 ветеранов [0,8%]). Такие оценки высказали суммарно 29 ветеранов (2,4%) – это 6 ветеранов Войны (2,2%) и 23 ветерана последующих войн (2,5%); по поселениям это: 5 казанцев (0,7%), 8 из райцентров (2,4%), 16 из сел (8,4%). Таким образом, прослеживается *обратная зависимость развитости социальной инфраструктуры поселений и нуждаемости в ней*.

В большей степени проявляется *коммуникационная* функция социального обслуживания ветеранов, часто испытывающих дефицит связей с другими людьми, одиночество. Как канал «общения» оценивают это обслуживание 15 ветеранов (1,2%), а как форму проявления внимания к себе – даже 26 человек (2,2%). Суммарно выделяет коммуникацию как основную функцию обслуживания 41 ветеран (3,4%), включая 12 ветеранов Войны (3,6%) и 31 ветеран локальных войн (3,3%); всего это: 10 казанцев (1,8%), 6 из райцентров (1,8%), 23 сельчанина (12,1%; на селе высший уровень социального одиночества).

Встречается и *патерналистский* вариант ответа, когда ветераны считают социальное обслуживание дающим чувство защищенности, уверенности в завтрашнем дне, его выбрали 2 ветерана Войны (0,7%) и 4 ветерана последующих конфликтов (0,4%). Вместе с тем не получает такой услуги подавляющее большинство ветеранов: 253 ветерана Войны (91,7% воевавших) и 899 ветеранов последующих конфликтов (97,1%).

Тем самым многие ветераны воспринимают такие услуги в качестве коммуникационных, компенсаторных, рекреационных, культурных. При этом видна большая и неудовлетворенная *потребность* ветеранов последующих конфликтов на селе именно в возмещении утраченных каналов коммуникации. Эта неудовлетворенность потребности порождает фрустрационные, пессимистические и негативистские *оценки* проводимой социоэкономической политики в стране.

Так, ветераны по-разному определяют *состояние экономики в России* за последние пять лет. То, что состояние экономики *осталось без изменений*, отметили 265 ветеранов (22,0%) – это 80 ветеранов Войны (29,0%) и 185 ветеранов последующих войн (20,0%); по поселениям: 199 из 682 казанцев (29,2%), 48 из 330 ветеранов из

райцентров (14,5%), 18 из 190 ветеранов из сел (9,5%). По национальности опрошенные ветераны распределились так: среди них 545 татар, 620 русских, 37 представителей другой национальности. Из них названную оценку поддерживают 128 татар (23,5%), 129 русских (20,8%), 8 – иных национальностей (21,6%), т.е. корреляции по национальности не прослеживается.

Считают, что состояние экономики *немного улучшилось*, 346 ветеранов (28,8%) – это 78 ветеранов Войны (28,3%) и 268 ветеранов последующих войн (29,0%); среди них: 117 казанцев (17,2%), 139 из райцентров (42,1%), 90 сельчан (47,4%); по национальности: 175 татар (32,1%), 163 русских (26,3%), восемь – других национальностей (21,6%). Состояние экономики *«значительно улучшилось»* – по мнению 126 ветеранов (10,5%); это 40 ветеранов Войны (14,5%) и 86 ветеранов иных войн (9,3%); включая пять казанцев (0,7%), 71 из райцентров (21,5%), 50 сельчан (26,3%); по национальности: 66 татар (12,1%), 53 русских (8,5%), семь – иной национальности (18,9%). Тем самым казанцы намного более скептически оценивают сдвиги в экономике.

О *«некотором ухудшении»* положения в экономике заявили 198 ветеранов (16,5%) – это 25 ветеранов Войны (9,1%) и 173 ветерана локальных войн (18,7%); это 166 казанцев (24,3%), 12 из райцентров (3,6%), 20 сельчан (10,5%); среди них 73 татарина (13,4%), 117 русских (18,9%), 8 – иной этнической принадлежности (21,6%). И о том, что состояние экономики *«значительно ухудшилось»*, говорят 44 ветерана (3,7%) – это трое ветеранов Войны (1,1%) и 41 ветеран иных войн (4,4%); по поселениям это: 37 казанцев (5,4%), один из райцентров (0,3%), шесть сельчан (3,2%); по национальности: 18 татар (3,3%), 25 русских (4,0%), один другой национальности (2,7%).

Немного оптимистичнее ветераны оценивают *состояние экономики в РТ* за те же годы. В том, что оно *осталось без изменений*, уверены 272 ветерана (22,6%) – это 81 ветеран Войны (29,3%) и 191 ветеран локальных войн (20,6%); по поселениям это: 206 казанцев (30,2%), 49 из райцентров (14,8%), 17 сельчан (8,9%); по национальности: 126 татар (23,1%), 139 русских (22,4%), 7 – иных национальностей (18,9%). То, что оно *немного улучшилось*, посчитали 358 ветеранов (29,8%) – это 77 ветеранов Войны (27,9%) и 156 ветеранов иных войн (78,5%); среди них 156 казанцев (22,9%), 131 из райцентров (39,7%), 71 сельчанин (37,4%); это 169 татар (31,0%), 184 русских (29,7%), 5 иной национальности (13,5%). А то, что оно *значительно улучшилось*, утверждают 169 ветеранов (14,1%) – это 47 ветеранов Войны (17,0%) и 122 ветера-

на локальных войн (13,2%); включая 14 казанцев (2,1%), 82 из райцентров (24,8%), 73 сельчанин (38,4%); так считают 90 татар (16,5%), 68 русских (11,0%), 11 иной национальности (29,7%).

Оппонируют этой позиции несколько больше ветеранов, чем при оценке ситуации в РФ в целом: о том, что положение *немного ухудшилось*, предупреждают 177 ветеранов (14,7%) – это 21 ветеран Войны (7,6%) и 156 ветеранов последующих войн (16,8%); а именно: 149 казанцев (21,8%), 8 из райцентров (2,4%), 20 сельчан (10,5%); среди них 71 татарин (13,0%), 98 русских (15,8%), 8 иной этнической принадлежности (21,6%). И в том, что ситуация *значительно ухудшилась*, уверены 30 ветеранов (2,5%), включая 1 ветерана Войны (0,4%) и 29 ветеранов последующих войн (3,1%); 25 казанцев (3,7%), 1 из райцентра (0,3%), 4 сельчан (2,1%); это 10 татар (1,8%), 19 русских (3,1%) и 1 иной национальности (2,7%).

Более конкретная картина позиций ветеранов высвечивается при оценках *ряда социальноэкономических проблем*. При этом сугубо патерналистская позиция прослеживается у большинства ветеранов. Полностью согласны с тем, что *правительство должно обеспечить работой каждого нуждающегося*, 783 ветерана (65,1%) – это 143 ветерана Войны (51,8%) и 640 ветеранов последующих войн (69,1%), по поселениям это: 489 казанцев (71,7%), 156 ветеранов из райцентров (47,3%), 138 ветеранов-сельчан (72,6%), включая 347 татар (63,7%), 409 русских (66,0%), 9 иной национальности (24,3%). В основном согласны с этим 180 ветеранов (15,0%) – это 47 ветеранов Войны (17,0%) и 133 ветерана иных войн (14,4%), по поселениям – 38 казанцев (5,6%), 106 из райцентров (32,1%), 36 сельчан (19,0%), по национальности: 72 татарина (13,2%), 104 русских (16,8%), 4 иной национальности (10,8%). Эти цифры намного превышают соответствующие значения среди населения.

С ответом *колеблются* 33 ветерана (2,7%) – это 11 ветеранов Войны (4,0%) и 22 ветерана последующих войн (2,4%), по поселениям это: 20 казанцев (3,0%), 11 из райцентров (3,3%), 2 сельчан (1,1%), по национальности: 17 татар (3,1%), 14 русских (2,3%), 2 иной национальности (5,4%). В основном не согласен с заявленным в вопросе тезисом 31 ветеран (2,6%) – это 6 ветеранов Войны (2,2%) и 25 ветеранов последующих войн (2,7%), включая: 29 казанцев (4,3%), 2 сельчан (1,1%); это 16 татар (2,9%), 15 русских (2,4%). Полностью не согласен 71 ветеран (5,9%) – это 27 ветеранов Войны (9,8%) и 44 ветерана других войн (4,8%); из них: 68 казанцев (10,0%), 3 сельчан (1,6%); это 41 татарин (7,5%) и 30 русских (4,8%), т.е. либерализм не котируется в среде ветеранов.

Ностальгия по советским порядкам видна в ответах на вопрос, *должно ли государство устанавливать цены на продукты питания*. На этом твердо настаивают 722 ветерана (60,1%) – это 138 ветеранов Войны (50,0%) и 584 ветерана других войн (63,1%), включая 440 казанцев (64,5%), 150 из райцентров (45,5%), 132 сельчанина (69,5%); это 321 татар (58,9%), 374 русских (60,3%), 27 иной национальности (14,2%). *Скорее согласны* с этим 218 ветеранов (18,13%) – это 41 ветеран Войны (14,9%) и 177 ветеранов локальных войн (19,1%), среди них 68 казанцев (5,7%), 110 из райцентров (33,3%), 40 сельчан (21,1%), это 92 татарина (16,9%), 121 русских (19,5%), 5 иной национальности (13,5%).

Вместе с тем среди ветеранов имеются и рыночники: в этом вопросе колеблются с ответом 37 ветеранов (3,1%) – это 9 ветеранов Войны (3,3%), 28 ветеранов последующих войн (3,0%), то есть 22 казанца (3,2%), 12 из райцентров (3,6%), 3 сельчан (1,6%), это 21 татарин (3,9%), 14 русских (2,3%), 2 иной национальности (5,4%). Есть и такие позиции: *скорее не согласен* с регулированием цен 31 ветеран (2,6%) – это 10 ветеранов Войны (3,6%) и 21 ветеран последующих войн (2,3%), в том числе 28 казанцев (4,1%), 1 ветеран из райцентра (0,3%), 2 сельчанина (1,1%), по национальности: 14 татар (2,6%), 17 русских (2,7%). *Полностью не согласны* с этим 82 ветерана (6,8%) – это 28 ветеранов Войны (10,1%) и 54 ветерана локальных войн (5,8%), это 79 казанцев (11,6%), 3 сельчан (1,6%), а по национальности: 43 татарина (7,9%), 39 русских (6,3%).

По сугубо либерально-рыночному вопросу, *следует ли России привлекать иностранные деньги в экономику*, позиции ветеранов распределились так: с этим *полностью согласны* 367 ветеранов (30,5%) – это 64 ветерана Войны (23,2%) и 303 ветерана последующих войн (32,7%), по поселениям: 237 казанцев (34,8%), 42 из райцентров (12,7%), 88 сельчан (46,3%), включая 177 татар (32,5%), 178 русских (28,7%) и 12 – иной национальности (32,4%). *В основном согласны* 224 ветерана (18,6%) – это 48 ветеранов Войны (17,4%) и 176 ветеранов последующих войн (19,0%), среди них 99 казанцев (14,5%), 85 из райцентров (25,6%), 40 сельчан (21,1%), а по национальности: 92 татарина (16,9%), 128 русских (20,6%), 4 ветерана другой национальности (10,8%).

Колеблются с ответом на данный вопрос всего 150 ветеранов (12,5%) – это 40 ветеранов Войны (14,5%) и 110 ветеранов последующих войн (11,9%), по поселениям: 82 казанца (12,0%), 58 из райцентров (17,6%), 10 сельчан (5,3%), по национальности: 65 татар (11,9%), 79 русских (12,7%), 6 ветеранов иной национальности (16,2%). *В основном не согласны* 68 ветеранов (5,7%) – это 5 вете-

ранов Войны (1,8%) и 63 ветерана последующих войн (6,8%), по поселениям: 40 казанцев (5,9%), 12 из райцентров (3,6%), 16 сельчан (8,4%), по национальности: 25 татар (4,6%), 40 русских (6,5%), 3 ветерана иной национальности (8,1%). *И полностью не согласны* 95 ветеранов (7,9%) – это 13 ветеранов Войны (4,7%) и 82 ветерана локальных войн (8,9%), по поселениям: 58 казанцев (8,5%), 19 из райцентров (5,8%), 18 сельчан (9,5%), по национальности: 45 татар (8,3%), 46 русских (7,4%), 4 ветерана иной национальности (10,8%).

Несмотря на наличие *частной собственности на землю*, довольно много ветеранов с этим не согласны. Так, твердо уверены, что *в России должна существовать частная собственность на землю, полностью согласились* 402 ветерана (33,4%) – это 71 ветеран Войны (25,7%) и 331 ветеран последующих войн (35,8%), по поселениям: 260 казанцев (38,1%), 46 из райцентров (13,9%), 96 сельчан (50,5%), по национальности: 200 татар (36,7%), 187 русских (30,2%), 15 другой национальности (40,5%). *Скорее согласны* с этим 226 ветеранов (18,8%) – это 47 ветеранов Войны (17,0%) и 179 ветеранов последующих войн (19,3%), по поселениям: 100 казанцев (14,7%), 91 из райцентров (27,6%), 35 сельчан (18,4%), по национальности 88 татар (16,1%), 132 русских (21,3%), 6 ветеранов иной национальности (16,2%). Тем самым на рыночных позициях по этому решенному вопросу стоит чуть более половины (51,5%) ветеранов.

Оппозиция этому весьма многочисленна: *колеблются с ответом* 143 ветерана (11,9%) – это 34 ветерана Войны (12,3%) и 109 ветеранов локальных войн (11,8%), это 79 казанцев (11,6%), 58 из райцентров (17,6%), 6 сельчан (3,2%), включая 60 татар (11,0%), 80 русских (12,9%), 3 – иной национальности (8,1%). *Скорее не согласны* с приватизацией земли 46 ветеранов (3,8%) – это 4 ветерана Войны (1,44%) и 42 ветерана других войн (4,5%), а именно: 24 казанца (3,5%), 10 из райцентра (3,0%), 12 сельчан (6,3%), включая 24 татарина (4,4%), 21 русских (3,4%), 1 иной национальности (2,7%). И, наконец, жестких оппонентов этому насчитывается 73 человека (6,1%) – это 20 ветеранов Войны (7,2%) и 53 ветерана последующих войн (5,72%), по поселениям: 44 казанца (6,5%), 12 из райцентров (3,6%), 17 сельчан (8,9%), по национальности: 37 татар (6,8%), 32 русских (5,2%), 4 другой национальности (10,8%).

На *социально-ориентированных* позициях стоит в целом *подавляющее большинство* ветеранов. К примеру, с тем, что *государство должно ограничить доходы богатых, полностью согласны* 552 ветерана (45,9%) – это 109 ветеранов Войны (39,5%) и 143 ветерана последующих войн (15,4%), в их

числе 315 казанцев (46,2%), 129 из райцентров (39,1%), 108 сельчан (56,8%), это 262 татарина (48,1%), 270 русских (43,5%), 20 другой этничности (54,1%). В основном с этим согласны 216 ветеранов (18,0%) – это 41 ветеран Войны (14,9%) и 175 ветеранов последующих войн (18,9%), по поселениям: 75 казанцев (10,9%), 97 из райцентров (29,4%), 44 сельчанина (23,2%), по национальности: 76 татар (13,9%), 134 русских (21,6%), 6 – иной национальности (16,2%). Целесообразно учесть также колеблющихся 75 ветеранов (6,2%) – это 13 ветеранов Войны (4,7%) и 62 ветерана последующих войн (6,7%), по поселениям: 52 казанца (7,6%), 20 из райцентров (6,1%), 3 сельчанина (1,6%), по национальности: 33 татарина (6,1%), 40 русских (6,5%), 2 – другой национальности (1,1%).

Крайне мало несогласных с эгалитаристской позицией: скорее не согласны с предложенным вариантом 30 ветеранов (2,5%) – это 6 ветеранов Войны (2,2%) и 24 ветерана локальных войн (2,6%), это: 24 казанца (3,5%), 6 сельчан (3,2%), по национальности: 13 татар (2,4%), 16 русских (2,6%), 1 другой национальности (2,7%). Категорически не согласны с этим еще 95 ветеранов (7,9%) – это 30 ветеранов Войны (10,9%) и 65 ветеранов иных войн (7,0%), по поселениям: 89 казанцев (13,0%), 1 из райцентра (0,3%), 5 сельчан (2,6%), по национальности: 51 татарин (9,4%), 43 русских (6,9%), 1 – иной национальности (2,7%).

Правительство РФ предлагает сократить из-за кризиса социальные расходы, однако среди ветеранов такая антиконституционная идея находит мало приверженцев: в вопросе, необходимо ли государству сейчас сократить расходы, даже если это приведет к уменьшению количества денег, выделяемых на медицину и пенсионное обеспечение, ветераны определились так: полностью согласны с этим 233 ветерана (19,4%) – это 52 ветерана Войны (18,8%) и 181 ветеран локальных войн (19,5%), по поселениям: 130 казанцев (19,1%), 34 из райцентров (10,3%), 69 сельчан (36,3%), по национальности: 125 татар (22,9%), 105 русских (16,9%), 3 иной национальности (8,1%). Скорее согласны с этим 106 ветеранов (8,8%) – это 31 ветеран Войны (11,2%) и 75 ветеранов иных войн (8,1%), включая 24 казанца (3,5%), 49 из райцентров (14,8%), 33 сельчанина (17,4%), а также: 46 татар (8,4%), 54 русских (8,7%), 6 иной национальности (16,2%). Всего таких либералов – чуть больше четверти ветеранов.

В то же время колеблются при ответе 92 ветерана (7,7%) – это 29 ветеранов Войны (10,5%) и 63 ветерана иных войн (6,8%), включая 23 казанцев (3,4%), 65 из райцентров (19,7%), 4 сельчанина (2,1%); это 35 татар (6,4%), 56 русских (9,0%), 1 иной национальности (2,7%). В основ-

ном не согласны 80 ветеранов (6,7%) – это 10 ветеранов Войны (3,6%) и 70 ветеранов локальных войн (7,6%), а именно: 55 казанцев (8,1%), 7 из райцентров (2,1%), 18 сельчан (9,5%), это 36 татар (6,6%), 39 русских (6,3%), 5 иной национальности (13,5%). И, наконец, полностью не согласен 451 ветеран (37,5%) – это 63 ветерана Войны (22,8%) и 388 ветеранов локальных войн (41,9%), по поселениям: 329 казанцев (48,2%), 71 из райцентров (21,5%), 51 сельчанин (26,8%), по национальности: 191 татарин (35,0%), 246 русских (39,7%), 14 иной национальности (37,8%).

Идеей, входящей в концепцию социального государства, является и борьба с бедностью. Соответственно, на вопрос, должно ли государство ликвидировать проблему бедности, бездомности, беспризорности детей, полностью утвердительно ответили 796 ветеранов (66,2%) – это 142 ветерана Войны (51,4%) и 654 ветерана других войн (70,6%), всего: 506 казанцев (74,2%), 164 из райцентров (49,7%), 59 сельчан (31,1%); это 347 татар (63,7%), 421 русских (68,0%), 28 иной национальности (75,7%). Мягко поддержали эту идею (скорее согласны) 150 ветеранов (12,5%) – это 39 ветеранов Войны (14,1%) и 111 ветеранов локальных войн (12,0%), по поселениям это: 22 казанца (3,2%), 86 из райцентров (26,1%), 42 сельчанина (22,1%), по национальности: 66 татар (12,1%), 80 русских (13,0%), 4 иной национальности (10,8%).

Одновременно имеются и сторонники «невидимой руки рынка»: колеблются с ответом 23 ветерана (1,9%) – это 7 ветеранов Войны (2,5%) и 16 ветеранов иных войн (1,7%), это: 7 казанцев (1,0%), 14 из райцентров (4,2%), 2 сельчанина (1,1%), среди них 12 татар (2,2%), 11 русских (1,8%). Скорее не согласны с названной идеей 9 ветеранов (0,7%) – это 3 ветерана Войны (1,1%) и 9 ветеранов последующих войн (1,0%), по поселениям: 9 казанцев (1,3%), 1 ветеран из райцентра (0,3%), 1 сельчанин (0,5%), по национальности: 3 татарина (0,6%), 6 русских (1,0%). И полностью не согласны с ней 98 ветеранов (8,2%) – это 31 ветеран Войны (11,2%) и 67 ветеранов иных войн (7,2%), по поселениям: 95 казанцев (13,9%), 3 сельчанина (1,6%), по национальности: 56 татар (10,3%), 42 русских (6,8%). Дикий рынок явно не котируется в среде ветеранов.

Несколько меньше, чем сторонников социального государства, можно среди ветеранов найти социалистов. Так, твердо считают, что капиталистическая система России не подходит, 484 ветерана (40,3%) – это 79 ветеранов Войны (28,6%) и 405 ветеранов последующих войн (43,7%), а именно: 318 казанцев (46,6%), 68 из райцентров (20,6%), 98 сельчан (51,6%), это 236 татар (43,3%), 234 русских (37,7%), 14 иной национальности

(37,8%). *Мягких* оппонентов капитализма (ответ «скорее согласны») нашлось 147 (12,2%) – это 27 ветеранов Войны (9,8%) и 120 ветеранов других войн (13,0%), среди них 62 казанца (9,1%), 52 из райцентров (15,6%), 33 сельчанина (17,4%), это 50 татар (9,2%), 91 русских (14,7%), 6 иной национальности (16,2%). Не симпатизируют капитализму и *колеблющиеся* 134 ветерана (11,1%) – это 33 ветерана Войны (12,0%) и 101 ветеран последующих войн (10,9%), по поселениям это: 54 казанца (7,9%), 76 из райцентров (23,0%), 4 сельчанина (2,1%), по национальности: 59 татар (10,8%), 71 русский (11,5%), 4 иной национальности (10,8%).

Вместе с тем имеются и немногочисленные защитники капитализма: *скорее не согласны* с такой идеей 35 ветеранов (3,0%) – это 4 ветерана Войны (1,4%) и 31 ветеран иных войн (3,3%), среди них 12 казанцев (1,8%), 7 из райцентров (2,1%), 16 сельчан (8,4%), включая 15 татар (2,8%), 20 русских (3,2%). И *полностью не согласен* с этим 121 ветеран (10,1%) – 35 ветеранов Войны (12,7%) и 86 ветеранов локальных войн (9,3%), по поселениям это: 99 казанцев (14,5%), 22 сельчанина (11,6%), по национальности: 63 татарина (11,6%), 55 русских (8,9%), 3 иной национальности (8,1%).

На *антиглобалистских*, отвергающих вестернизацию позиций стоит столько же ветеранов, как и на социалистических. Так, с тем, что *Запад стремится превратить Россию в экономическую колонию, чья роль ограничивается снабжением мировой экономики сырьем и энергетическими ресурсами, полностью согласны* 486 ветеранов (40,4%) – это 92 ветерана Войны (33,3%) и 394 ветерана последующих войн (42,5%), по поселениям это: 317 казанцев (46,5%), 88 из райцентров (26,7%), 81 сельчанин (42,6%), по национально-

сти: 219 татар (40,2%), 252 русских (40,6%), 15 иной национальности (40,5%). В *основном согласны* с этим еще 167 ветеранов (13,9%) – это 24 ветерана Войны (8,7%) и 143 ветерана локальных войн (15,4%), по поселениям это: 75 казанцев (11,0%), 61 из райцентров (18,5%), 31 сельчанин (16,3%), по национальности: 60 татар (11,0%), 100 русских (16,1%), 7 ветеранов иной национальности (18,9%). Близки к ним и *колеблющиеся* 102 ветерана (8,5%) – это 30 ветеранов Войны (10,9%) и 72 ветерана последующих войн (7,8%), среди них 38 казанцев (5,6%), 56 из райцентров (17,0%), 8 сельчан (4,2%); это 35 татар (6,4%), 64 русских (10,3%), 3 другой национальности (8,1%).

Совсем незначительно число прозападно-ориентированных ветеранов: *скорее не согласны* с названной идеей 89 ветеранов (7,4%) – это 26 ветеранов Войны (9,4%) и 63 ветерана локальных войн (6,8%), по поселениям это: 73 казанца (10,7%), 2 из райцентра (0,6%), 14 сельчан (7,4%), по национальности: 47 татар (8,6%), 41 русских (6,6%), 1 иной национальности (2,7%). И *полностью не согласны* с ней 60 ветеранов (5,0%) – 9 ветеранов Войны (3,3%) и 51 ветеран иных войн (5,5%), это 32 казанца (4,7%), 10 иных горожан (3,3%), 18 сельчан (9,5%), включая 35 татар (6,4%), 22 русских (3,5%), 3 – другой национальности (8,1%).

В целом более жесткие патерналистские, социальные, антирыночные и антиглобалистские позиции ветеранов всех войн объясняются не только тем, что большей частью им пришлось воевать именно с западными странами, но и большей жизненной потребностью в социальной защите, социальном обслуживании, несущем экзистенциальные и коэкзистенциальные функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корнюшина Р. В. Зарубежный опыт социальной работы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 85 с.
2. Лебедева Л. Ф. США: государство и социальная политика. М.: Наука, 2007. 271 с.
3. Лебедева Л. Ф. США: социальная защита ветеранов // Человек и труд. 2005. № 5. С. 24–35.
4. Лютов А. А. Положение ветеранов в США: социальное обеспечение ветеранов вооруженных сил // США, Канада: Экономика, политика, культура. 2004. № 4. С. 121–126.
5. Потёмкина Н. М. Социальные проблемы перехода от войны к мирной жизни и пути их решения в Канадском обществе // Вестник Челяб. гос. ун-та. Сер. История. 2009. № 6 (144). Вып. 30. С. 138–143.
6. Попов Ю. М. Зарождение системы социальной защиты военнослужащих (XVIII в.) // Воронеж. вестник архивиста. 2004. Вып. 2. С. 137–141.
7. Форсова В. В. Общественное презрение военных и их семей в дооктябрьской России // Вестник РАН. 1996. Т. 66, № 8. С. 750–758.
8. Щербинин П. П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII – начале XX вв. // Вестник ВГУ. Сер. Гуманит. науки. 2005. № 2. С. 222–233.
9. Романова П. В. Нужда и порядок. История социальной работы в России XX в. М.: Научная книга, 2005. 464 с.
10. Солдатова Л. А. Становление системы социальной защиты пожилых граждан в современной России: опыт и проблемы // Социальная работа и социальная защита в России. 2007. № 4. С. 61–70.
11. Фирсов М. В. История социальной работы в России: уч. пособие для студ. высш. учеб. завед. М.: ВЛАДОС, 1999. 256 с.
12. Зориктуева А. В. Государственная политика в области защиты ветеранов боевых действий. URL: <http://www>.

dissercat.com/content/gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-zashchity-veteranov-boevykh-deistvii (дата обращения: 20.08.2015).

13. О ветеранах: Федер. закон Рос. Федерации от 12 янв.1995 г. №5-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 16 дек.1994 г.) (действ. редакция от 22.12.2014). Приложение. Перечень государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан Российской Федерации. Разделы I, II, III. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» 1992–2015. URL: <http://www.consultant.ru/popular/veteran/> (дата обращения: 06.04.2014).

14. Беляев В. А., Иванова И. А. Материальные проблемы ветеранов войн в Республике Татарстан // Теоретические и прикладные аспекты в гуманитарных, технических, общественных и естественных науках. Поиск устойчивых решений: сб. науч. ст. по итогам ВРНПК с МУ 19-20 марта 2015 г. СПб.: КультИнформПресс, 2015. С. 14–16.

15. Беляев В. А., Иванова И. А. Жилищные проблемы ветеранов войн в Республике Татарстан // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сб. науч. трудов по мат-лам IX Междунар. науч.-практ. конф. 31 марта 2015 г.: в 6 ч. Белгород: ИП М. Г. Петрова, 2015. Ч.IV. С. 90–95.

16. Беляев В. А., Иванова И. А. Политика социального обслуживания ветеранов войн в регионе // Актуальные проблемы современных наук. Инновационные тенденции развития: сб. научных статей по итогам междунар. научно-практ. конф. 30–31 июля 2015 г. СПб.: КультИнформПресс, 2015. С. 7–14.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Профилактика коррупционных преступлений среди сотрудников правоохранительных органов / сост. Р.Р. Алиуллов, О.И. Кудасова. – Казань: КЮИ МВД России, 2015. – 56 с.

Учебное пособие раскрывает понятие, причины возникновения и способы предотвращения возможных коррупционных проявлений среди сотрудников органов внутренних дел.

Данное учебное пособие рассчитано на слушателей и курсантов образовательных организаций МВД России, сотрудников практических органов, деятельность которых связана с формированием у сотрудников полиции антикоррупционного стандарта поведения, и может быть использовано в рамках повышения квалификации и переподготовки кадров.

УДК 159.9.07

В.Е. Петров**Т.В. Мальцева**

ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ОЦЕНИВАНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИМИДЖА СОТРУДНИКОВ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Статья посвящена исследованию имиджа сотрудников дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции. Методом анкетирования определены текущий имидж сотрудников дорожно-патрульной службы и разноплановые факторы, оказывающие на него значимое влияние. Результаты исследования могут быть использованы при разработке экспертных систем, направленных на поддержку управленческой деятельности в подразделениях Госавтоинспекции.

Ключевые слова: имидж, оценка, прогнозирование, математическая модель, динамическая многомерная модель оценки имиджа, Госавтоинспекция, сотрудник дорожно-патрульной службы.

В процессе совершенствования деятельности МВД России особая роль отводится формированию позитивного имиджа сотрудника полиции в глазах населения. Для Госавтоинспекции создание привлекательного образа – это неотъемлемый элемент культуры делового взаимодействия, индикатор позиции участников дорожного движения, отношений и доверия к ее представителям. В связи с этим проблему имиджа можно рассматривать как системообразующую. Однако если в теории имиджологии ключевые вопросы определены и детализированы, то с позиции практического приложения возможностей прогностической оценки и оптимизации имиджа в деятельности сотрудников Госавтоинспекции вопрос остается открытым. Именно на разработку прикладной технологии в работе с имиджем сотрудника полиции (дорожно-патрульной службы) было направлено соответствующее научное исследование.

В исследовании, проведенном ФКУ НИЦ БДД МВД России в марте-июле 2015 года, при-

няло участие 1030 человек (1,02% фактической численности личного состава Госавтоинспекции по состоянию на 01.07.2015). Методический инструментарий исследования предусматривал проведение с респондентами экспресс-лекции и беседы-дискуссии, изучение мнений с помощью авторской анкеты экспертной оценки.

На первом этапе была определена степень влияния различных факторов на имидж сотрудника ДПС, выделены соответствующие детерминанты. На втором этапе для прогнозирования изменений оценки имиджа во времени под воздействием совокупности факторов была разработана динамическая модель (*dynamical model*). Методическую основу анализа составили частотный и регрессионный анализы, положения теории автоматического управления.

Экспериментально определенные временные характеристики использованы для идентификации динамической математической модели имиджа сотрудника [2, С. 57–58]. Путем линеаризации урав-

Петров Владислав Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский центр проблем безопасности дорожного движения МВД России»

e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Мальцева Татьяна Вячеславна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии Московского областного филиала Московского университета МВД России

e-mail: mtv-psy@mail.ru

© Петров В.Е., 2016

© Мальцева Т.В., 2016

Статья получена: 01.09.2015

нений и упрощения математического описания по виду переходной функции определен унифицированный тип звеньев – *инерционно дифференцирующие первого порядка*. Их передаточная функция $W(s)$ имеет следующий вид:

$$W(s) = k \cdot (s+1) / (T \cdot s+1), \text{ где:}$$

k – весовой коэффициент;

s – переменная времени передаточного звена;

T – постоянная времени передаточного звена.

Весовой коэффициент частного показателя i ($a, b, c \dots h$) k_i рассчитывался исходя из соответствующего

коэффициента статической регрессионной модели по формуле: $k_i = x_i \cdot T_i$. Подобный подход позволяет обеспечить «преемственность» статической и динамической моделей (т.е. при $t \rightarrow \infty$ значения оценки имиджа совпадают).

Принимая во внимание, что переходная и импульсная характеристики модели выходят на установившееся значение (с ошибкой не более 5%) примерно за время $3 \cdot t$ [1], в первом приближении можно оценить соответствующие временные (динамические) характеристики (табл. 1).

Таблица 1.

Временные характеристики параметров динамической модели (мес.)

Параметр	Наименование параметра модели	T_{cp}	σ_T
a	уровень организации работы по пропаганде деятельности ГИБДД	22,92	33,46
b	уровень психологической культуры (компетентности) сотрудников	21,55	28,91
c	характеристика внешнего облика сотрудника ДПС	22,78	45,87
d	оценка системы мотивирования сотрудников к поддержанию позитивного имиджа	22,45	37,69
e	уровень общей культуры сотрудников ДПС	21,95	29,66
f	уровень профессиональной компетентности сотрудников ДПС	21,83	29,21
g	качество исполнения сотрудниками ДПС служебных обязанностей	20,74	29,87
h	уровень коррупции среди сотрудников ДПС	25,37	46,88

В качестве исследовательской версии можно предложить динамическую многомерную модель оценки имиджа сотрудника ДПС в следующем виде:

$$Image \text{ (dynamical model)} = - 13.4481 + (a + \Delta a) \cdot 0.1185 \cdot (s+1) / (0.1309 \cdot s+1) + (b + \Delta b) \cdot 0.1092 \cdot (s+1) / (0.1392 \cdot s+1) + (c + \Delta c) \cdot 0.0954 \cdot (s+1) / (0.1317 \cdot s+1) + (d + \Delta d) \cdot 0.0947 \cdot (s+1) / (0.1336 \cdot s+1) + (e + \Delta e) \cdot 0.0743 \cdot (s+1) / (0.1367 \cdot s+1) + (f + \Delta f) \cdot 0.0726 \cdot (s+1) / (0.1374 \cdot s+1) + (g + \Delta g) \cdot 0.0415 \cdot (s+1) / (0.1446 \cdot s+1) + (h + \Delta h) \cdot 0.0018 \cdot (s+1) / (0.1182 \cdot s+1), \text{ где:}$$

$(a, b, c \dots h)$ – вектор текущих (исходных, начальных) показателей модели по каждому фактору;

$(\Delta a, \Delta b, \Delta c \dots \Delta h)$ – вектор изменений текущих (исходных, начальных) значений для каждого фактора.

Переменная времени s представляется в месяцах (например, 1, 2... 12... 100 и т.п.), выступает в качестве варьируемого параметра. Показатель $Image$ меняет значение в диапазоне от «-5» (очень низкий негативный уровень) до «+5» (очень высокий позитивный уровень); «0» – нейтральный уровень.

Модель позволяет учитывать динамические изменения в статусе (повышение и понижение оценки имиджа сотрудника ДПС).

Пример 1. Исследование простой однофакторной модели. Руководитель строевого подразделения ГИБДД, принимая во внимание то, что по состоянию на 01.01.XX г. отмечен очень низкий позитивный уровень имиджа

его сотрудников ($Image \text{ (static model)} = 0,8$), намерен изменить сложившееся положение дел путем только существенной активизации работы по пропаганде профессиональной деятельности (фактор «a»: с 3 баллов (работа организована посредственно) до 5 баллов (работа организована отлично – деятельность ГИБДД систематически освещается в СМИ, проводятся публичные агитационные мероприятия, используются медиа-ресурсы и т.п.).

Если интенсивность работы по пропаганде деятельности ГИБДД будет постоянной (на высоком уровне), то низкий позитивный уровень имиджа (2 балла) будет достигнут через 12 месяцев (рис. 1). Через 5 лет (60 мес.) оценка будет близка к максимально возможному стабильному значению (2,43 балла; предельное значение – 2,61). Можно утверждать, что при описанных выше условиях только лишь прилагаемые усилия по активизации работы по пропаганде деятельности ГИБДД никогда не повысят уровень имиджа более 3 баллов (т.е. такими средствами невозможно обеспечить даже средний позитивный уровень имиджа сотрудников ДПС).

Пример 2. Исследование простой двухфакторной модели. Базовые условия моделирования прием аналогичными вышеприведенному примеру с той лишь разницей, что руководитель строевого подразделения ГИБДД с 01.07.XX г. также сделал акцент на совершенствовании внешнего облика сотрудника ДПС, а именно: сотрудники были обеспечены форменным обмундированием, ими были изучены правила ношения одежды и знаков

различия, обеспечено соответствие формы одежды текущим погодным условиям; уделяется особое внимание поддержанию опрятного внешнего вида, осуществляется контроль внешнего вида; проводятся занятия по физической и строевой подготовке, контролируются осанка и выправка; личный состав ориентирован на ведение здорового образа жизни, преодоление вредных привычек (курение, гаджетомания на месте несения службы и др.), развиваются позитивные поведенческие манеры, усваиваются приемы, обеспечивающие поддержание позитивного внешнего облика; ДПС дополнительно выделены современные транспортные средства, внедрен подход к постоянному поддержанию чистого внешнего вида транспортного средства. На уровне оценочных показателей это отражается в повышении значения фактора «с», например, с 4 до 5 баллов.

Повышение имиджа до 2 баллов произойдет через 9 мес., до 3 баллов – через 45 мес.; уровень стабилизации – 3,25 балла (предельное значение – 3,34). Таким образом, путем активизации работы по пропаганде деятельности ГИБДД и совершенствования внешнего облика сотрудника можно достичь среднего позитивного уровня имиджа сотрудников ДПС за 4–5 лет (рис. 2).

Пример 3. Исследование двухфакторной модели с регрессирующим показателем. Рассмотрим условия предыдущего примера, дополнив их следующим аспектом: через год после начала эксперимента (01.01.XX+1 г.) сотрудник, отвечающий за проведение пропаганды деятельности ГИБДД, перешел в другое подразделение. Предположим, что равнозначной замены специа-

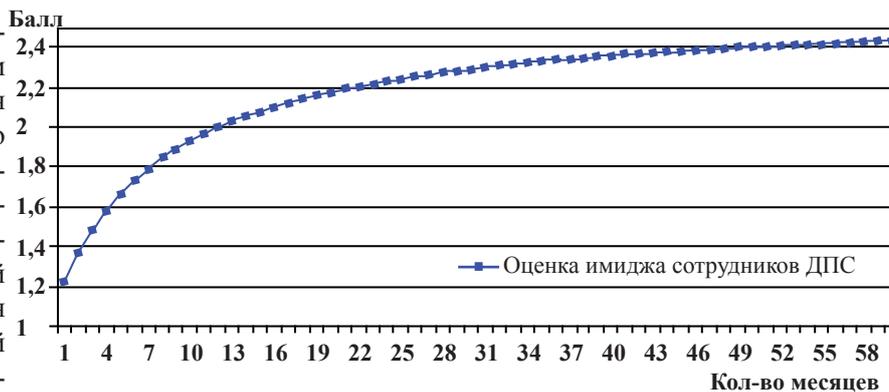

Рис. 1. Динамика оценки имиджа сотрудников ДПС в однофакторной модели

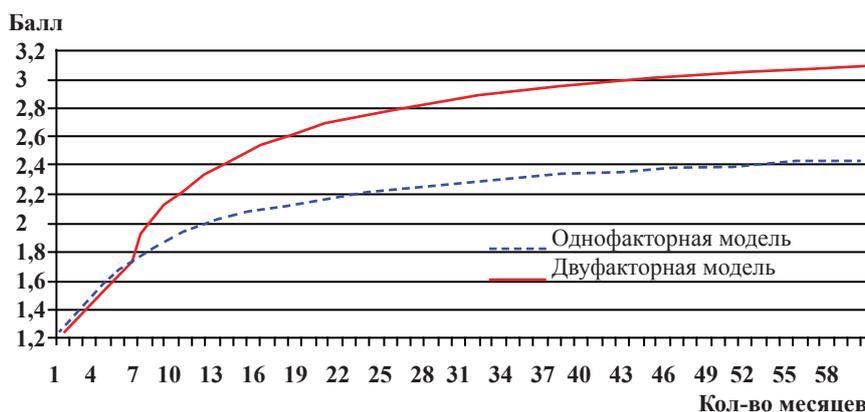

Рис. 2. Динамика оценки имиджа сотрудников ДПС в двухфакторной модели

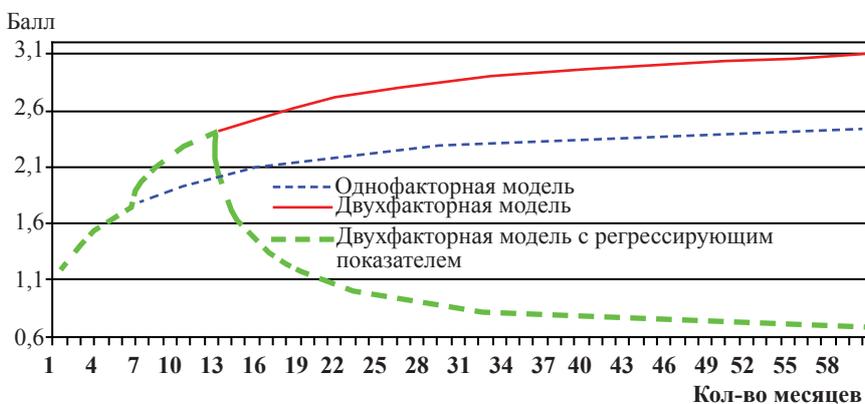

Рис. 3. Сравнительный анализ динамики оценки имиджа сотрудников ДПС по различным моделям

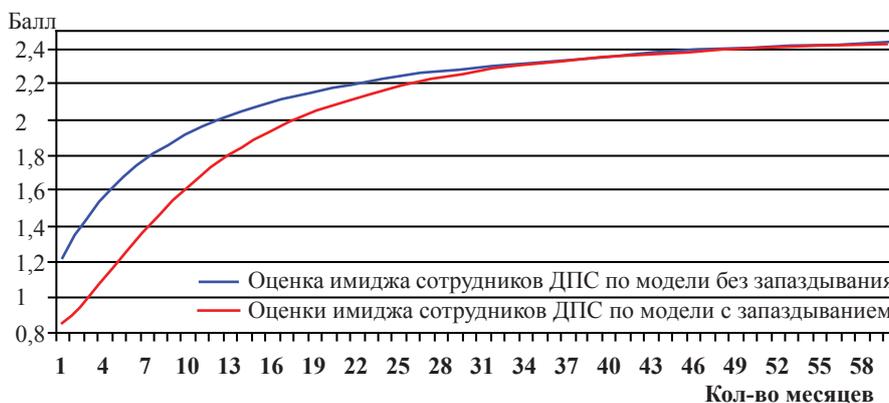

Рис. 4. Сравнительный анализ динамики оценки имиджа сотрудников ДПС в однофакторной модели

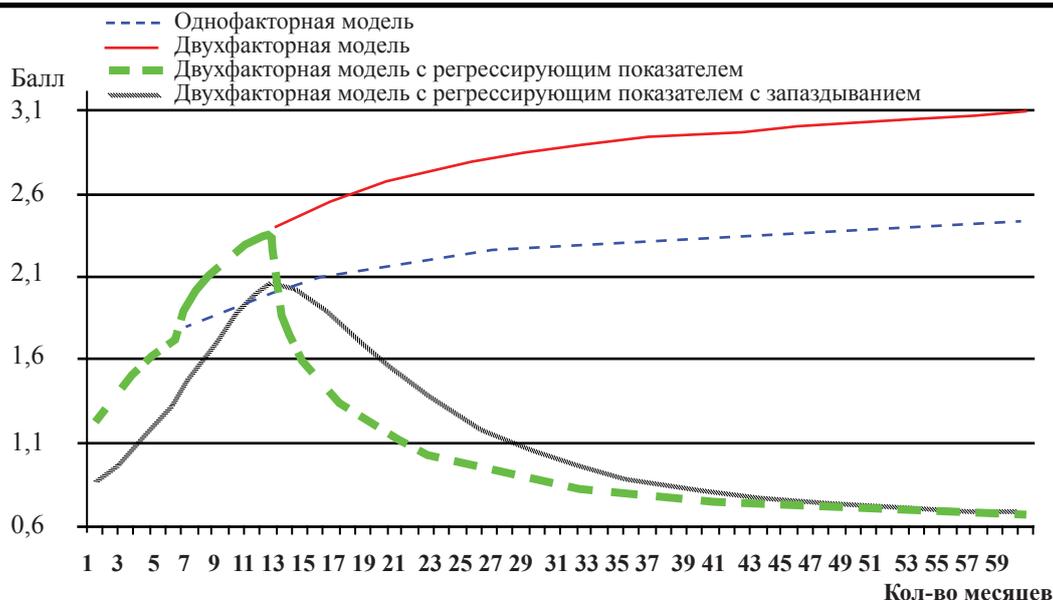

Рис. 5. Сравнительный анализ динамики оценки имиджа сотрудников ДПС по различным моделям

листу данного направления найдено не было, т.е. снизилось качество работа (фактор «а») с 5 до 2 баллов. Подобные изменения неизбежно сказались на имидже сотрудников ДПС: примерно через 12 месяцев значение оказалось чуть ниже, чем до начала эксперимента (рис. 3). Даже несмотря на акцентирование внимания на внешнем облике сотрудников (фактор «с»), при регрессирующем факторе «а» общий уровень имиджа будет снижаться, а уровень стабилизации составит 0,25 балла (нейтральный уровень).

После разработки базовой модели было проведено моделирование различных ситуаций воздействия на имидж, а соответствующие результаты обсуждались с экспертами (руководителями и психологами подразделений Госавтоинспекции на региональном уровне). Несмотря на достигнутые в целом хорошие результаты оценивания и прогнозирования, в качестве основного пожелания было отмечено, что количественные характеристики имиджа – это показатели достаточно инертные, находящиеся «под давлением» социально-психологических стереотипов, поэтому данное обстоятельство должно найти отражение в математическом алгоритме.

Таким образом, лонгитюдная эмпирическая верификация моделей методом сравнения расчетных и фактических показателей показала необходимость введения в их структуры функций запаздывания (задержки).

Обобщенная передаточная функция $W(s)$ примет следующий вид:

$$W(s) = k \cdot (1 - e^{-s \cdot T}) \cdot (s+1) / (T \cdot s+1).$$

Проведено повторное математическое моделирование основных ситуаций воздействия на имидж. По мнению экспертов, переходные процессы оценок имиджа оказались более ожидае-

мыми и реалистичными.

Пример 4. Исследование простой однофакторной модели и двухфакторной модели с регрессирующим показателем в сравнении с аспектом запаздывания. Моделирование осуществлялось на условиях вышеприведенных примеров 1 и 3 с применением модели с запаздыванием. Расчетные показатели определялись на 60 месяцев (5 лет), соответствующие распределения (их вид, динамика, предельное значение, точки перехода и т.п.) исследовались экспертами (рис. 4 и 5).

Предложенный подход к оцениванию и прогнозированию имиджа требует проверки его точности и надежности. Исследование параметров моделей осуществлялось в результате сравнительного анализа оценок имиджа, полученных расчетным и экспертным путем. Прогнозные (расчетные) значения определялись в начале эксперимента исходя из фактического состояния выраженности слагаемых имиджа, экспертные значения – ежемесячно в течение одного года (табл. 2). Изучалось воздействие всех показателей (факторов), причем в различных сочетаниях.

Во всех наблюдениях отмечены значимые линейные корреляции по критерию Пирсона. При больших сроках прогнозирования (свыше 9 мес.) расчетные и экспериментальные показатели практически совпали для обеих моделей, однако оценивание на краткосрочную перспективу оказалось в пользу модели с запаздыванием. Подобное обстоятельство обуславливает возможность применения динамической модели оценки имиджа сотрудников Госавтоинспекции в практической деятельности.

На основании предложенного подхода динамическая многомерная модель оценки и прогнозирования имиджа сотрудника ДПС может быть представлена в следующем виде:

Таблица 2.

Таблица коэффициентов корреляции оценок имиджа в зависимости от срока прогнозирования и вида модели

№	Вид модели оценки имиджа	Значение коэффициента корреляции / кол-во месяцев											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Модель без запаздывания	0,298	0,282	0,304	0,313	0,310	0,338	0,358	0,387	0,390	0,465	0,458	0,470
2	Модель с запаздыванием	0,389	0,372	0,375	0,394	0,366	0,370	0,406	0,410	0,434	0,429	0,452	0,471
Кол-во экспертных оценок		51	51	51	51	50	50	43	42	42	41	41	40

Примечание: курсивом отмечен уровень значимости $p < 0.05$ %, во всех остальных случаях – $p < 0.01$ %.

$$\ln \text{age}(s) = z + m \cdot \sum_{i=1}^8 \left[k_i \cdot (x_i + \Delta x_i) \cdot (1 - e^{-x_i}) \cdot \frac{s+1}{T_i \cdot S+1} \right],$$

где: s – переменная времени (мес.);

i – условный номер фактора, а именно:

1 (или «а») – уровень организации работы по пропаганде деятельности ГИБДД;

2 (или «б») – уровень психологической культуры (компетентности) сотрудников ДПС;

3 (или «с») – характеристика внешнего облика сотрудника ДПС;

4 (или «д») – оценка системы мотивирования сотрудников к поддержанию позитивного имиджа;

5 (или «е») – уровень общей культуры сотрудников ДПС;

6 (или «б») – уровень профессиональной компетентности сотрудников ДПС;

7 (или «г») – качество исполнения сотрудниками ДПС служебных обязанностей;

8 (или «h») – уровень коррупции среди сотрудников ДПС;

$z = -7.4922$, $m = 0.5556$ – нормирующие константы;

k_i – вектор весовых коэффициентов для каждого фактора

$k = (0.1185; 0.1092; 0.0954; 0.0947; 0.0743; 0.0726; 0.0415; 0.0018)$;

T_i – вектор постоянных времени для каждого фактора

$T = (0.1309; 0.1392; 0.1317; 0.1336; 0.1367; 0.1374; 0.1446; 0.1182)$;

x_i – вектор текущих (исходных) значений для каждого фактора;

Δx_i – вектор изменений текущих (исходных) значений для каждого фактора.

Результаты научного исследования могут быть использованы при разработке аналитико-прогностических и экспертных систем, направленных на поддержку управленческой деятельности.

Применение научно-обоснованных средств управления имиджем сотрудников ДПС в конечном счете позволит улучшить качество профилактической работы, повысить безопасность дорожного движения, гармонизировать отношения, взаимодействие личного состава Госавтоинспекции и участников дорожного движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поляков К. Ю. Теория автоматического управления для «чайников». СПб., 2008. С. 34–35.
 2. Дядик В. Ф., Байдали С. А., Креницын Н. С. Теория автоматического управления: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011.

УДК 316.37

Ю.Л. Сироткин

ЧЕЛОВЕК КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Анализируется социальный субъект и историческая индивидуальность в единстве их бытия. Раскрывается роль онтологической рефлексии в эволюции социального субъекта. Дихотомичность человека определена в понятиях хаоса и гармонии. Выделены критические и органические эпохи эволюции человека как исторической индивидуальности. Формулируется обобщение о том, что исторический процесс обуславливается утверждением духовных ценностей.

Ключевые слова: человек, личность, индивидуальность, историческая индивидуальность, духовность, национальная безопасность.

Постнеклассическая парадигма современной науки утверждает необходимость анализа субъекта деятельности в самых разнообразных проявлениях, нередко кажущихся иррациональными и потому воспринимаемыми как парадокс. Осмысление человека как исторической индивидуальности в реальном времени его бытия с позиций прошлого и вероятностного будущего дает возможность ожидать усиления потенциала субъективности и его актуализации в направлении ожидаемой перспективы. В этом случае жизненная стратегия выстраивается в соответствии с ближайшей перспективой общественной эволюции. Общественные и индивидуальные векторы совпадают в пространстве исторического времени. Становится возможным и необходимым говорить о социальном субъекте и исторической индивидуальности в единстве их бытия. Появляются основания для дискурса об адекватности/неадекватности человека историческому времени. Обобщая многочисленные дефиниции человека, личности и индивидуальности, констатируем следующее. Человек – это природное существо, включенное в исторический процесс. Личность – это субъект, обладающий определенным качеством и структурой, которые обуславливают ее сущностные проявления. Индивидуальность – показатель высокой развитости и богатства внутреннего мира личности; это форма бытия, обеспечивающая личности целостность и автономность и предполагающая возможность активности и творческой самореализации, что дела-

ет личность субъектом сознания и деятельности, в том числе исторической.

Преддверие постистории настоятельно требует отказа от предписывающего типа мышления, что приведет в перспективе (ближайшей или относительно отдаленной) к утрате веры в безальтернативность истории. Это повлечет за собой как отказ от апологии элитарности и патернализма, так и от безосновательной веры в творческую силу большинства. Такой шаг очень труден и его еще предстоит сделать. Вопрос о времени остается открытым. Как и вопрос о цене, меру которой знает лишь будущее.

Исторический механизм приводит в движение человек, действия которого имеют к нему такое же отдаленное отношение, как и сам человек, не осознающий своего исторического призвания. Диссиденты и чиновники, маргиналы и реформаторы, бунтари и фундаменталисты создают бесконечное разнообразие человеческих типов и образуют мозаичность людского фона, на котором разворачивается жизнь отдельного человека, фокусирующего в себе жизнь общества. В неозримом многоцветье жизни растворяется историческое бытие человека. Оно протекает в организованном (либо беспорядочном) движении, смысл и логика которого остается для него неясным, но становится предметом интеллектуальных манипуляций аналитиков и политтехнологов.

Интерес к человеку традиционен и устойчив. Причем речь идет не только о монархах, выдающихся государственных деятелях и других заме-

Сироткин Юрий Львович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

моб. тел. 8 903 387 97 68

© Сироткин Ю.Л., 2016

Статья получена: 27.10.2015

чательных людях. В фокусе внимания оказывается обыкновенный человек, совокупное множество которых составляют человеческие типы, нацию и народ. Не менее устойчивым оказывается мнение о том, что чем глубже изучается эпоха и чем ниже общественное положение человека, тем меньше знаний сохраняется о его личности. Судить об индивидуальности человека становится невероятно трудно, но собранные по крупицам знания о людях позволяют реконструировать образ человека определенной эпохи в его важнейших чертах и выявить особенности, оказавшие влияние на события, в которые он оказался вовлеченным.

Упоминание о том, что субъектом истории может быть только человеческое «лицо», т.е. личность, а не «безличная» природа, восходит к христианской традиции V века [13, с. 14–15]. Веком ранее начинается употребление слова «личность», которое встречается у Кирилла Александрийского (IV в.). Многовековая эволюция понятия не отменила главного – ее исторической субъективности. «Сущность человеческой личности, – заметил С.Л. Рубинштейн, – находит себе свое выражение в том, что она не только развивается, но и имеет свою историю» [11, с. 682]. Историзм обусловлен принадлежностью человека к «целостной жизни, которая развертывается между рождением и смертью» [10, с. 54]. «Объектом изучения для историка, – констатирует Л.П. Карсавин, – всегда является живая развивающаяся личность» [8, с. 189]. Необходимо подняться до личности как всеединства. Развитие личности содержит в себе «исторически – общее». Являя собой пример «исторически – общего», личность становится символом общего, сохраняя единичное и неповторимое [8, с. 189–190]. Тем не менее, история ментальностей не относится к хорошо изученным темам. Ее изучение предполагает анализ системы представлений и ценностей простого человека. Однако все нарративные источники с древнейших времен принадлежат представителям высших (или в крайнем случае образованных) слоев общества. Поэтому непросто определить, какое отношение высказанные ими идеи имели к человеку. Высокие идеи – приоритет представителей высших слоев общества, тогда как в отношении простых людей историки ограничиваются перечнем прагматических потребностей, интересов и мотивов, лежащих в основе их поступков и действий. Такое положение не дает возможности прикоснуться к внутреннему миру человека и не предоставляет достаточных оснований говорить о его менталитете. Дискуссионность содержательных характеристик понятия «ментальность» как системы образов, представлений и ориентаций, лежащих в основе челове-

ческих отношений к миру и определяющих поведение людей, сводится к двум противоположным суждениям. С одной стороны, дифференциация ментальности у различных социальных групп (Ж. Дюби, А. Гуревич и др.), с другой – отсутствие связи ментальности с определенной социальной группой (Р. Шартье и др.). Вероятно, говорить о взаимоинтеграции обоих подходов более целесообразно и продуктивно. Существует единая система ценностей, объединяющая людей вне сословной иерархии и особенностей менталитета представителей различных социальных групп.

Справедливым остается утверждение, что ментальность способствует преодолению бессубъективности. Поэтому логично осуществить переход к индивидуальному и неповторимому, что имеет личный опыт. Такой переход позволит осуществить реконструкцию мировидения людей, способов их поведения, системы ценностей и коллективных представлений. Это поможет избежать модернизации, будет способствовать более адекватному пониманию и объяснению духовного мира и способов деятельности человека конкретной исторической эпохи. Проблематика человека в истории получает широкое распространение, о чем свидетельствует ее отражение в университетских курсах [14].

История предстает как текст. Осознавая ограниченность приведенного утверждения, приводим его в качестве одного из исходных тезисов дальнейшего изложения. Человек пишет историю и читает написанное, исправляя ошибки, либо не замечая, либо игнорируя их. От постижения смыслов зависит, насколько человек готов к тому, что следует делать, а от чего воздержаться. Приближение к постижению смыслов истории зависит от способности человека к саморефлексии. Рефлексия – это не только процесс самопознания, но и основание для начала самоизменения. Основой самоизменения выступает критическая рефлексия. В традициях русской философии критическую рефлексия принято определять как онтологическую рефлексия социального субъекта, т.е. человеческой личности или общества (совокупного субъекта). Критическая рефлексия исторической индивидуальности способствует осознанию обществом необходимости самоизменения и ответственности за его результат.

Человек трудно адаптируется к быстро изменяющемуся контексту социального, культурного и мировоззренческого самосознания. Человек опасается самопознания; еще более не осознанным является для него генезис индивидуальности в историческом времени. «Каждая новая историческая эпоха, – справедливо заметил С.С. Батенин, – повышала степень необходимости сознательного оценочного отношения личности к

своей роли» [2, с. 168]. Самопознание способно изменить социальные ориентиры людей и сделать доступной для самосознания логику происходящих изменений. Утрата современным человеком способности к критической рефлексии и потребности к самоизменению артикулирует главную проблему духовно – нравственной эволюции российского общества и его способности адекватно оценивать вызовы и отвечать на угрозы его безопасности. Недостаточная способность к самопознанию привела к утверждению в сознании людей утопических представлений о возможностях исторического развития, что в итоге разрушило общественное жизнеустройство и способствовало распаду человека. Дезорганизованное общество и дезориентированный человек легко поддаются манипулированию и становятся участниками систематической практики, направленной на осуществление утопии. Человек оказывается привязанным к освоенному опыту и не желает участвовать в освоении институциональных инноваций. Он выпадает из доминирующего вектора общественного развития и оказывается не в состоянии приспособиться к постоянно изменяющейся ситуации. Происходит моральная деградация и маргинализация человека, в которую оказываются вовлеченными отдельные социальные группы и слои населения. Инерция достигает критической отметки, за которой становится массовым явлением. Именно с таким человеком вступило в третье тысячелетие российское общество.

Тем не менее, способность к преодолению прочно завладевшей сознанием со-временного человека исторической инерции не утрачена. Для реализации сохранившегося потенциала развития человеку необходимо восстановление критической рефлексии, результатом которой будет осознание потенциальными акторами неизбежной исторической ограниченности сложившихся отношений/институтов и готовность к их изменению.

Человек становится социальным субъектом тогда, когда он находится в пространстве исторического бытия и чувствует движение истории, т.е. ведет историческое существование и одновременно готов отказаться от него. Отказ формулируется как ответ на очередной вызов истории и оформляется в активном действии, направленном на преодоление последствий принятого вызова. Внеисторическое бытие человека лишает его критической рефлексии, блокирует способности к самоизменению. Происходит утрата возможности выхода за рамки накопленного опыта. Накопленный опыт важен для человека не в последнюю очередь, потому что определяет его индивидуальные потребности и формирует мотивационные установки. С

большой долей вероятности можно предположить, что многие загадки истории перестали бы скрываться в себе тайны, если бы удалось узнать о реальных действующих лицах исторических событий с необходимой полнотой внутренних потребностей и мотивов их действий. Как правило, потребности и мотивы остаются тайной и приписываются историческим акторам потомками либо оседают в народном сознании в виде преданий или анекдотов.

В понимании исторических перспектив человека много неясного и нерешенного. Одну из оригинальных интерпретаций этой проблемы предложил А.С. Ахиезер, введя понятие «расколотый социальный тип личности» [1]. Представляется, что предложенная формулировка недостаточно эвристична на том основании, что природа человека, как минимум, двойственна. Дихотомичность определяется диалектикой хаоса и гармонии. Граница между обозначенными состояниями трудно-преодолима. Доминанта гармонии обеспечивает относительную целостность личности. Преобладание хаоса стимулирует процессы деградации и распада, что приводит к утрате качественной определенности и адекватной реакции на внешние воздействия. В обоих состояниях личность активна. Однако в одном случае активность сознательна и морально обоснована; в другом – не поддается самоконтролю и управляема деструктивными силами. Человек в равной степени добр и правдив как зол и лжив. Вероятно, предположение о многомерности человеческой личности выглядит более убедительным на фоне стохастического характера исторического процесса, по крайней мере в отношении современного российского общества, продолжающего находиться в точке бифуркации.

Внутрикультурный разрыв, возникший на рубеже XIX–XX веков и сопровождающий общественную эволюцию в фазе трансформационных изменений, должен быть осмыслен в категориях человеческого бытия. Такой анализ необычайно труден по причине типологической (социальной, кросскультурной, психологической и т.д.) неопределенности современного человека, имеющей в своей основе множественность подходов, применение которых не дает сколь-нибудь согласованного результата. Совершенно ясно, что предпринимаемые эвристические усилия должны быть сосредоточены на духовной самобытности человека, которая является определяющим фактором социокультурной эволюции. В то же время необходимо помнить о том, что человек универсален и представляет единство общего, особенного и индивидуального. Поэтому подход к его познанию сочетает в себе универсализм, специфичность и уникальность индивидуального своеобразия. В

частности, полисистемный подход предполагает учет максимального количества определяющих характеристик (качественных состояний) человека, актуализирующихся в реально разворачивающемся историческом времени и раздвигающемся социальном пространстве.

Эволюционная драма человека состоит в том, что он продолжает находиться в нормативном поле утилитаризма и прагматизма, т.е. использовать природу, другого человека/других людей в качестве средства деятельности. Рациональная организация жизнедеятельности опасна своими последствиями. С одной стороны, она способствует приобретению богатства и обеспечивает экономическое процветание. С другой – провоцирует в человеке агрессивность и жестокость. Происходит утрата духовно – нравственных основ общественной эволюции. Не случайно падение нравов и моральная деградация называлась Эд. Гиббоном главной причиной распада римской цивилизации [4]. Вокруг моральной целесообразности, а не «объективной» целерациональности разворачиваются социальные драмы последних веков и не только в российской истории.

Генезис человека интерпретируется историософски, что предполагает углубленность в существо его исторических изменений. В связи этим нами выделяются критические и органические эпохи. В критических или переломных эпохах доминируют кризисные составляющие. В органических преобладают эволюционные процессы. В органические эпохи происходит становление традиций с последующей доминантой в социальном пространстве. В критические эпохи верх берет инноватика. Традиция либо преодолевается, либо становится основой инноваций. Судьба традиции поливариативна. При органической эволюции прошлое не исчезает, не превращается в «проклятое»; оно живет в современности, обогащается современностью, способствуя его совершенствованию на основе исторического опыта. Только в органические эпохи человек свободно чувствует присутствие прошлого, живя в настоящем. Дети традиций, по мысли А.С. Суворина, – это «дети нового духа» [12, с. 444]. Человек традиции – это человек научившийся изменяться, приобретать новое качество. Традиция говорит не о прошлом, а о вечном. Она не порабощает человека прошлым, а освобождает от тотальной власти настоящего и делает его свободным. В традиции человек реализует свое право жить не только днем сегодняшним, но и заботами о дне завтрашнем. Человек традиции готов отстаивать свободу, «которая бы не давала разгуливаться произволу» [12, с. 332].

Генезис человека происходит в пространстве

необратимого исторического времени. Взаимосвязь объективного хода истории и человеческой личности как субъекта истории выражается в их взаимообусловленности. Исторический факт или событие опосредованы личностью как их участницей, преломляющей действие через внутренний мир и действующей под влиянием не только внешних обстоятельств, но и внутренних стимулов. Так, история обретает личностный смысл, одухотворяется сопричастностью человека к ее процессу. Это не индивидуальный произвол над историей. Это история, развивающаяся через внутренний мир человека и обогащающаяся им.

Человек обеспечивает непрерывность истории посредством преемственности поколений. Таким образом, история государства [7] и народа [9] становится индивидуальной историей человека. Исторический процесс, как и человек, являет собой динамическое единство общего, особенного и единичного. Общее придает универсальность историческому процессу, основываясь на общечеловеческом в человеке. Особенное определяет специфику истории в той мере, в какой ее участники являются носителями типического, выражающего национальный тип личности, который отличается своеобразием в каждую историческую эпоху и актуализирует ее характерные черты. Единичное придает истории уникальность и делает ее неповторимой. Таким образом, личность не растворяется в истории. Индивидуальной деятельностью и поведением она влияет на движение истории и определяет вектор.

На протяжении эпох человек по-разному входит в историю. История также не безучастна к человеку. Она проникает в человека, одухотворяет его и в нем существует. История воссоздается человеком и посредством человека. Особое внимание следует обратить на утверждаемый человеком ценностный характер истории. Ценность истории покоится на человеческой личности. Вне человека история утрачивает ценность. Лишая историю человека, мы обрекаем ее на бездуховность. Исторический процесс представляется как утверждение духовных ценностей. В этом смысле история России является весьма поучительным примером их воссоздания на рубеже третьего тысячелетия. История родной земли проходит через душу каждого человека и живет в ней вечно, куда живут люди, не теряющие чувство Родины. Мир ценностей придает истории смысл, так как смысловая ценность уникальной человеческой личности в духовном плане соизмерима с универсальной ценностью бесконечного исторического процесса, несмотря на введущиеся разговоры о «конце истории».

Личность выносится временем на широкий исторический простор и становится проблемой

историософии человека. Основными критериями меры человека становятся прошлое, настоящее и будущее. Так, генезис личности соотносится с историей государства, народа и общества. История приобретает индивидуальную значимость как временное пространство обретения человеком своего места в бесконечной череде событий, составляющих ее ход. История слагается из удивительных триумфов и творческих трагедий человеческой личности. Понимание человека в исторической перспективе – это ключ к эпохам и процессам, народам и странам. Это ключ к самому человеку.

Таким образом, изучение человека в историческом пространстве предшествующих эпох позволяет приблизиться к решению онтологической проблемы, выраженной в противоречии между конечностью жизни отдельного человека и бесконечностью исторического процесса. В праксеологическом плане это означает эффективное использование человеческого потенциала в обеспечении национальной безопасности, которая опирается на конкретного человека, осознающего свое место в истории Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. 2-е изд. Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.
2. Батенин С. С. Человек в его истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 295 с.
3. Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 522 с.
4. Гиббон Эд. История упадка и разрушения Римской империи: в 7 т. 2-е изд., стер. СПб.: Наука. 2006.
5. Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X–XVII веков. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
6. Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1982. 184 с.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 3-х кн. Калуга: Золотая аллея, 1993.
8. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: Изд-во АО Комплект, 1993. 351 с.
9. Полевой Н. А. История русского народа. Историческая энциклопедия: в 3 т. М.: Вече, 1997.
10. Рикер П. Какого рода высказывания о человеке могут принадлежать философии // О человеческом в человеке. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 40–59.
11. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1946. 704 с.
12. Суворин Р. А. Дневник. М.: «Новости», 1992. 496 с.
13. Флоровский Г. В. Восточные отцы V–VII веков. 2-е изд. М.: Паломник, 1992. 260 с.
14. Хронология личности. Человек в контексте эпох: учебно-методическое пособие для студентов / отв. ред. Б. М. Ягудин. Казань: Изд-во КГУ, 1999. 112 с.

УДК 343.9.02:159.923

С.Э. Воронин**С.М. Кузнецова**

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ОРГАНИЗАТОРА ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА

В статье на основании изучения личностей наиболее известных организаторов преступных сообществ рассматриваются проблемные вопросы расследования уголовных дел по преступлениям с их участием. С целью оптимизации расследования и учета выявленных особенностей характера составляется психологический портрет организатора преступного сообщества по отдельным видам преступлений.

Ключевые слова: преступное сообщество, психологические особенности личности, судебная психиатрия.

Достаточно давно не только в криминологии, но и криминалистике существуют попытки создания типологии преступника по отдельным видам преступлений. В криминалистике эта проблема нашла отражение в попытке создания розыскной модели, которая состоит из признаков, имеющих системообразующее значение. Розыскная модель получила соответственно и свое название – «профиль преступника».

Термин «профиль преступника» вначале применялся криминалистами ФБР для описания особенностей и специфических деталей действий («индивидуального порядка») при совершении преступлений. Специалисты, занимающиеся расследованием таких преступлений, как изнасилование и убийство, показали, что можно делать вывод об образе жизни, криминальных особенностях и месте постоянного проживания «серийного преступника» на основании данных, свидетельствующих о том, где, когда и как были совершены ими преступления [8; 9; 10].

Несмотря на то, что эти выводы делались на основе данных, полученных агентами ФБР при

расследовании многих преступлений, а также из специальных интервью осужденных за такого рода преступления, они вытекали из дедуктивных заключений, то есть основывались на законах формальной логики.

Опыт каждодневной практики ФБР постепенно сформировал концепцию так называемой «внутренней логики преступления». Ее принципы можно проиллюстрировать, например, предположением, что хорошо разработанное и организованное преступление совершается лицом, которому вообще свойственно тщательно планировать и формировать свою жизнь [5, с. 84].

Данное положение особенно должно быть учтено в психологическом портрете организатора преступного сообщества, которым, безусловно, становятся не случайные люди, в поведении которых можно проследить определенные психологические закономерности, обуславливающие статус лидера преступной группировки.

К сожалению, в отечественной криминалистике подобные опыты создания психологических профилей проводились только в отношении се-

Воронин Сергей Эдуардович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Сибирского института бизнеса, управления и психологии
e-mail: vorona64@inbox.ru

Кузнецова Светлана Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России
e-mail: s.m.kuznecova@mail.ru

© Воронин С.Э., 2016

© Кузнецова С.М., 2016

Статья получена: 15.09.2015

рийных сексуальных убийц. Эта попытка была предпринята на основе изучения данных, имеющих в государственном научном центре (ГНЦ) социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Исследование построено на анализе материалов историй болезни лиц, которые обвинялись в совершении серийных сексуальных убийств и проходили комплексную психолого-психиатрическую экспертизу в ГНЦ на протяжении последних 25 лет. Была разработана анкета, которая включала 196 вопросов и была нацелена на получение персонаграфической (демографической), биографической, психологической, сексологической, криминалистической, виктимологической и психологической информации [1, с. 74].

Понятно, что эти данные и разработанные методики не могут быть применены к личности организатора преступного сообщества, не отвечающей главному системообразующему признаку, лежащему в основе этих методик, – серийности совершенных преступлений. Именно отсутствие этого признака и затрудняет использование при формировании портрета организатора так называемую «основополагающую (каноническую) коррекцию» [1, с. 74]. Суть этой процедуры состоит в анализе связи между двумя группами переменных величин. Другими словами, это попытка выведения сложных регрессивных уравнений, которые содержат ряд переменных критериев, а также определенное число прогностических переменных величин. На одной стороне этого уравнения находятся необходимые для следователей переменные величины, извлеченные из информации о преступлении, на другой – характерные особенности преступника, имеющие поисковую ценность.

Так, если $A1...n$ означает действие преступника (включая, например, время, место и выбор потерпевшего), а $C1...m$ означает особенности преступника, то возникает эмпирический вопрос об установлении весовых отношений между $F1...n$ и $K1...m$ в уравнении следующего вида:

$$F1A1+...+FnAn = K1C1+...+KmCm \quad [5, с. 85].$$

Вполне очевидно, что связь между функциями $F1$ и $K1$ прямо пропорциональна, то есть увеличение информационных данных о времени, месте и, например, предмете преступного посягательства ведет к увеличению данных о характерных особенностях преступника.

К признакам, которые могут быть положены в основу психологического профиля организатора преступного сообщества, относятся так называемые личностные различия. Исследования этого плана строятся на сравнительном анализе особенностей людей, совершивших разные преступления. Авторы такого рода исследований склонны

считать, что имеется какая-то особая причина, толкающая человека на путь совершения особого вида преступлений. Работы Айзенка (1997 г.), вскрывающие личностные различия между особыми типами преступников, возможно, являются наиболее типичными для этого направления исследований [8].

Применение результатов этих работ на практике сталкивается с неразрешимыми проблемами. Тем не менее, трудно не согласиться, что личность индивида так или иначе отражается в способе совершения преступления. Проблема заключается лишь в том, чтобы идентифицировать «реальные» переменные A и C , действительно имеющие прямую связь с личностными особенностями преступника.

Как показывают исследования, по сравнению с другими преступниками, организаторы преступного сообщества являются более адаптированными, т.е. более приспособленными к различным социальным ситуациям и их изменениям: лучше ориентируются в социальных нормах и требованиях. Чаще всего им не свойственны также такие черты, как агрессивность поведения, которые отмечаются у насильственных преступников. Стремление к повышению социального статуса появляется у организаторов преступного сообщества и в период отбывания наказания, когда они стремятся к такой работе, которая связана с отдельными распорядительными функциями.

По мнению В.М. Быкова, центральное звено (A) в ОПС – это преступная деятельность группы. Первая ядерная страта (B) – это отношение каждого члена преступной группы к ее преступной деятельности. Вторая страта (B) – это характеристика межличностных отношений, опосредствованных содержанием преступной деятельности группы. Поверхностный слой (Γ) – это межличностные отношения между членами группы, основанные на личных эмоциональных связях и выборах, не связанные непосредственно с самой преступной деятельностью группы [2 с. 58].

Последний, так называемый поверхностный слой, на наш взгляд, очень хорошо проанализировала в своем диссертационном исследовании «Личность женщины в механизме преступления и ее значение для криминалистической методики расследования преступления отдельного вида» Л.Ю. Кирюшина [6].

Так, исследуя гендерные особенности преступной деятельности банды, организованной в 2000 году на Алтае Скосырской, Л.Ю. Кирюшина обратила внимание на старые, всем хорошо известные, но по-прежнему достаточно надежные и эффективные методы управления, применяемые ею в этом организованном преступном сообще-

стве, наводившем ужас на водителей-дальнобойщиков в течение многих лет на всей территории Алтайского края. В подчинении у этой женщины-главаря было 29 мужчин – «отпетых» убийц и грабителей. Периодически меняя любовников и фаворитов, Скосырская достаточно умело манипулировала членами своей банды, грамотно распределяя роли в проводимых преступных акциях, долгое время оставаясь недосягаемой для правоохранительных органов. Она активно руководила поиском и хранением оружия и боеприпасов к нему, изготовлением масок, распределяла обязанности и роли между участниками банды, обеспечивала сбыт и дележ похищенного имущества, подыскивала места его хранения. При совершении многочисленных разбойных нападений она всегда оставалась в автомобиле, опасаясь быть опознанной кем-либо. Всего преступной группой под руководством Скосырской было совершено 34 разбойных нападений [6, с. 122].

В этом же научном исследовании Л.Ю. Кирушина отметила и чрезвычайную агрессивность женщин-преступниц, несколько не уступающую, а иногда и намного превосходящую мужскую агрессию. Та же Скосырская иногда своей жестокостью поражала даже «видавших виды» мужчин – членов банды, когда сама лично, несколько не брезгуя при этом, отрубала пальцы только что убитым дальнобойщикам, чтобы снять золотые кольца и перстни с еще не остывших трупов (Архив ГУ МВД по Алтайскому краю уголовное дело № 5789311).

В рамках нашего исследования особый интерес представляет типология лидеров ОПС, данная в свое время В.М. Быковым. Он предлагает следующую классификацию психотипов лидеров преступного сообщества:

1. Лидер – вдохновитель: авторитарный универсальный.
2. Лидер – вдохновитель: авторитарный ситуативный.
3. Лидер – организатор: демократичный универсальный.
4. Лидер – организатор: демократичный ситуативный.
5. Лидер – организатор: смешанный универсальный.
6. Лидер – организатор: смешанный ситуативный [2, с. 41].

Даже беглого, поверхностного взгляда на типологию преступников, предложенную В.М. Быковым, достаточно, чтобы понять: в качестве классификатора для своей научной системы автор использовал криминальную ситуацию. По сути, мы имеем дело с одной из первых, в целом удачной, попыток психологического профилирования

преступников, предпринятых еще в советской криминалистике, с использованием метода ситуационного анализа.

С помощью метода ситуационного моделирования попытаемся построить психологический портрет современного организатора преступного сообщества, выявив при этом типичные эндогенные и экзогенные свойства личности преступника, позволяющие в полной мере осуществить научную экстраполяцию. В качестве примера представляем психологические профили трех известных представителей лидеров ОПГ, которые соответствуют трем различным поколениям «воров в законе» в «новейшей» истории России.

Психологический портрет Юрия Жданова (Графенка)

Графенка (Юрий Жданов) относится к формации самых молодых «воров в законе», которые в 90-х годах прошлого столетия неожиданно выдвинулись на авансцену преступного мира, изрядно потеснив «воров в законе» старой традиции. Жданов родился в 1959 году в городе Барнауле Алтайского края в семье «положенца» (то есть криминального «авторитета», находящегося на положении «вора в законе», но официально не «коронованного» на воровской сходке) Владимира Жданова, скончавшегося от туберкулеза в местах лишения свободы. После смерти «положенца» жена Жданова Мария Александровна заняла место покойного мужа в иерархии алтайского криминалитета и приобрела определенную известность в преступном мире под прозвищем «Графиня», официально назначенная на воровской сходке «смотрящей», то есть распорядителем «общака» – воровской кассы на Алтае. Отсюда, собственно, и криминальная кличка ее сына Юрия Жданова – «Графенка».

С ранних лет Графиня стала приобщать сына к управлению «общаком», а также к другим делам «организационно-хозяйственной» деятельности преступного мира. Именно в период управления Графенка на территории Алтайского края особое развитие получили проституция, сутенерство и игорный бизнес. Кроме того, эпоха «правления» Графенка отмечена экспертами как самая кровавая в истории алтайского криминалитета. Отметим, что и сам Графенка очень скоро стал жертвой развязанного им криминального террора, погибнув от пуль чеченских бандитов в 1992 году.

Ранее уже отмечалось, что место и роль личности организатора преступного сообщества в механизме его совершения необходимо рассматривать в связи со способом и следами преступления, а также предметом преступного посягательства. Это теоретическое положение в полной мере от-

носятся и к Графенку.

Сотрудники МВД всегда отмечали невероятную жестокость Жданова по отношению к проституткам, которых за малейшую провинность избивали, а в случае побега иногда даже могли убить. В Графенке каким-то удивительным образом сочетались любовь и глубокое уважение к матери с полным неуважением, презрением, а иногда даже звериной ненавистью к представительницам «древнейшей» профессии. Именно этот криминальный почерк ОПС Графенка (невероятная жестокость по отношению к проституткам), объективированная в следах преступления, позволили правоохранительным органам в 1991 году выйти на банду Жданова, выявив сразу несколько эпизодов его криминальной деятельности, связанных с похищением девушек прямо с железнодорожного вокзала города Барнаула.

По оценкам специалистов, Графенку были присущи такие черты характера, как расчетливость, пониженный уровень эмоциональности; агрессивность как устойчивая черта, а не импульсивная и аффективная агрессия, которая свойственна обычным уголовникам. Одной из основных особенностей характера Графенка, очевидно, в силу его молодости, было также необыкновенное чувство гордости за то, что он управлял большим количеством людей для достижения своих чаще всего корыстных, целей. Причем высшей наградой Графенку в этом деле управления преступным миром была похвала его матери.

Психологические свойства личности. По типу характера Юрий Жданов являлся экстравертом холерического склада. При жизни у него был отмечен достаточно высокий уровень интеллекта (выше среднего) при наличии оконченного среднего профессионального образования по специальности «токарь». Имел достаточно высокий уровень психической адаптации, позволяющий ему принимать необходимые волевые решения в критических ситуациях. Всегда отличался большой целеустремленностью, решительностью, настойчивостью, выдержкой и самостоятельностью при принятии важных стратегических и тактических решений в деятельности ОПС.

С точки зрения показателей экстраверсии и нейротизма по Айзенку: Графенко при жизни всегда отличался невероятной общительностью и одновременно повышенной тревожностью и склонностью к фрустрации. Гипертрофированное чувство тревоги и подозрительности привело Жданова к тому, что в 1991 году он развязал в Алтайском крае жестокие криминальные войны, изрядно «почистив» при этом и собственные ряды. С точки зрения акцентуации характера по систе-

ме П.Б. Ганнушкина [4, с. 35–78] и на основании имеющихся данных, Графенко, очевидно, являлся гипертимом конституционально-возбудимого типа. То есть по всем существующим критериям в отечественной уголовно-исполнительной системе Ю. Жданов, безусловно, относился к ярко выраженным психопатическим личностям, которых в медицинских учреждениях пенитенциарной системы России обычно учитывают как «психопатов возбудимого круга». Гипертимы отличаются от других акцентуантов особой неугомонностью, шумливостью, подвижностью психики, невероятной общительностью, а также весьма склонны к переоценке своей личности [7, с. 288–318].

Психологический портрет Мутая (Нурахмана Мамырова)

После убийства Графенка в 1992 года на внеочередной воровской сходке был назначен новый «смотрящий» Алтай–Мутай (Нурахман Мамыров).

Нурахман Мамыров родился в 1949 году в городе Алма-Аты. Это был поистине беспрецедентный случай, чтобы казах стал «положенцем» в России; тем более в Сибири, где русские уголовники традиционно являются ярыми националистами. Причина такого «головокружительного» успеха заключалась в том, что Мутай относился к «ворам в законе» старой формации, «коронованным» в полном соответствии с воровскими традициями советских времен. Именно это обстоятельство объясняет тот факт, что Мутая в течение длительного времени преступным сообществом прощались очень многие грехи: например, употребление наркотиков, что вообще, в принципе, неприемлемо для настоящего «вора в законе». В 2000 году в Барнауле даже ставился вопрос о лишении Мутая статуса «вора» из-за этого его пагубного пристрастия. Тем не менее, несмотря ни на что, Мамыров успешно управлял алтайским ОПС в течение 20 лет. В 2010 году Мамыров был осужден за убийство алтайского «вора в законе» Владимира Якушкина к 7,5 годам лишения свободы, но 6 июня 2013 года «эпоха» Мутая закончилась навсегда: он скончался в колонии строгого режима в Республике Удмуртия от цирроза печени.

Свой первый срок за грабеж Мутай получил в 15 лет и отбывал в Бийской воспитательно-трудовой колонии в период с 1965–1969 гг. По словам Мутая, его любимым персонажем уже тогда был «крестный отец» дон Корлеоне, которому Мамыров пытался подражать с ранней юности. В 2000 году в своем интервью для передачи «Радио Алтай» Мутай в порыве откровения поведал журналисту, что эта первая судимость в 15 лет практически не оставляла ему, казаху, шанса сделать в СССР карьеру добропорядочного гражданина. И

тогда он решил стать первым в уголовном мире.

С самого начала своего появления на Алтае Мутай развил активную деятельность по организации воровского движения в Западной Сибири и на Дальнем Востоке. По его приглашению Алтайский край посетил ряд «воров в законе» из Москвы, Санкт-Петербурга, Кавказа: Тенгиз Сочинский, Паца, Тристан, Вартан, Крест, Джем, Вазго. Во всех городах и районных центрах Алтайского края были назначены «положенцы», ответственные за сбор денег в «воровской общак» и за «подогрев зон». Они должны были контролировать коммерческие предприятия, нарко-игорный бизнес, поставки оружия, подпольные вино-водочные цеха, поставки ГСМ. Систематически оказывалось давление на администрацию исправительных учреждений в целях послабления режима отбывания для «отрицательно настроенной» части осужденных.

Так, в январе 1996 года Мутай вместе с группой криминальных авторитетов был задержан правоохранительными органами при попытке оказать давление на администрацию колонии строгого режима УБ-14/8 г. Новоалтайска.

По оценкам специалистов, Мутаю были присущи такие поведенческие черты характера, как чрезвычайная собранность, расчетливость, пониженный уровень эмоциональности; умение слушать собеседника; подчеркнутая холодность и часто «деланное» спокойствие при принятии ответственных решений; азиатское умение излагать простые мысли с подчеркнуто важным и весьма значительным видом. Была отмечена также и холодная, расчетливая жестокость: Мутай отдавал приказы на устранение конкурентов, практически не задумываясь.

Психологические свойства личности. По типу характера Мутай являлся интровертом меланхолического склада. При жизни у него был отмечен очень высокий уровень интеллекта при наличии оконченного среднего образования (Мутай успешно окончил среднюю школу при Бийской ВТК). В процессе обучения в местах лишения свободы проявил незаурядные математические способности. Имел яркую предпринимательскую жилку, которая позволила ему в 1995 году успешно легализовать значительную часть «общака» через Фонд милосердия на Алтае, а также Фонд помощи осужденным. Мутай всегда отличался достаточно высоким уровнем психической адаптации, позволяющим принимать необходимые волевые решения в чрезвычайных ситуациях. Также обладал большой целеустремленностью, решительностью, настойчивостью, выдержкой и самостоятельностью при принятии важных стратегических и тактических решений в деятельности ОПС.

С точки зрения показателей экстраверсии и нейротизма по Айзенку: По оценкам специалистов, Мутай при жизни не отличался особой общительностью, как и все эпилептики, склонные к интроверсии и аутизму. Со слов очевидцев, функции «третьей стороны», которые периодически должен был выполнять «вор в законе», чрезвычайно угнетали и утомляли Мутая.

С точки зрения акцентуации характера по системе П.Б. Ганнушкина и на основании имеющихся данных, Мутай, безусловно, являлся эпилептоидом конституционально-депрессивного типа. В течение жизни на Алтае у него было зафиксировано несколько приступов эпилепсии, что усугублялось пристрастием Мамырова к наркотическим веществам. Как и все эпилептоиды, Мутай отдавал дань азартным играм, являясь очень азартным картежником. В этом проявлялась его инстинктивная тяга к обогащению. Кроме того, Мамыров страдал комплексом «скупого рыцаря», когда-то гениально описанным З.Фрейдом в его трудах по психоанализу. О скупости Мутая даже ходили легенды в преступном мире. Будучи абсолютным эпилептоидом, он почти всегда находился в мрачном расположении духа, был крайне осторожен по отношению ко всему незнакомому; привержен к строгим правилам, аккуратности и порядку.

Психологический портрет Сергея Цапка

Сергей Викторович Цапко, печально известный организатор массового убийства в Кушевском районе Краснодарского края, родился 6 апреля 1976 года в станице Кушевская. В отличие от «почивших в бозе» Графенка и Мутая Сергея Цапка можно охарактеризовать как «вора в законе» абсолютно новой формации. Понятно, что никто и никогда не смог бы «короновать» бывшего кандидата социологических наук (по решению суда Цапко лишен данной ученой степени), бывшего районного депутата и члена партии «Единая Россия», заместителя генерального директора ООО «Артекс-Агро» (а бессменным генеральным директором ООО «Артекс-Агро» являлась его мать – Надежда Алексеевна Цапко, осужденная в настоящее время к 3 годам лишения свободы за мошенничество). В голове совершенно не укладывается, как этот преуспевающий во всем молодой человек смог организовать такое жестокое и бессмысленное убийство 12 человек, в том числе 4 детей, с какой-то совершенно безумной маниакальной целью мщения за убийство старшего брата Николая Цапка абсолютно не причастным к этому людям.

Анализ материалов уголовного дела по банде Цапка, объем которого составляет 447 томов, сразу же дает ответ на непростой вопрос, почему жители станицы Кушевской называли ОПГ Сергея Цапка

«бандой Сумасшедшего». Многие эпизоды, связанные с изнасилованием и убийствами девушек, отказавших во взаимности главарю банды; убийство 4 беззащитных детей в доме фермера Аметова, один из которых – грудной ребенок, опытному криминалисту и судебному психиатру сразу же подскажут, что здесь мы имеем дело, скорее всего, с психопатической личностью, одержимой маниакальной идеей отмщения за смерть старшего брата. Попытаемся разобраться, о какой именно форме психопатии идет речь в данном случае.

Как и в случае с Графенком, Сергей Цапок получил материнское воспитание, так как практически рос без отца. На определенном этапе жизни функцию отца частично стал выполнять старший брат Николай, который являлся для Сергея вторым после матери непререкаемым авторитетом. Мать Сергея, Надежда Цапок, воспитывала своего любимого младшего сына, как самого настоящего принца, ни в чем ему не отказывая и, что называется, «опережая все его желания». Будучи фатально избалованным своей матерью, Цапок с раннего детства привык к тому, что ему практически ни в чем не бывает отказа.

На эту черту характера обратили внимание учителя средней школы, в которой обучался Сергей. Они отмечали интеллект ниже среднего уровня. Кстати, педагоги были весьма удивлены, когда узнали, что Цапок в 2009 году в Южном федеральном университете (ЮФУ) защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Социокультурные особенности образа жизни и ценности современного сельского жителя». По словам учителей, Сергей всегда отличался от других учеников очень плохой памятью и низкой успеваемостью. Зато имел характер упрямый, волевой, быстро раздражающийся. Мог очень сильно ударить девочку, если она в чем-то ему противоречила или поступала вопреки его воле. Всегда был очень капризен, театрален, а поведение и в быту, и в коллективе у Сергея Цапка носило характер постоянной «игры на публику». Он всегда был очень высокомерен, завистлив, злопамятен, взбалмошен, истеричен. Привязанности Цапка были непрочны, а интересы – неглубоки. Главная цель в жизни у Сергея – обратить на себя внимание и в полном объеме реализовать свой «комплекс Наполеона», добившись абсолютной власти над окружающими его людьми. Отсюда и претензии Цапка на безусловное лидерство в организованном им преступном сообществе. Полагаем, что и убийства изнасилованных девушек, и многочисленные убийства фермеров, и убийство членов семьи Аметова, организованные Цапком, – это все звенья одной психологической цепи, а именно: попытки реализовать в полном объеме

данный «комплекс Наполеона», тянувшийся с детства; ощутить и насладиться абсолютной властью над беспомощными людьми.

Приведенные выше оценки учителей станицы Куцевской, на наш взгляд, полностью совпадают с описанием поведения акцентуантов истероидного типа, данным в свое время выдающимся русским психиатром П.Б. Ганнушкиным. Он постоянно обращал внимание ученых на то, что «... во внешнем облике истероидов особенно бросаются в глаза ходульность, театральность и лживость. Им необходимо, чтобы о них говорили, и для достижения этого они не брезгают никакими средствами. В благоприятной обстановке истероид может и на самом деле «отличиться»: он может произносить блестящие, зажигательные речи, совершать красивые и не требующие длительного напряжения подвиги, часто увлекая за собою толпу; он способен и к актам подлинного самопожертвования, если только убежден, что им любуются и восторгаются. Они легко внушаемы, хотя внушаемость эта обыкновенно избирательная и односторонняя. Своих ошибок истероиды не признают никогда; если что и происходит не так, как бы нужно было, то всегда не по их вине. Чего они совершенно не выносят, так это – равнодушия или пренебрежения, – им они всегда предпочтут неприязнь и даже ненависть. Истероиды очень злопамятны и мстительны» [4, с. 44].

Как видим, описание указанного психотипа, данное П.Б. Ганнушкиным, полностью совпадает с оценками учителей в школе, где учился Сергей Цапок. По всем признакам и исходя из материалов уголовного дела, Сергей Цапок, безусловно, является психопатом истероидного типа. Кроме того, об этом же говорит и еще один факт.

По мнению П.Б. Ганнушкина, с которым, на наш взгляд, следует согласиться, одним из ярких признаков истерического поведения является так называемый «суицидальный шантаж», или «псевдосуицид». При этом истерик, как правило, наносит себе неопасные раны в области предплечья или кистей рук, четко фиксируя реакцию окружающих, на которых, собственно, и рассчитан весь этот психопатический концерт [4, с. 58]. Именно так оно и произошло 20 сентября 2012 года, когда во время судебного заседания Сергей Цапок демонстративно нанес себе бритвой неглубокие раны в области кистей рук, добившись тем самым переноса судебного заседания на другой день.

По мнению специалистов, запускающей детерминантой для стремительного развития истероидной психопатии у Цапка послужило убийство в 2002 году его старшего брата Николая. После этого подозрительность Сергея достигла своего апо-

гея, а желание во что бы то ни стало отомстить за смерть любимого брата приобрело характер маниакально-депрессивного психоза, который вскоре стал пугать даже членов его ОПС. А поведение Сергея Цапка в доме фермера Аметова, когда он громко и страстно убеждал самого жестокого члена банды Владимира Алексеева по прозвищу «Беспредел» задушить годовалого ребенка, иначе как истерическим припадком и не назовешь.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что психопатии истероидного типа – наиболее распространенный вид аномалии характера, встречающийся среди лидеров организованного преступного сообщества. Особенно предрасположены к ней экстраверты холерического склада, какими являлись Графенок, Япончик, Джем, Отарик, Сильвестр, Дед Хасан, Сергей Цапок. Как отмечал П.Б. Ганнушкин, «...психопатии – это такие аномалии характера, которые определяют весь

психический облик индивидуума, накладывая на весь его душевный склад свой властный отпечаток, в течение всей жизни не подвергаются сколько-нибудь резким изменениям, мешают приспособляться к окружающей среде» [4, с. 58].

Поэтому не случайно, что психопаты, всегда испытывавшие определенные сложности в ходе социальной адаптации к нормальной человеческой жизни, выбирают этот опасный и совершенно непредсказуемый путь «воров в законе». Как неоднократно отмечалось в научной литературе, типы акцентуаций характера человека весьма сходны и часто совпадают с типами психопатий [7, с. 290]. А это означает, что следователю, приступающему к расследованию таких сложных преступлений, связанных с организацией преступного сообщества, необходимо вооружиться, прежде всего, фундаментальными знаниями в области судебной психиатрии и юридической психологии [3, с. 146–160].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю. М., Верещагин В. А. Розыскной портрет серийных сексуальных убийц // Проблемы использования нетрадиционных психофизиологических методов в раскрытии преступлений: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД России, 1995. С. 72–83.
2. Быков В. М. Криминалистическая характеристика преступных групп. Ташкент: Изд-во ВШ МВД СССР, 1986. 70 с.
3. Воронин С. Э., Воронина Е. С., Железняков А. М. Организация преступного сообщества: уголовно-правовые и криминалистические аспекты: монография. Красноярск: НОУ ВПО СИБУП, 2015. 328 с.
4. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. М.: Изд-во МГУ, 1933. 290 с.
5. Кантер Д. Психологический профиль преступника // Проблемы использования нетрадиционных психофизиологических методов в раскрытии преступлений: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД России, 1995. С. 83–98.
6. Кирюшина Л. Ю. Личность женщины в механизме преступления и ее значение для криминалистической методики расследования преступлений отдельного вида: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. 240 с.
7. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / Психология индивидуальных различий. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 288–318.
8. Eysenck H. Crime and Personality. London: Paladin, 1977. 222 с.
9. Resstler R. K., Burgess A. W., Douglas I. E. Sexual Homicide: Patterns and motives. Lexington: Lexington, 1988. 592 с.
10. Hazelwood R. R., Buzgess A. (edc). Practical aspects of rape investigation: a multi disciplinary approach. Amsterdam, 1987. 329 с.

УДК 37.043

И.Б. Свеженцева

ВЛИЯНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КУРСАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

В статье анализируются особенности коллективного взаимодействия и внутригрупповых взаимоотношений курсантов и слушателей ведомственных вузов МВД России. Характеризуются процессы воздействия группы на личностное развитие будущих специалистов-юристов, на поведенческие особенности, на эффективность учебно-профессиональной деятельности. Определяется социализирующее и воспитательное влияние студенческой группы на процесс формирования профессионально-нравственной устойчивости личности сотрудника полиции в вузе МВД. Выявлены относительно устойчивые признаки малой группы.

Ключевые слова: профессионально-нравственная устойчивость, внутригрупповые взаимоотношения, личностное развитие, малая группа, коллективное взаимодействие, структура устойчивости, профессиональное становление.

На эффективность процесса обучения курсантов и слушателей образовательных организаций Министерства внутренних дел оказывает влияние не только качество преподаваемого учебного материала, организация пространства обучающихся, но также внутригрупповые взаимоотношения, социально-психологический климат и другие аспекты образовательной деятельности вузов МВД. Необходимо учитывать, что уровень сформированности межличностных отношений в учебной группе или взводе обуславливает эффективность успеваемости студентов.

В ведомственных вузах МВД достаточно эффективнее, чем в гражданских высших образовательных организациях протекает коллективное взаимодействие, так как курсанты и слушатели постоянно контактируют друг с другом на занятиях, во время несения службы, совместного проведения досуга, в результате чего протекают активные процессы формирования, структурирования и видоизменения межличностных взаимоотношений. Данные процессы воздействуют на личностное развитие будущих специалистов-юристов, на поведенческие особенности, на эффективность учебно-профессиональной деятельности. В связи с этим в ходе организации образовательно-воспитательной деятельности необходимо учитывать особенности внутригрупповых процессов.

В студенческой группе на определенном

уровне её развития появляются психологические особенности, влияющие на успешность совместной деятельности и характер межличностных взаимоотношений обучающихся, в чём выражается социализирующее и воспитательное влияние студенческой группы на личность сотрудников полиции в вузе МВД.

Каждый возрастной этап жизни имеет свою специфическую структуру устойчивости. Смена одних форм устойчивости другими, которая происходит при переходе от одного возрастного периода к другому, имеет свои педагогические трудности и конфликты. Индивидуальное развитие личности есть развитие устойчивости её компонентов как самоорганизующейся системы.

Период обучения в вузе характеризуется стабильной социализацией с формированием устойчивых свойств личности в отличие от неустойчивого этапа социализации подростков.

В соответствии с имеющимися возрастными периодизациями развития личности преобладающее большинство студентов во время обучения в вузе способны к динамичному профессионально-личностному развитию, что способствует определению воспитательного потенциала учебных дисциплин, направленного на оптимальную организацию процесса формирования профессионально-нравственного самосознания будущего специалиста-юриста.

Свеженцева Ирина Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

e-mail: svezhentseva@yandex.ru

© Свеженцева И.Б., 2016

Статья получена: 15.10.2015

По мнению И.Ф. Исаева, студент, являясь членом коллектива, испытывает на себе влияние его формальной и неформальной структур, успех вхождения в студенческий коллектив впоследствии положительно сказывается на результатах учебной, профессиональной деятельности студентов [1].

В логике наших рассуждений особое значение приобретает тот факт, что важнейшим фактором профессионального воспитания сотрудника полиции в вузах МВД является студенческий коллектив, имеющий чётко выраженную профессиональную направленность. Направленность – важнейшее свойство личности, в основе которой находится значимая мотивационная система, способствующая развитию устойчивости личности. В направленности выражается динамика развития человека как общественного существа, главные тенденции его поведения.

Студенческий коллектив определяется учеными как малая группа. Исследователи в сфере социальной психологии дают обобщенное определение малой группы как «немногочисленной по составу группы, члены которой объединены совместной социальной деятельностью в процессе личного общения, вследствие чего развиваются эмоциональные отношения, возникают групповые процессы и нормы» [2].

Группой в широком смысле можно обозначить относительно устойчивое социальное образование, объединенное с целью сотрудничества и субъективной потребностью в общении.

Относительно устойчивыми признаками малой группы являются следующие: определённая система социального личного взаимодействия; участие в конкретной социальной деятельности; наличие общих мотивов поведения, целей, социально-психологических установок, интересов, системы ценностей [3].

Важнейшим фактором, интегрирующим группу и определяющим особенности её развития, является совпадение ценностных ориентаций, позиций и установок членов группы.

Как и любая малая группа, студенческая группа может динамично развиваться. Л.И. Уманский в своей концепции группового развития выделяет следующие критерии развития группы: нравственная направленность группы; организационное единство; психологическое единство группы; групповая подготовленность в определенной деловой сфере [4].

Одним из направлений воспитательной деятельности преподавателя вуза МВД выступает формирование профессионально-нравственной направленности студенческого коллектива. Важным является то, что студенческий коллектив является одновременно объектом и субъектом воспитательной работы, чем объясняется его решающая роль и воспитательное значение в формировании лично-

сти и профессионально-нравственной устойчивости как необходимого качества личности будущего специалиста правоохранительной деятельности.

К основным структурным элементам, характерным для студенческих групп, можно отнести: сочетание общих целей и интересов членов коллектива с общественными целями и задачами; коллективистический характер неофициальной структуры взаимоотношений. Слияние личных и общественных интересов делает коллектив деятельным, что является следствием выполнения коллективами воспитательных функций по отношению к каждому члену коллектива.

К основным формам взаимоотношений в учебно-воспитательном коллективе относят: отношения ответственной зависимости («деловые», «официальные»); межличностные («неофициальные», симпатии и антипатии, товарищество, дружба); коллективистические – как высшая форма отношений.

С учетом имеющихся результатов исследований можно констатировать, что знание предмета оказывается более прочным, когда предмет учебной деятельности выступает как средство общения. При этом в ходе обучения знания должны быть получены курсантами и слушателями более или менее самостоятельно. Правильное соотношение деятельности и общения позволяет органично сочетать обучающую и воспитывающую функции учебного процесса.

Известно, что при групповом интенсивном обучении возникает учебный коллектив, благотворно влияющий на становление личности каждого. При интенсивном групповом обучении общение становится необходимым атрибутом учебной деятельности. Межличностное общение в учебном процессе повышает мотивацию, способствует сплочению всей группы, появляются личная ответственность, чувство удовлетворения от публично переживаемого успеха в обучении. Все это формирует у будущих специалистов-юристов качественно новое отношение к предмету и создает необходимые психологические условия готовности личности к профессиональному взаимодействию в группе.

Анализ современной специальной литературы позволяет заключить, что эффективность функционирования коллектива во многом определяется тем, насколько устойчивы личности, которые в него включены. В то же время интенсивность процесса воспитания устойчивой личности зависит от организации жизнедеятельности коллектива, от того, насколько он позволяет обучающимся реализоваться в различных типах отношений. В целом, существующую закономерность можно выразить следующим образом: чем организованнее (самоорганизованнее) коллектив, тем выше профессионально-нравственная устойчивость его членов.

Для более эффективного процесса формиро-

вания профессионально-нравственной устойчивости будущего специалиста-юриста необходимо развитие навыков позитивного взаимодействия в учебных группах, функционирующих на основе принципа коллективного взаимодействия, для которого характерным является активное общение между обучающимися, постижение сущности явлений, увеличение объёма знаний, развитие определённых навыков и умений. При этом в процессе общения возникает эффективное взаимодействие и формируются групповые взаимоотношения, которые представляют собой средство повышения эффективности обучения.

Межличностное общение в малой учебной группе повышает уровень мотивации, появляется индивидуальная ответственность, новое отношение к явлениям.

В ходе процесса формирования профессионально-нравственной устойчивости будущего специалиста нами использовались различные формы организации учебно-воспитательной работы: факультативный курс, студенческий клуб, учебные дискуссии, семинары – диспуты, проблемные лекции, деловые и ролевые игры, игровое проектирование.

Использование различных методов обучения (например, проблемного, игрового, исследовательского, метода примера, убеждения, «ситуаций успеха», применения дискуссий и т.д.), активизирующих осознанное, устойчивое и позитивное отношение к своей профессии, сфере деятельности, стремление к постоянному личностному и профессиональному самосовершенствованию, развитию интеллектуального потенциала, играет важную роль в процессе формирования профессионально-нравственной устойчивости будущего специалиста.

В процессе реализации основной задачи сплочения группы, формирования навыков позитивного взаимодействия нами проводились упражнения по развитию оптимальных межличностных отношений в коллективе, установлению демократического уровня в группе и оптимального уровня психологической совместимости.

При организации занятий с небольшими студенческими группами целесообразно использовать бидиректальную коммуникацию, когда основной поток информации идёт не только от преподавателя к обучаемому, но в определённой степени он может идти и от обучающихся к преподавателю. В данном случае растёт эффективность работы группы, студенты периодически переходят от пассивной работы к активной (система обратной связи), что способствует лучшему усвоению информации.

На занятиях мы пытались создать атмосферу взаимного доверия, взаимопомощи, взаимной ответственности за возникающие ситуации в процессе общения. В ходе диалогического реше-

ния задач и проблемных ситуаций обучающиеся старались выслушать мнения других участников группы, развивали толерантность по отношению друг к другу, критическое мышление, что в итоге приводило к общему групповому мнению относительно решения определённой задачи.

Координация процесса развития личности посредством включения ее в процесс самореализации в сфере духовно-нравственных, социальных отношений рассматривается нами как процесс нравственного воспитания специалистов правоохранительной деятельности, в ходе которого формируется нравственная устойчивость курсантов.

Необходимо подчеркнуть, что показателем сформированной нравственной устойчивости является соотношение развития сознания и поведения, а также поведения и чувств.

Нравственное воспитание предусматривает поддержку сотрудников полиции в ведомственных вузах МВД России педагогом в ситуациях затруднения, в ходе которых происходит осознание процессов и явлений. Результаты исследований говорят о том, что осознание нравственной сути явления происходит вследствие проведенного самостоятельного анализа и решения задач с моральным содержанием, что позволяет применять ситуации с нравственным содержанием в качестве основы воспитательной работы по переводу нравственных знаний в убеждения и поступки студентов.

Будущие специалисты-юристы в процессе формирования нравственной устойчивости самостоятельно вырабатывают свое субъективное отношение к действительности. Главные и второстепенные отношения личности подвержены изменениям в ходе процесса воспитания и самовоспитания. Внутреннюю сторону отношений, в которые вступают курсанты и слушатели образовательных организаций МВД, представляют мотивы в качестве причины побуждения к действию.

Резюмируя сказанное выше, следует отметить, что методика и содержание разносторонней деятельности должны вызывать у обучающихся позитивные эмоциональные переживания, способствующие формированию нравственной устойчивости личности. Составными элементами социально-психологической структуры отношений и качеств личности являются знания, убеждения, потребности личности, чувства, способности к волевым усилиям.

Положение о том, что нравственное воспитание и развитие личности обучающегося происходят под воздействием динамической совокупности различных организованных и неорганизованных внешних влияний, является аксиоматичным.

Особый интерес представляет исследование Л.Ю. Сироткина, раскрывающее этапы вхождения студента в коллектив, при этом само деление

на этапы включенности проводилось в соответствии с той ролью, которую играет личность в процессе отношений. Исходя из данной концепции, ученым определялся формальный этап (совместная деятельность ещё не сложилась, обучающихся объединяет лишь общее место пребывания и совместное времяпровождение, устанавливается избирательный контакт).

В связи с тем, что решающим фактором становления устойчивой личности является характер влияния коллектива на личность, определяемый сформированностью коллектива, степенью включенности каждого члена коллектива в совместную деятельность, а также уровнем развития межличностных отношений внутри коллектива, данный этап включенности в коллектив можно соотносить с низким уровнем сформированности устойчивости, в том числе профессионально-нравственной устойчивости членов коллектива.

Ассоциативный этап (деятельность носит индивидуальный характер, ей свойственны узколичностные мотивы, сфера контакта расширяется, контакт трансформируется в общение, происходит формирование и развитие устойчивости личности на начальном уровне, так как групповая деятельность минимально воздействует на межличностные отношения, наблюдается отсутствие единства мотивов и целей деятельности).

Кооперативный этап (деятельность носит групповой характер, определяется ядро референтных объединений, формируется предрасположенность к организации коллективных отношений, устойчивость членов коллектива приобретает выраженную форму). Корпоративный этап (появляются результаты совместной деятельности, отношения приобретают определенную направленность, но лишены нравственного содержания). Коллективный этап (характеризуется коллективистической направленностью деятельности, общественно значимыми результатами, устойчивой статусной структурой членов коллектива).

Гомфотерный этап (происходит дальнейшее развитие совокупности отношений, они приобретают гибкость и мобильность, делая оптимальным процесс включения в коллектив новых членов, устойчивость личности приобретает завершенную сформированную форму, поскольку происходит максимальная реализация личности в различных типах отношений) [5, с. 63–66].

Недостаточный уровень сформированности профессионально-нравственной устойчивости будущего специалиста мы можем соотносить с *формально-ассоциативным этапом* включения личности в коллектив. На данном этапе совместная деятельность ещё не сложилась, курсантов объединяет лишь общее место пребывания и совместное времяпровождение, устанавливается избирательный

контакт. Воздействие групповой деятельности на межличностные отношения минимально. Данный уровень характеризуется отсутствием единства мотивов и целей деятельности.

В рамках группового взаимодействия нормативный уровень сформированности профессионально-нравственной устойчивости сотрудника полиции можно определить как *кооперативно-корпоративный этап*, на котором деятельность носит групповой характер, формируется предрасположенность к организации коллективных отношений, появляются результаты совместной деятельности, отношения приобретают определённую направленность, устойчивость членов коллектива приобретает выраженную форму.

Продуктивный уровень сформированности профессионально-нравственной устойчивости сотрудника правоохранительной деятельности в отношении включённости личности в коллектив и группового взаимодействия можно обозначить как *коллективно-гомфотерный этап*, на котором проявляется коллективистическая диалогическая направленность деятельности, наблюдается устойчивая статусная структура членов коллектива. Кроме того, происходит дальнейшее развитие совокупности отношений, они приобретают гибкость и мобильность, делая оптимальным процесс включения в коллектив новых членов. Устойчивость членов коллектива, в том числе профессионально-нравственная устойчивость личности приобретает завершенный характер, так как сформированность данного социально-психологического образования прямо пропорциональна степени организации (самоорганизации) коллектива.

Таким образом, процесс взаимодействия личности и коллектива дает возможность проследить ход адаптации личности к коллективу, а также установить, как изменяются эти отношения в процессе деятельности и общения. Оптимальность включения специалистов правоохранительной деятельности в систему коллективных отношений определяется регулированием отношений курсант-коллектив.

Заслуживает внимания концепция Л.И. Новиковой в рамках проблемы воспитательного коллектива, в которой на основе системного подхода было выделено «поле интеллектуально-морального напряжения» как особое интегральное свойство, характеризующее коллектив как целостную систему. Таким образом, согласно данной концепции механизмом реализации главных функций воспитательного коллектива (формирование направленности личности, развитие индивидуальной креативности и др.) является «поле» [6, с. 13].

Л.И. Уманский подчеркивает, что подструктуры опосредствуются направленностью первичного коллектива через социальную значимость его деятельности. Если механизм деятельности задает

блок первых трех «общественных» подструктур, то «личностный» блок, включающий интеллектуальное, эмоциональное и волевое единство, «прежде всего, вносится взаимоотношениями и психологическими особенностями членов группы» [4].

Механизм непосредственного эмоционального взаимодействия членов группы находит выражение в теории эмоциональных потенциалов коллектива, определяемых А.Н. Лутошкиным как заложенных источниках «жизненной энергии» в эмоциональных состояниях взаимодействующих людей, раскрытие которых активизирует деятельность всего коллектива, оптимизирует поведенческую активность («эффект коллектива») [7, с. 5–10]. Данный феномен оптимизирует процесс формирования профессионально-нравственной устойчивости личности будущего специалиста-юриста.

Обобщая подходы ученых в русле вопроса воздействия коллектива на личность, можно констатировать, что основополагающим механизмом первого уровня воздействия коллектива на личность, на формирование профессионально-нравственной устойчивости выступает деятельностное опосредствование (цели, содержание, способы организации коллективной деятельности).

Механизмом второго уровня профессионально-нравственного формирования личности в коллективе выступает трансформация целей и мотивов участников деятельности. Механизмами третьего уровня, обеспечивающими непосредственное взаимодействие и взаимоизменение коллектива и личности, являются специальные групповые коллективообразующие феномены (направленность группового сознания, «поле»), возникающие в процессе деятельности и общения. Значимость общения как составной части всех перечисленных механизмов акцентируется функционированием в коллективе механизмов непосредственного межличностного взаимодействия.

В целом, механизмы коллективного взаимодействия призваны обеспечить приведение моральных ценностей из потенциальных нравственных

норм в процессуальные, а также активизировать поступательное движение – развитие коллектива.

Формирование профессионально-нравственной устойчивости личности сотрудника правоохранительных органов в ведомственных вузах МВД является многоуровневым процессом, взаимосвязанным с развитием коллектива. В процессе коллективного развития по мере усложнения его деятельности мотивы участия в ней трансформируются, становясь более ценными в профессионально-нравственном содержании и реализуясь в адекватных делах и поступках.

На этом уровне нравственного формирования личности в коллективе, по мнению В.Г. Асеева, аккумулируются ее новые нравственные возможности, происходит формирование потенциальной нравственной сферы – «функционального запаса действующей системы, содержащего качественно новые элементы» [8].

Компонентами этой потенциальной сферы становятся жизненные цели личности, самооценка, ценностные ориентации, которые можно рассматривать в качестве личностных образований, обеспечивающих новый уровень ее профессионально-нравственного формирования. Одним из главных критериев прогрессивного развития является накопление новых потенциалов.

Ведущий в методе активизации принцип коллективного взаимодействия, наиболее известный в интенсивной методике, связывает цели обучения и воспитания, характеризует условия, средства и способы учебного процесса. Таким образом, учебный процесс в образовательных организациях министерства внутренних дел должен характеризоваться активным общением курсантов и слушателей, совершенствованием своих умений и навыков, формированием коллективных взаимоотношений в процессе оптимального взаимодействия, которые служат условием и средством повышения эффективности обучения и формирования профессионально-нравственной устойчивости будущего специалиста-юриста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаев И. Ф. Профессионально – педагогическая культура преподавателя. М.: Академия, 2004. 102 с.
2. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: АспектПресс, 2010. 368 с.
3. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2009. 490 с.
4. Уманский Л. И. Личность. Организаторская деятельность. Коллектив / Избранные труды. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. 208 с.
5. Сироткин Л. Ю. Многомерная личность как субъект межкультурного диалога // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3.
6. Новикова Л. И. Воспитание как педагогическая категория. М.: Педагогика, 2000.
7. Кирпичник А. Г. О психологии и педагогике социального воспитания А. Н. Лутошкина // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. № 2.
8. Асеев В. Г. Психология труда. Иркутск: изд-во Иркутского университета, 2005. 342 с.

УДК 343.268

В.В. Лощинкин

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Анализируются доктринальные толкования принудительных мер медицинского характера, которые даются учеными в научной и учебной литературе по уголовному праву, поскольку единое понимание юридической природы этих мер позволит установить факт окончания формирования института принудительных мер медицинского характера как состоявшегося института российского уголовного законодательства, а также выработать меры по совершенствованию уголовного закона, если эти толкования отличаются.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера; Уголовный кодекс Российской Федерации; лицо, представляющее опасность по своему психическому состоянию.

Разрешение проблем совершенствования уголовного законодательства, в том числе и обоснованность отнесения определенного правового явления к сфере уголовно-правового регулирования, будет невозможно без уяснения его юридической природы. Одним из таких явлений выступит институт принудительных мер медицинского характера российского уголовного закона.

Единое понимание учеными юридической природы этих мер позволит нам установить факт обоснованности их отнесения законодателем к сфере уголовно-правового регулирования и выработать предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Так, по мнению А.И. Ситниковой, принудительные меры медицинского характера – это «*уголовно-правовые меры государственного принуждения, назначаемые по приговору суда, содержание которых заключается в принудительном лечении лиц, совершивших общественно опасные или преступные деяния, предусмотренные статьями Особенной части настоящего Кодекса*» [1, с. 137]. Как представляется, указанная формулировка определения понятия принудительных мер медицинского характера уголовного закона не вполне оправдана. Из предложенного автором понятия принудительных мер медицинского характера следует, что принудительные медицинские меры применяются ко всем без исключения

психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления, только по приговору суда. Между тем приговор – это решение, вынесенное судом в судебном заседании по вопросу о виновности или невиновности подсудимого и о назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания по результатам судебного разбирательства (п. 8 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Сущность приговора [2, с. 513–516] выражается в претерпевании неблагоприятных для виновного (субъекта преступления) последствий совершенного им преступления, то есть в его обязанности дать отчет перед государством в содеянном, подвергнуться осуждению, наказанию и иным неблагоприятным юридическим последствиям, предусмотренным уголовным законом [3, с. 55–56].

Однако применение к лицу принудительной меры медицинского характера основывается не на факте совершения преступления или общественно опасного деяния, поскольку психическое расстройство лица не влияет на квалификацию содеянного, предусмотренного соответствующей нормой Уголовного кодекса РФ, а на свойствах личности данного лица, то есть его психическом заболевании. Таким образом, при вынесении судом решения о применении к лицу принудительных мер медицинского характера субъект преступления не связан с применением к нему

Лощинкин Виктор Викторович, соискатель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

e-mail: lowinkin@mail.ru

© Лощинкин В.В., 2016

Статья получена: 13.08.2015

принудительных медицинских мер, а совершенное им общественно опасное деяние независимо от характера и степени общественной опасности само по себе не является единственным основанием применения принудительной медицинской меры, ее вида и срока применения, так как это зависит только от психического состояния данного лица и особенностей его личности (ч.2 ст. 97, ст. ст. 100–101 УК РФ) [4, с. 54].

Кроме того, применению принудительных мер медицинского характера к психическим больным лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления, приговором суда препятствует и то обстоятельство, что данные меры в уголовном законодательстве применяются к трем различным по своему правовому статусу категориям лиц.

Первую категорию составляют лица, совершившие общественно опасное деяние, предусмотренное статьями Особенной части УК РФ, в состоянии невменяемости и не подлежат уголовной ответственности, так как не являются субъектами преступления (ст. 21 УК РФ). Следовательно, данным лицам нельзя назначить принудительные меры медицинского характера приговором суда, в котором решаются вопросы виновности или невиновности подсудимого.

Вторую категорию составляют лица, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания. Указанная категория лиц состоит из двух подгрупп. В первую входят лица, совершившие преступление в состоянии вменяемости, но заболевшие психическим заболеванием до вынесения приговора суда. Следовательно, в этом случае применению принудительных мер медицинского характера приговором суда будет препятствовать психическое заболевание лица, делающее его не способным участвовать в рассмотрении уголовного дела, что препятствует вынесению указанного приговора. Во вторую подгруппу входят лица, совершившие преступление в состоянии вменяемости, но заболевшие психическим заболеванием во время отбывания наказания, в отношении которых уже имеется обвинительный приговор суда. Следовательно, и в этом случае принудительные меры медицинского характера не могут быть назначены приговором суда, которым уже ранее были разрешены вопросы виновности подсудимого в совершенном им преступлении.

Таким образом, из определения понятия принудительных мер медицинского характера, предложенного А.И. Ситниковой, следует, что принудительные медицинские меры могут быть назначены приговором суда наряду с наказанием

только лицам, совершившим преступление и страдающим психическим расстройством, не исключаящим вменяемости (статья 22 УК РФ). К иной же категории лиц принудительные меры медицинского характера применить будет невозможно.

Исследователь правовой природы принудительных мер медицинского характера Н.В. Жарко предлагает свою редакцию рассматриваемого понятия: *«Принудительные средства медицинского характера есть вид государственного принуждения, назначаемого по постановлению или приговору суда. Принудительные средства медицинского характера заключаются в психиатрическом лечении лиц, указанных в части 1 статьи 97 настоящего Кодекса»* [5, с. 87]. В обоснование своей позиции автор указывает, что используемый уголовным законом термин «мера медицинского характера» является более широким по своему содержанию, чем «средство медицинского характера», что не позволяет отличить этот институт от других уголовно-правовых мер, применяемых за совершенное деяние. Ученый считает, что цель института принудительных мер медицинского характера уголовного права достигается с помощью медицинских (лекарственных) и уголовно-правовых (предупреждение совершения новых общественно опасных деяний) средств, которые законодатель выделил в Уголовном кодексе РФ как виды принудительных медицинских мер. Также автор указывает, что принудительные меры медицинского характера являются уголовно-правовыми санкциями.

С вышеприведенной позицией нельзя согласиться, ввиду того что предложенное автором определение понятия принудительных мер медицинского характера выводит этот институт за пределы компетенции уголовного права. В функции уголовного закона не входит лечение психически больных лиц, в том числе и совершивших общественно опасные деяния или преступления, так как это относится к другой отрасли, а именно к медицине. Отнесение же ученым видов принудительных мер медицинского характера к уголовно-правовым средствам, с помощью которых достигается предупреждение совершения психически больными лицами новых общественно опасных деяний или преступлений, является неправильным. Во-первых, регламентированные Уголовным кодексом РФ виды принудительных мер медицинского характера применяются к лицу для создания соответствующих условий лечения, ухода, содержания и наблюдения для его выздоровления или улучшения его психического состояния, что следует из толкования уголовного закона (ст. 100–101 УК РФ). А во-вторых, организация лечебно-реабилитационного и профилактического процесса (в том числе и предупреждение

совершения нового общественно опасного деяния), применяемого к психически больному лицу, входит в компетенцию психиатрии, отрасли медицины, занимающейся диагностикой, терапией и профилактикой психических заболеваний [6, с. 2–4]. Ни уголовное право, ни уголовно-исполнительное право не содержат и не могут содержать комплекса тех лечебно-реабилитационных мер, которые назначаются психически больным лицам при применении к ним принудительных мер медицинского характера.

Нельзя признать удачным и предложение ученого о переименовании «института принудительных мер медицинского характера» в «институт принудительных средств медицинского характера». Термин «средство медицинское» достаточно широко используется медицинским законодательством и имеет свое практическое значение, свое законодательное определение, то есть используется отраслью права, которая непосредственно осуществляет применение принудительных мер медицинского характера в соответствии с требованиями уголовного закона и не является отраслью, смежной с правом уголовным.

Так, в статье 10 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» говорится: *«Для диагностики и лечения лица, страдающего психическим расстройством, применяются медицинские средства и методы, разрешенные в порядке, установленном законодательством о здравоохранении. Медицинские средства и методы применяются только в диагностических и лечебных целях в соответствии с характером болезненных расстройств и не должны использоваться для наказания лица, страдающего психическим расстройством, или в интересах других лиц»* [9]. Юридической наукой выработан ряд правил языкового толкования, в соответствии с которыми формулируются нормы права. В соответствии с этими правилами *«значение термина, установленное законодателем для данной отрасли права, нельзя без достаточных оснований распространять на другие»*, а также *«придание словам иного значения, отличного от общеупотребительного, должно быть обосновано, доказано с помощью иных способов толкования или вытекать из легальных дефиниций»* [7, с. 329].

Вместе тем ученый, предлагающий заменить термин «мера медицинского характера» действующего уголовного закона термином «средство медицинского характера», не приводит каких-либо убедительных данных, обосновывающих его вывод и доказывающих необходимость этого изменения.

Нельзя согласиться и с выводом Н.В. Жарко о том, что принудительные меры медицинского ха-

рактера, применяемые к психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления, являются уголовно-правовыми санкциями. Санкция является важным структурным элементом нормы уголовного права. В общей теории права отмечается, что санкция – это те предписания правовой нормы о мерах принуждения, которые устанавливаются за неисполнение обязанностей и в целях защиты прав других лиц [7, с. 224]. Уголовно-правовая санкция в виде определенного вида уголовного наказания устанавливается за совершение субъектом преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Применение же к лицу принудительных мер медицинского характера основывается не на факте совершения субъектом преступления или общественно опасного деяния, а на психическом состоянии данного лица. Не входят принудительные меры медицинского характера и в перечень видов уголовных наказаний, предусмотренных уголовным законом за совершение преступлений (ст. 44 УК РФ).

Таким образом, не являются уголовно-правовыми санкциями принудительные меры медицинского характера, применяемые к психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления.

Т.М. Калинина [8, с. 529] и Б.Н. Дегай [5, с. 86] занимают практически схожие позиции в определении понятия принудительных мер медицинского характера и полагают, что *«это предусмотренные законом меры, применяемые в принудительном порядке к лицам, совершившим преступление или общественно опасное деяние, страдающим психическими расстройствами и нуждающимся в оказании им психиатрической помощи, в целях улучшения их психического состояния, а также ограждения общества от неблагоприятных последствий опасного болезненного состояния их психики (предупреждения совершения ими новых общественно опасных деяний)»*.

Отчасти мы согласны с данными учеными. Однако нельзя согласиться с выводом ученых о том, что меры медицинского характера, предусмотренные уголовным законом, преследуют цель *«ограждения общества от неблагоприятных последствий опасного болезненного состояния их психики (предупреждения совершения ими новых общественно опасных деяний)»*. В приведенном авторами определении понятия принудительных мер медицинского характера общественная опасность смещается с лица - носителя этой опасности к психическому расстройству этого лица. Это основано не только на уголовном законе, но и на законодательстве о здравоохранении. Правовые нормы уголовного законодательства

могут применяться только к лицу (или субъекту преступления) как носителю общественной опасности, совершившему общественно опасное деяние или преступление, а не к его психическому состоянию. Более того, психические расстройства сами по себе не могут представлять общественной опасности, такую опасность представляет только носитель психического расстройства, последнее лишь обуславливает эту опасность [9]. Это подтверждается и законодательством в области здравоохранения, а именно постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих». В соответствии с упомянутым постановлением психические расстройства включены в «Перечень социально значимых заболеваний», а не заболеваний, представляющих опасность для окружающих [10].

Р.Р. Галиакбаров и Н.Ю. Скрипченко занимают практически идентичные позиции в определении принудительных мер медицинского характера, делая акцент на медицинской характеристике их применения. Так, Р.Р. Галиакбаров полагает, что принудительные меры медицинского характера – *«это меры государственного принуждения, предусмотренные уголовным законом и применяемые судом, помимо уголовного наказания или наряду с ним. Они выражаются в принудительном лечении лиц, совершивших общественно опасные деяния, с помещением их в специальные лечебные учреждения. Ограничение прав лица при их применении связано с определением (приговором) суда»* [11, с. 44]. По мнению Н.Ю. Скрипченко, принудительные меры медицинского характера – это *«предусмотренные уголовным законом лечебно-реабилитационные меры, применяемые к лицам, перечисленным в УК РФ, заключающиеся в лишении или ограничении прав и свобод указанных лиц в той мере, в какой это необходимо для создания условий их излечения либо улучшения психического состояния»* [12, с. 11–12].

Считаем неверными позиции указанных исследователей в определении понятия принудительных мер медицинского характера, поскольку

приводимый ими медицинский аспект применения этих мер (излечение либо улучшение психического состояния) не соответствует законодательной норме, предусмотренной уголовным законом (ч. 2 ст. 97 УК РФ), которая бы позволяла применять эти меры в соответствии с исходными положениями российского уголовного права. Так, в соответствии с частью 2 статьи 97 Уголовного кодекса РФ, *«...принудительные меры медицинского характера назначаются только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц»* [4, с. 54]. То есть принудительные меры медицинского характера, предусмотренные уголовным законом, применяются к психически больным лицам, страдающим психическими заболеваниями и совершившим общественно опасные деяния или преступления не во всех случаях, а только в тех, когда упомянутые лица представляют опасность по своему психическому состоянию.

Таким образом, из определения понятия принудительных мер медицинского характера, данного Р.Р. Галиакбаровым и Н.Ю. Скрипченко, следует, что уголовное законодательство выполняет не свойственные ему задачи и функции, которые непосредственно входят в компетенцию такой отрасли клинической медицины, как психиатрия, не являющейся смежной с уголовным правом [6, с. 2–4].

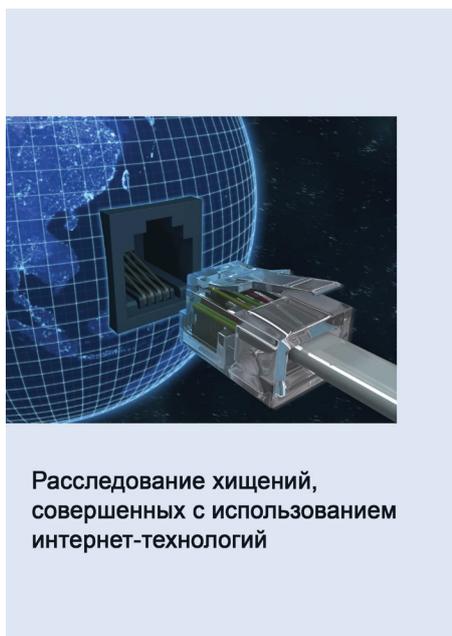
Анализ доктринальных толкований принудительных мер медицинского характера уголовного закона показал, что на сегодняшний день не существует единого подхода в определении их юридической природы. Это обусловлено тем, что в одном и том же правовом явлении интегрируются нормы права, отражающие особенности правового регулирования в различных областях общественных отношений, в число которых входят уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право, медицинское право и такие его отрасли, как общая и судебная психиатрия. Как представляется, основная проблема заключается в установлении и разрешении вопросов о соотношении нормативных правовых актов различной отраслевой принадлежности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ситникова А. И. Принудительные меры медицинского характера: законодательная техника // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. Вып. № 4 (17). С. 135–147.
2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Из-во Проспект, 2005. 797 с.
3. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. М.: Юрист, 1997. 645 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп.). Новосибирск: Норматика, 2014. 176 с.
5. Жарко Н.В. Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 230 с.
6. Хамитов Р. Р. Клинические, социальные и личностные предикторы особо опасного поведения психически больных: дис. ... д-ра. мед. наук. М., 2004. 253 с.

7. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. / под. ред. М. Н. Марченко. М.: Изд-во Зерцало, 1998. Т. 2. 640 с.
8. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Н. В. Артеменко и др.; под. ред. А. И. Чучаева, Н. А. Нырко-вой. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 548 с.
9. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1. Веб-сайт справ. правовой системы Гарант. М., 2014. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 15.08.2014).
10. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих : постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 15.08.2014).
11. Буфетова М. Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: дис... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. 194 с.
12. Срипченко Н. Ю. Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 46 с.
13. Уголовно-исполнительный кодекс РФ. Доступ из СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2014).

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Расследование хищений,
совершенных с использованием
интернет-технологий

Расследование хищений, совершенных с использованием интернет-технологий: учебно-практическое пособие / сост. И.Е. Мазуров. – Казань: КЮИ МВД России, 2015. – 71 с.

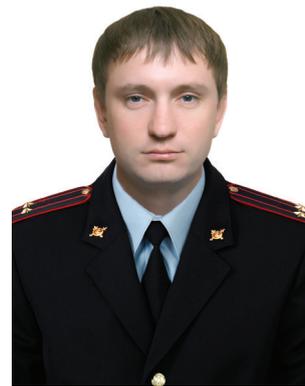
Учебно-практическое пособие раскрывает содержание специальной дисциплины «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий», способствует подготовке слушателей к занятиям при изучении названной дисциплины.

Предназначено для слушателей всех форм обучения в образовательных организациях МВД России, сотрудников следственных, оперативных и иных подразделений органов внутренних дел.

УДК 343

С.А. Черняков

ЛАТЕНТНОСТЬ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАНКОВСКИХ ГАРАНТИЙ

В статье автором на основе анализа статистических сведений, полученных в ходе исследования, произведен расчет состояния и уровня латентности мошенничеств, совершаемых в сфере обеспечения исполнения обязательств банковскими гарантиями. Описаны существенные факторы, определяющие латентность данного вида преступлений. Сделан вывод о мерах, необходимых для ее снижения.

Ключевые слова: государственный заказ, торги, банковская гарантия, мошенничество, латентность.

Как следует из содержания главы 23.6 ГК РФ, банковская гарантия – это письменное обязательство кредитной организации выплатить предусмотренную денежную сумму в случае неисполнения каких-либо обязательств, надлежащее исполнение которых гарантировалось кредитной организацией, выдавшей гарантию.

На сегодня банковские гарантии являются одним из наиболее востребованных продуктов на рынке финансовых услуг. Большой спрос на банковские гарантии, их высокая стоимость, простота изготовления и использования фиктивных и необеспеченных банковских гарантий способствовали возникновению криминальных проявлений, поэтому в настоящее время рынок банковских гарантий в значительной степени криминализован. Мошенничества с использованием банковских гарантий в этой сфере далеко не редкость. По мнению замруководителя ФАС России Екатерины Соловьевой, около 80% банковских гарантий, подаваемых участниками торгов по госконтрактам, являются поддельными [1].

Однако в выборочно исследованных нами сроках шести регионах РФ по фактам использования поддельных банковских гарантий в 2011 г. было возбуждено 6 уголовных дел, в 2012-14, в 2013-67, в 2014-84 (Архив кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России. Текущий архив за 2014/15 г.г. Номенклатурное дело №312. Вх. №№ 140 от 27.10.14, 157, 158 от 11.11.14, 160 от 12.11.14, 168, 170 от 17.11.14, 175 от 19.11.14, 184 от 25.11.14, 194 от 3.12.14.2). Принимая во внимание, что в

среднем в РФ в год заключается около 3 млн контрактов для обеспечения государственных и муниципальных нужд [2], а также утверждение Е. Соловьевой, можно сделать вывод о том, что количество возбужденных уголовных дел данной категории в значительной степени не соответствует реальной картине и свидетельствует о предельно высоком уровне латентности данного вида преступлений.

Для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также нужд коммерческих федеральным законодательством (Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» Российская газета от 12 апреля 2013 г. № 803; Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Российская газета от 22 июля 2011 г. № 159.5) регламентируется проведение торгов, которое предусматривает обеспечение исполнения обязательств. Мошенничества с использованием банковских гарантий совершаются в ходе обеспечения исполнения обязательств в рамках проведения торгов и исполнения контрактов.

В интересах нашего исследования были изучены сведения, содержащиеся на государственном портале закупок официального сайта Российской Федерации в сети Интернет для размещения информации о заказах на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг [3], что позволило получить сведения об объеме государственного и муниципального заказа Российской Федерации в денежном выражении за последние четыре года, а

Черняков Сергей Анатольевич, адъютант Академии управления МВД России

e-mail: sache2009@yandex.ru

© Черняков С.А., 2016

Статья получена: 09.11.2015

Таблица № 1

Сведения об объеме государственного и муниципального заказа Российской Федерации и объеме проведенных торгов на нужды коммерческих организаций в рублях

Год	Заключено контрактов	на сумму в млн руб.	Заключено контрактов	на сумму в млн руб.
	По Федеральному закону №44-ФЗ (94-ФЗ)		По Федеральному закону №223-ФЗ	
2011	1 986 324	5 216 464,6	88 016	1 362 563,1
2012	2 896 974	6 113 951	91 053	1 634 653,2
2013	3 760 290	5 903 952,3	696 450	13 929 056,6
2014	2 766 151	5 501 557,1	1 068 446	17 761 172,2

Таблица № 2

Сведения о средствах на внебалансовом счете 91315 «выданные гарантии и поручительства» по действующим кредитным организациям

Год	Сумма средств на внебалансовом счете 91315 (тыс. руб.)		
	В рублях	Иностранная валюта и драг. металлы в рублевом эквиваленте	Всего в рублях
2011	1 053 474 130	651 461 499	1 704 935 629
2012	2 155 827 284	788 123 348	2 943 950 632
2013	3 030 688 968	854 055 563	3 884 744 531
2014	3 689 564 243	997 618 081	4 687 182 324

также сведения об объеме проведенных торгов на нужды коммерческих организаций за этот же период времени. Полученные сведения обобщены и представлены в таблице № 1.

Как следует из таблицы, среднегодовой объем государственного и муниципального заказа на протяжении четырех лет значительно не менялся и составил 5,5–6 трлн рублей на 2–3 млн контрактов. При этом в 2012–2014 годах наблюдается резкий рост объема коммерческих торгов с 1,5 до 14–17 трлн рублей с пропорциональным увеличением количества проведенных торгов. Специалисты рынка закупок объясняют это вступлением в силу Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ и переходом на электронные торги крупных закупщиков, таких как ФГУП «Московский метрополитен», ФГУП «НИИ «Квант», ОАО «Росводоканал», Морской порт СПб. и т.д. [3]

В интересах исследования, с целью сопоставления денежного выражения объема торгов и денежного выражения объема выданных банковских гарантий в Центральном Банке России нами были запрошены сведения об объеме и количестве банковских гарантий, выданных кредитными организациями на территории Российской Федерации за 2008–2013 годы. Департамент банковского надзора Центрального Банка России сообщил, что запрашиваемыми сведениями не располагает, но предоставил информацию (Архив кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России. Текущий архив за 2014/15гг. Номенклатурное дело №312. Вх. № 164 от 13.11.14) об остатках средств на внебалансовом счете 91315 «выданные гарантии

и поручительства» (Централизованный, контролируемый Центробанком России внебалансовый счет, на котором учитываются все выданные кредитными организациями банковские гарантии, а также денежные обязательства кредитной организации по выданным гарантиям (устанавливается, «замораживается» денежный лимит кредитной организации для вероятных выплат по гарантийным обязательствам, предусмотренным выданными гарантиями)). по действующим кредитным организациям на конец отчетного периода. Полученные сведения обобщены и представлены в таблице № 2.

Из таблицы следует, что на конец отчетного периода на внебалансовом счете 91315 отражается в денежном выражении объем выданных кредитными организациями банковских гарантий, срок действия которых к этому времени не истек. Необходимо обратить внимание на значительное, равномерное ежегодное увеличение этого объема, что с учетом отсутствия изменений в объеме государственного и муниципального заказа и непропорционального изменения в объеме коммерческих торгов за рассматриваемый период времени может свидетельствовать об увеличении количества выдаваемых кредитными организациями банковских гарантий.

Согласно указанному выше Федеральному закону 44-ФЗ при проведении торгов и заключении контракта заказчик обязан установить требование об обеспечении участия в торгах и исполнения контракта в размере 0,5–5% и 5–30% соответственно. При этом закон не формулирует для заказчика критерии определения размера обеспечения.

С целью выявления устоявшейся практики и механизма определения размера обеспечения нами были опрошены в качестве экспертов со-

трудники кредитных отделов, банков, имеющих право проводить операции по выдаче банковских гарантий – включенных в перечень банков, отвечающих установленным требованиям для принятия банковских гарантий, предусмотренных ст.ст. 176.1, 74.1 Налогового кодекса России и осуществляющих деятельность, связанную с предоставлением банковских гарантий, а также сотрудники государственных и муниципальных органов, входивших в состав закупочной комиссии при проведении торгов для нужд государственного и муниципального заказа.

В результате опроса было установлено, что у заказчика при установлении требования об обеспечении заявок и исполнения контракта нет четких критериев, обосновывающих размер обеспечения. Респонденты отметили, что с целью обеспечения заявки на участие в торгах, в соответствии со ст. ст. 44 и 96 Федерального закона 44-ФЗ, заказчик устанавливает требование о предоставлении участником торгов залоговых денежных средств или банковской гарантии в рамках, предусмотренных законодательством, по своему убеждению в достаточности обеспечения, в зависимости от особенностей контракта, в размере 2–3% от максимальной стоимости контракта. По тем же правилам для обеспечения исполнения контракта заказчик устанавливает требование о предоставлении исполнителем контракта залоговых денежных средств или банковской гарантии в размере от 10% до 25% от максимальной стоимости контракта.

Также опрошенные пояснили, что в связи с дефицитом денежных средств экономически нецелесообразно «замораживать» крупные денежные суммы для обеспечения заявки на участие в торгах или исполнения обязательств по контракту, поэтому внесение денежных средств как обеспечительный инструмент используется крайне редко, и это определяет банковскую гарантию как основной способ обеспечения исполнения обязательств.

С учетом изложенного, на основе имеющихся сведений об объеме государственного и муниципального заказа, торгов на нужды коммерческих и иных внегосударственных организаций, принимая во внимание предоставленные Центробанком России сведения об объеме выданных банковских гарантий, представляется возможным произвести приблизительный расчет их соответствия.

Учтем только торги по государственному и муниципальному заказу в связи с законодательно предусмотренной обязательностью установления обеспечения участия в торгах и исполнения контракта. Как показал экспертный опрос, минимальный размер обязательного обеспечения заявки и исполнения обязательств по контракту

составляет 10% максимальной стоимости контракта. Исходя из этого, можно выявить допустимо минимальный объем банковских гарантий, необходимый для обеспечения проведенных торгов. Проведенный расчет представлен в таблице № 3.

Из таблицы мы видим, что минимально необходимый объем банковских гарантий, которые в соответствии с действующим законодательством следовало выдать кредитным организациям для проведения торгов и обеспечения исполнения обязательств по заключенным контрактам в рамках государственного и муниципального заказа, в 2013, 2014 годах более чем в 100 раз превысил объем фактически выданных банковских гарантий, а в 2011, 2012 годах более чем в 300 раз превышал фактически выданный объем банковских гарантий. То есть в денежном выражении фактически выданный объем банковских гарантий в 2011, 2012 годах составляет не более 0,5% от минимально необходимого объема банковских гарантий, которые должны были быть выданы кредитными организациями в соответствии с действующим законодательством для проведения торгов и обеспечения исполнения обязательств по заключенным контрактам в рамках государственного и муниципального заказа, а в 2013, 2014 годах – не более 1%.

Если сопоставить полученные результаты с количеством заключенных контрактов в рамках государственного и муниципального заказа, то можно получить приблизительные сведения о количестве контрактов, фактически не обеспеченных банковскими гарантиями. Полученные результаты отражены в таблице № 4.

Наглядно процентное соотношение контрактов, не обеспеченных гарантией исполнения, и контрактов, для обеспечения которых кредитные организации фактически выдали банковские гарантии, видно на диаграмме (синим цветом обозначен сектор, отражающий объем контрактов, не обеспеченных гарантией исполнения, коричневым – сектор, отражающий объем контрактов, для которых были выданы легальные банковские гарантии).

Анализ полученных данных приводит к выводу о том, что число зарегистрированных преступлений данного вида, о котором можно судить исходя из данных, полученных в результате исследования 46 регионов РФ, является микроскопической долей в сложившейся криминальной ситуации, которую даже нельзя сравнить с распространенным в криминологической литературе сравнением преступности с айсбергом [4; 5].

Произведенные здесь расчеты, безусловно, нельзя рассматривать как максимально точно отражающие действительность в силу отсутствия необходимых статистических сведений, напри-

Таблица № 3

Сведения о минимально необходимом объеме банковских гарантий

год	Заключено контрактов на сумму в рублях по Федеральному закону №44-ФЗ (94-ФЗ)	Фактический объем выданных банковских гарантий в рублях (по сведениям Центробанка России)	10% объема заключенных контрактов - минимально необходимый объем банковских гарантий в рублях
2011	5 216 464 600 000	1 704 935 629	521 646 460 000
2012	6 113 951 000 000	2 943 950 632	611 395 100 000
2013	5 903 952 300 000	3 884 744 531	590 395 230 000
2014	5 501 557 100 000	4 687 182 324	550 155 710 000

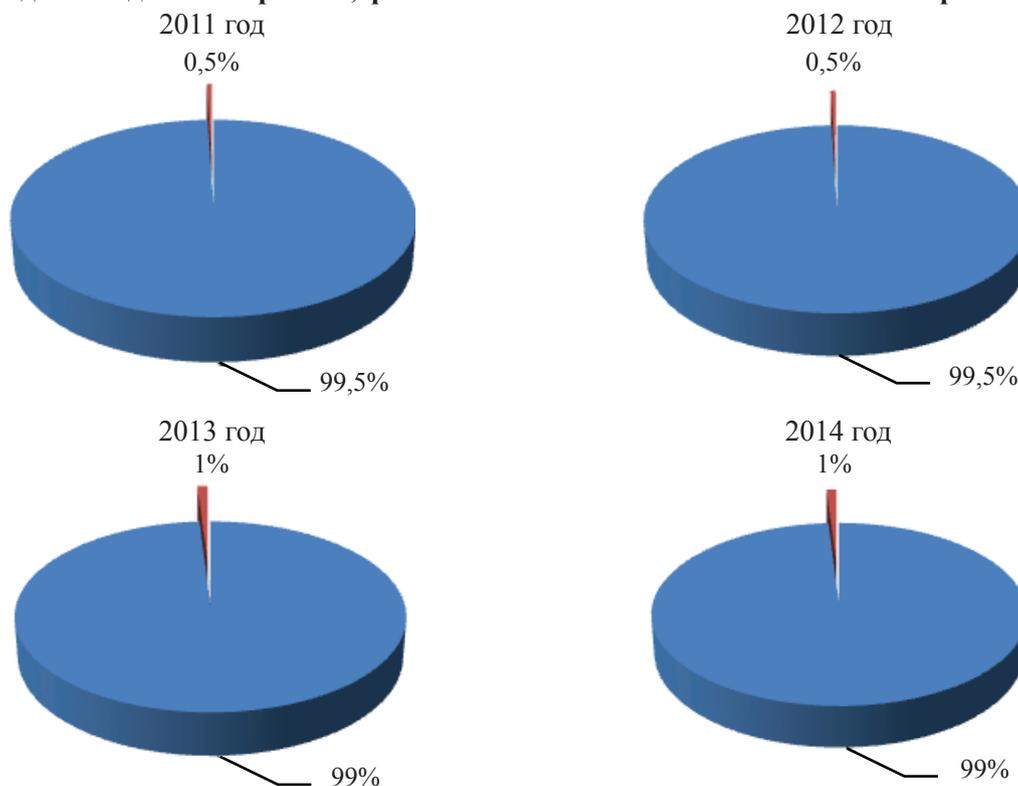
Таблица № 4

Сведения о количестве контрактов, фактически не обеспеченных гарантией исполнения

Год	Всего зарегистрированных контрактов	Количество контрактов, не обеспеченных гарантией исполнения
2011	1 986 324	1 976 392
2012	2 896 974	2 882 489
2013	3 760 290	3 722 687
2014	2 766 151	2 738 489

Диаграмма № 1

Сведения о доле контрактов, фактически обеспеченных банковскими гарантиями

мер, сведений об установленных требованиях о размере обеспечения, о выборе участником торгов или исполнителем контракта способа обеспечения. Нами учитывались сведения об объеме денежных средств на внебалансовом счете 91315 «выданные гарантии и поручительства» на конец отчетного периода, а списания денежных средств в связи с истечением срока гарантийных обязательств не учитывались. Однако даже такой приблизительный расчет дает основание сделать предположение о предельно высоком уровне латентности данного вида преступлений. И что важно – это объяснимо.

Латентность рассматриваемых мошенничеств, как и любых других видов преступлений, образуется в силу объективных причин – «естественная латентность» [6, с. 31, 32] или становится следствием некачественной работы правоприменительных органов – «искусственная латентность» [6, с. 31, 32], которую в свою очередь можно подразделить на «неучтенную» и «скрытую» [7, с. 234].

Проведенный нами опрос руководителей двадцати четырех коммерческих предприятий, принимавших ранее участие в торгах для обеспечения государственных и муниципальных нужд, показал – объективным является то, что до выявления

поддельности или необеспеченности банковской гарантии есть всего три стороны, участвующих в процессе обеспечения исполнения обязательств в рамках государственного и муниципально-го заказа, – это «гарант» (в описываемой ситуации – сторона, совершающая мошенничество), «принципал» – участник конкурса, аукциона или исполнитель контракта и «бенефициар» – государственный или муниципальный заказчик. По причине очевидной заинтересованности, не оставившаяся на лицах, выступающих в качестве «гарантов», обратим внимание на участников конкурсов, аукционов, исполнителей контрактов. Рискую не уложиться в срок подписания контракта, в результате чего оказаться в списке недобросовестных исполнителей, зачастую не в полной мере соответствия высоким требованиям кредитных организаций – потенциальных «гарантов», исполнителю, как правило, приходится приобретать банковскую гарантию при весьма сомнительных обстоятельствах, с посредническим участием «серых» брокеров. Выявление в последующем фиктивности банковских гарантий влечет отстранение исполнителя от участия в контракте с вытекающими негативными последствиями. В таких условиях исполнителю крайне невыгодно обнаружение поддельности или необеспеченности банковской гарантии. В связи с этим в целях предупреждения данного вида преступлений необходимо создавать условия, которые снизят виктимность положения исполнителя контракта, направленные на упрощение приобретения и предоставления банковской гарантии.

В свою очередь заказчик заинтересован, прежде всего, в успешном проведении торгов и фактическом исполнении контракта. Выявление же какого-либо несоответствия банковской гарантии приведет к признанию торгов не состоявшимися, а исполнение контракта прерванным. Опрошенные в качестве экспертов сотрудники подразделений ЭБиПК ГУ МВД России по г. Москве, ГУ МВД России по Московской обл., УМВД России по Красноярскому краю пояснили, что ими многократно, инициативно выявлялись поддельные, или необеспеченные банковские гарантии, принятые заказчиком в качестве обеспечения исполнения обязательств по контракту, о чем официальным уведомлением сообщалось заказчику. Однако заказчики не предпринимали мер к отстранению от участия в контракте исполнителей, мотивируя это тем, что работы по исполнению контракта ведутся в полном объеме и промежуточные результаты не вызывают сомнения в надлежащем исполнении условий контракта в полном объеме. Данное обстоятельство свидетельствует о пробелах в за-

конодательных актах и нормативных документах, регламентирующих организацию и проведение торгов для государственных и муниципальных нужд, позволяющих соответствующим должностным лицам не реагировать на факты фиктивности банковских гарантий. А потому ни один из участников отношений по обеспечению исполнения обязательств в сфере государственного и муниципального заказа не заинтересован в выявлении фиктивности банковских гарантий, что во многом объясняет объективные причины латентности данного вида преступлений.

В ходе исследования было изучено 376 материалов проверки по заявлениям и обращениям в органы внутренних дел об обнаружении поддельных и необеспеченных банковских гарантий, по которым не было принято решений об уголовном преследовании лиц, совершивших мошенничество. Количество зарегистрированных материалов проверки свидетельствует о многочисленности обращений по данным фактам, по которым, однако, в большинстве случаев проведена поверхностная проверка, имеющая признаки формальности. Не исследуются обстоятельства изготовления фальшивых банковских гарантий, а также обстоятельства приобретения их участниками торгов. Обстоятельства происшествий, изложенные в описательной части постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, имеют признаки состава преступления, предусмотренного ст. 327, 159 УК РФ. Однако принимались немотивированные решения об отказе в возбуждении уголовного дела. В ходе исследования не получено каких-либо сведений, связывающих данные решения со злоупотреблениями сотрудников органов внутренних дел, но это может свидетельствовать о низком уровне квалификации сотрудников в части противодействия преступлениям, совершаемым с использованием банковских гарантий, что и подтвердилось в результате опроса данных сотрудников, которые пояснили, что в связи с недостаточным уровнем квалификации они испытывают затруднения в выявлении и документировании фактов использования поддельных банковских гарантий.

В ходе исследования было установлено, что проблема противодействия преступлениям, совершаемым с использованием банковских гарантий, в органах внутренних дел в прямой постановке не рассматривалась, отсутствуют методические рекомендации, курсы специальной подготовки по выявлению и документированию данных преступлений. Нет системного толкования законодательства, регламентирующего сферу обеспечения исполнения обязательств. Отсут-

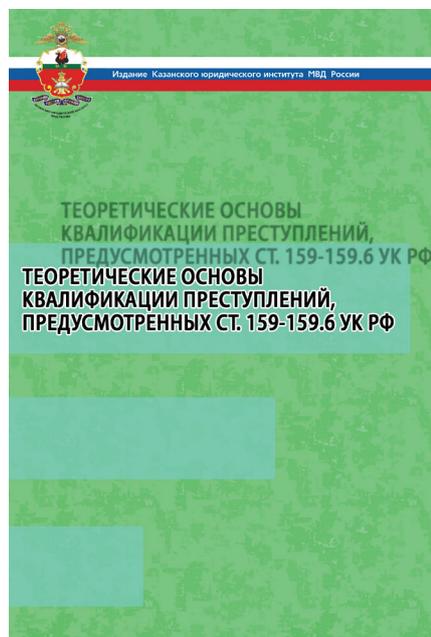
ствуется практика применения норм уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за рассматриваемые преступления. Перечисленные обстоятельства являются причиной низкой квалификации указанных сотрудников и факторами латентности рассматриваемого вида преступлений [8, с.7]. При этом необходимо отметить, что изменения правового характера,

влияющие на оздоровление сложившейся негативной ситуации, проводимые в комплексе с мерами организационного характера, направленными на повышение уровня профессионализма сотрудников, осуществляющих противодействие преступлениям с использованием банковских гарантий, возможно, приведет к снижению уровня латентности рассматриваемых преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Право RU. Новости УФСБ Москвы. URL: pravo.ru/news/view/59459 (дата обращения: 03.02.2014).
2. Официальный сайт Российской Федерации в сети Интернет для размещения информации о размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг. URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 03.02.2014, 22.04.2015).
3. Сайт профессионального размещения государственного заказа в сети Интернет Госзаказчик.Ру. URL: <http://goszakazchik.ru/Novosti.html?id=19> (дата обращения: 03.08.2015).
4. Ельскене И. С. Понятие латентной преступности // Российский следователь. 2005. № 9. С. 42.
5. Жиготский П. Э. Латентный фон организованной преступности // Российский следователь. 2005. № 2.
6. Алексеев А. М., Роша А. Н. Латентная преступность и эффективность деятельности правоохранительных органов // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 19. М., 1973.
7. Милуков С. Ф. Классификация скрытых преступлений по степени их латентности // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М., 1993.
8. Акаева А. А. Проблемы латентности преступлений в сфере экономики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Магачкала, 2002.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Теоретические основы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 159-159.6 УК РФ: методические рекомендации / М.Р. Гарафутдинов и др.; под общ. ред. М.Р. Гарафутдинова. – Казань: КЮИ МВД России, 2015. – 96 с.

В методических рекомендациях рассматриваются теоретические основы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 159–159.6 УК РФ, на основе доктринальных положений науки уголовного права и материалов судебной практики, с учетом позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в постановлении от 11 декабря 2014 года № 32-П.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, преподавателей и научных работников, а также для сотрудников правоохранительных органов, интересующихся данной тематикой

И.А. Русинов

**ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ
НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЯНИЙ ПРИ БАНКРОТСТВЕ
И ИХ УГОЛОВНО - ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА
(Ч. 1 СТ. 195 УК РФ)**

В статье раскрывается вопрос об объекте преступления, связанного с банкротством, а также подробно рассматриваются факультативные признаки объективной стороны данного преступного деяния.

Ключевые слова: банкротство, передача, сокрытие, отчуждение, имущественные права и обязанности, уничтожение имущества, бухгалтерские и учетные документы, фальсификация документов.

Банкротство представляет собой достаточно сложный с правовой точки зрения процесс, включающий в себя множество свойственных исключительно ему аспектов.

Банкротство (несостоятельность) – это признанная арбитражным судом невозможность должника в полном размере выполнить требования кредиторов по финансовым обязательствам, об оплате выходных пособий и/или по поводу оплаты труда лиц, которые работают или работали по трудовому договору, и/или выполнить обязанность по оплате обязательных платежей.

Законодательство в данной сфере является весьма динамичным. Это подтверждает тот факт, что с момента своего появления в нашем государстве принят и действует уже 3-й по счету закон о несостоятельности. Это дает возможность сделать вывод, что перед законодателем стоит трудная задача: с одной стороны, внедряя уголовную ответственность за криминальные банкротства, ему необходимо формулировать нормы простым, стилистически и грамматически правильным, прозрачным языком, понятным не только для специалистов, но и для всех граждан; с другой стороны, он должен принимать во внимание нюансы правового регулирования проблем несостоятельности, чтобы на практике нормы Уголовного кодекса правильно осуществляли возложенные на уголовный закон задачи (ст. 2 Уголовного кодекса).

С учетом этого в вопросах юридического регулирования уголовной ответственности за осуществление такого преступления, как неправомерные деяния при банкротстве, значимую роль играет то, как сформулирована объективная сторона этой сферы экономических преступлений.

Главным образом, анализу подлежит формулировка нормы уголовного закона в области указания на то, какие непосредственно действия влекут за собой появление уголовных правоотношений.

Данное исследование предназначено для изучения правового содержания действий, которые являются частью объективной стороны неправомерных деяний при банкротстве (ч. 1 ст. 195 Уголовного кодекса РФ).

Объективная сторона преступления, которое закреплено в ч. 1 ст. 195 Уголовного кодекса, подразумевает осуществление следующих альтернативных действий:

- сокрытие имущества;
- сокрытие имущественных обязанностей;
- сокрытие имущественных прав;
- сокрытие информации об имуществе, его размерах, местоположении либо других сведений об имуществе;
- сокрытие информации об имуществе, его размерах, местонахождении либо других сведений об имущественных обязанностях;
- сокрытие информации об имуществе, его размерах, местонахождении либо других сведений по поводу имущественных прав;
- отчуждение имущества;
- передача имущества во владение другим лицам;
- уничтожение имущества;
- сокрытие документов бухгалтерской отчетности;
- сокрытие других учетных документов, которые отражают экономические действия юридического лица либо индивидуального предпринимателя;
- уничтожение документов бухгалтерской отчетности;

Русинов Игорь Анатольевич, адъюнкт Казанского юридического института МВД России

e-mail: rusinov.igorek@mail.ru

© Русинов И.А., 2016

Статья получена: 19.01.2016

- уничтожение других учетных документов, которые отражающих экономические действия юридического лица либо индивидуального предпринимателя;

- фальсификация (подделка) документов бухгалтерской отчетности;

- фальсификация (подделка) других учетных документов, которые отражают экономические действия юридического лица либо индивидуального предпринимателя.

В связи с этим всю общность обозначенных в Кодексе действий можно условно объединить с учетом характера деяний: сокрытие, отчуждение, передача, уничтожение, подделка (фальсификация).

Глагол «сокрыть» имеет значения: 1) утаить, чтобы кто-либо не смог найти; 2) спрятать, сделать незаметным [1, с. 713, 732]. В отношении сокрытия имущества в научной среде возникает множество сложных вопросов. Прежде всего, какое конкретно имущество может скрываться преступником? А также, может ли осуществляться сокрытие в виде бездействия? Изучение норм ст. 195 Уголовного кодекса дает основания считать, что под имуществом в анализируемой норме подразумеваются исключительно вещи, которые могут быть представлены движимыми и недвижимыми. На наш взгляд, сокрытие недвижимого имущества неосуществимо по причине самой сущности такого объекта прав (связь с землей имеет неразрывный характер). Из такого правила исключением, по нашему мнению, могут выступать только вещи, которые считаются недвижимостью по причине юридической фикции. Таковыми считаются морские и воздушные суда, суда внутреннего плавания, а также космические корабли (п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса РФ).

Необходимо учитывать, что владелец имущества может получать доход от его использования. В то же время, возможен вариант, когда какой-то актив должника отправляется во владение другому лицу на возмездной основе по уменьшенной арендной ставке (если сравнивать с рыночной) либо совсем безвозмездно. Получатель данного имущества аффилированное с бенефициаром должника лицо либо фирма-«прокладка» – сразу после получения данного имущества начинает получать с него доход на рыночных основаниях.

Например, в ходе практической деятельности автор встретил ситуацию, когда бенефициары должника, в отношении которого было открыто дело по поводу банкротства, передали организации, которая возглавляется свояченицей (женой брата руководителя должника), помещения в соответствии с договором аренды по уменьшенной ставке платы за аренду. В то же время арендатор почти сразу сдавал данные помещения бизнес-цен-

тра субарендаторам за сумму, которая минимум в 2 раза превосходит размер платы за аренду, которая выплачивается им собственнику-должнику. То есть бенефициары должника с целью недопущения добавления доходов от сдачи в аренду помещений, которые принадлежат должнику, а также дальнейшего их разделения между добросовестными конкурсными кредиторами придумали и осуществили криминальную схему, которая нанесла многомиллионный ущерб должнику и кредиторам.

Учитывая сказанное, считаем логичной точку зрения законодателя, который установил преступность, а также наказуемость передачи имущества должника во владение. В то же время стоит указать на важность правильного использования положений ч. 1 ст. 195 Уголовного кодекса с целью избежания смешения передачи во владение имущества с другими действиями, закрепленными в данной норме Кодекса.

Альтернативной характеристикой объективной стороны состава, который предусмотрен ч. 1 ст. 195 Уголовного кодекса, выступает отчуждение имущества должника [2, с. 433]. В соответствии с п. 1 ст. 235 Гражданского кодекса под отчуждением необходимо понимать основание окончания права собственности одного лица в пользу иных лиц. Отчуждение имущества бывает возмездным и безвозмездным. В то же время формулировка объективной стороны ч. 1 ст. 195 Уголовного кодекса не включает непосредственного указания на отсутствие имущественного предоставления в пользу отчуждаемого имущества. Так влечет ли такое решение законодателя криминализацию любого отчуждения имущества должника? Считаем, что не влечет данного последствия. В ситуации предоставления обоснованного материального возмещения имущественная область должника не испытывает каких-то отрицательных изменений. О противоположном можно говорить, когда отчуждение имущества осуществлено безвозмездно или в обмен на неравномерное встречное исполнение, или по возмездной сделке, которая предусматривает равномерное исполнение, но при отсутствии такового фактически. Озвученное дает основания для вывода о том, что криминальное отчуждение имущества должника связано с осуществлением сделок, условия которых, в первую очередь ценовые, изначально для него невыгодны. В то же время отметим, что сделке по отчуждению имущества может быть придан внешне экономически логичный вид. Так, приговор Пошехонского районного суда Ярославской области по делу № 1-26/2011 от 02.06.2011 г. Ч. признал виновным в незаконном отчуждении имущества организации, в отношении которой было открыто дело о банкротстве.

Кроме того, суд установил, что Ч. с целью осуществления преступного умысла осуществил оценивание отчуждаемого имущества, итогом которой выступило изменение его реальной рыночной цены.

В законе о банкротстве от 2002 года присутствует описание составов, которые именуется подозрительными сделками должника. Такое законодательное регулирование дает возможность не только решать проблемы оспаривания сделок в пределах арбитражного процесса, но и выступает важным ориентиром в ходе квалификации каких-либо деяний в качестве преступлений. В п. 2 ст. 61.2 данного закона дается легальная трактовка того, что необходимо понимать под неравномерным встречным исполнением. Таким считается любая передача имущества либо другое выполнение обязательств, в случае когда рыночная цена переданного должником имущества либо выполненного им другого исполнения обязательств значительно превышает цену полученного встречного выполнения обязательств, установленную с учетом обстоятельств и условий данного встречного выполнения обязательств. Отметим, что в Законе о банкротстве имущество представлено в том значении, которое закреплено в ст. 128 Гражданского кодекса, что является подтверждением законности довода о важности внесения изменений в ч. 1 ст. 195 Уголовного кодекса, которые устранят противоречия в Уголовном кодексе и гражданском законодательстве.

Вопрос понимания термина «имущество» в отношении уголовно-наказуемого отчуждения проступает и в моментах допустимости квалификации в виде данных действий получения должником по заведомо завышенной стоимости имущества. Отдельные авторы допускают такую уголовную трактовку данных сделок [3, с. 127; 4, с. 91]. В данном случае под имуществом должника понимаются деньги. Мы считаем, что оправданно то, что по своим отрицательным экономическим итогам сделки по приобретению сравниваются с отчуждением определенного ценного имущества должника. В то же время необходимо иметь в виду, что покупка реализуется не за деньги, а денежные средства, если отталкиваться от ст. 195 Уголовного кодекса, имуществом не выступают.

Значит, покупка по изначально завышенной стоимости какого-либо имущества не может выступать в качестве незаконных деяний при банкротстве.

Дискуссионным в науке уголовного права представляется вопрос о возможности квалификации передачи активов должника в уставный капитал иных организаций в форме отчуждения имущества. И.Ю. Михалев считает, что не выступает уголовно-наказуемым действием передача в уставный капитал имущества, оцененного в ходе передачи по своей рыночной стоимости [4, с. 92].

В виде аргумента в поддержку этой точки зрения выдвигается мнение о том, что, направляя имущество в уставный капитал, к примеру, ООО и в то же время прерывая свое вещное право собственности, лицо в то же время получает имущественные права, сравнимые со стоимостной оценкой его части в уставном капитале. Другими словами, актив должника в денежном выражении каких-либо отрицательных изменений не принимает. В то же время можно встретить мнение, что перемещение в уставный капитал имущества безапелляционно воспринимается в виде незаконного отчуждения [3, с. 127].

На наш взгляд, в данном случае следует избегать однозначных мнений «за» и «против». Определение передачи имущества в уставный капитал других организаций в виде отчуждения в понимании ч. 1 ст. 195 Уголовного кодекса вызовет отрицательные экономические последствия, которые отражаются в уменьшении инвестиционной активности. В то же время нельзя не обратить внимание на тот факт, что для актуального гражданского оборота характерны сделки, которые нацелены на вывод активов и формирование видности законного приобретателя.

Причем существование данных сделок признает Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, который время от времени издает рекомендации, направленные на гражданско-правовое воспрепятствование данным сделкам (к примеру, пункты 8, 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 г. № 126 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения»). Помимо этого, непосредственно в Законе о банкротстве от 2002 года под отчуждением имущества подразумевается не только осуществление какой-то одиночной сделки, но и осуществление нескольких связанных между собой сделок (абз. 3 п. 2 ст. 61.2). В отношении данного вопроса вполне реальны ситуации, когда имущество отправляется в уставный капитал связанной организации, после чего практически мгновенно отчуждается третьим лицам, а связанная организация ликвидируется. С учетом этого, считаем важным квалифицировать по ч. 1 ст. 195 Уголовного кодекса направление имущества в уставный капитал связанной с должником организации, соседствующее с дальнейшим осуществлением взаимосвязанных сделок по отчуждению данного имущества и формированием условий для невозможности устранения кредиторской задолженности за счет данного имущества либо его ценового эквивалента (доли в уставном капитале).

Считаем, что передача собственности во владение, а кроме того, в пользование другим лицам

вовсе не ведет к снижению конкурсной массы должника, в силу того что владение и пользование выступают лишь отдельными правомочиями. При этом выбытие какого-либо имущества из структуры актива должника, а значит, и окончание права собственности возможно исключительно в ситуациях уничтожения, отчуждения, потребления вещи, а также в других закрепленным гражданским законодательством ситуациях. Стоит заметить и то, что Закон о банкротстве от 2002 года закрепляет дополнительные гарантии гарантирования интересов должника, с учетом которых внешний управляющий на протяжении 3 месяцев с момента введения внешнего управления имеет право отказаться от выполнения договоров и других сделок должника (п. 1 ст. 102). При этом данный отказ может быть выдвинут исключительно в отношении сделок, которые не выполнены сторонами частично или полностью, если данные сделки мешают восстановлению платежеспособности должника либо если выполнение данных сделок вызывает убытки для должника в сравнении с такими же сделками, заключенными при схожих обстоятельствах (п. 2 ст. 102). Такое право внешнего управляющего связано с необходимостью гарантирования ключевых целей внешнего управления: восстановления платежеспособности должника и удовлетворения требований конкурсных кредиторов [5, с. 390]. Помимо этого, таким же правом обладает и конкурсный управляющий (п. 2 ст. 129).

Многие юристы приходят к заключению о том, что сделки по передаче имущества во владение другим лицам не наносят серьезного вреда охраняемым общественным отношениям и поэтому их криминализация не требуется.

Альтернативной характеристикой объективной стороны состава, который предусмотрен ч. 1 ст. 195 Уголовного кодекса, также выступает ликвидация (уничтожение) имущества, бухгалтерских и других учетных документов. Под уничтожением имущества, а также обозначенных документов необходимо понимать определенное внешнее воздействие на них, в итоге которого документы (имущество) целиком прекращают свое физическое существо-

вание (растворение в кислоте, сожжение, полное и невозможное разрушение) или приводятся в полную негодность для применения по прямому назначению, невозможно восстановить [6, с. 290].

В итоге, фальсификацией (подделкой) бухгалтерских и других учетных документов представляются деяния лица, которые направлены на нанесение вреда интересам должника, а кроме того кредиторов и государства. Актуален вопрос: что именно фальсифицирует злоумышленник? Состав документа (материальный подлог), либо его содержание (интеллектуальный подлог), либо сразу оба момента? В науке уголовного права отсутствует определенный ответ на такой вопрос. Одни авторы считают, что возможен материальный и интеллектуальный подлог [7, с. 266]. На наш взгляд, точка зрения И.Ю. Михалева является более корректной. Он считает, что стоит учитывать те задачи, которые устанавливает перед собой лицо, осуществляя такое деяние. Ими могут выступать деяния по искажению информации по поводу имущественного состояния должника [11, ст. 95]. Соответственно, подделка в любом случае ведет к интеллектуальному подлогу. При этом нельзя исключать момент, что интеллектуальный подлог будет соседствовать с подлогом материальным. То есть фальсификация формы приобретает факультативный характер.

Добавление требований в реестр выполняется арбитражным судом, который изучает заявление кредитора по этому поводу и анализирует его обоснованность. В то же время должник не лишен возможности выдвижения протеста против добавления требований кредитора в реестр. То есть определение арбитражным судом объема требований кредиторов и добавление их в обозначенный выше реестр, по сути, представляет бессмысленными любые деяния по утаиванию имущественных обязательств. Напротив, судебная проверка логичности притязаний кредиторов, выполняемая в пределах состязательного процесса, вынуждает должника заявить протесты в отношении их обоснованности, а значит, и подавать в арбитражный суд необходимые доказательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2008.
2. Римское частное право / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 2006.
3. Горелик А. С., Шишко И. В., Хлупина Г. Н. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998.
4. Михалев И. Ю. Криминальное банкротство. М.: Юридический центр-Пресс, 2001.
5. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». Постатейный / под ред. В. Ф. Попондопуло. М., 2011.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015.
7. Уголовное право. Особенная часть / под ред. И. В. Шишко. М., 2012.

УДК 159.9.078

Е.В. Авдеева

**ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССА
КОМПЬЮТЕРНОЙ ПСИХОДИАГНОСТИКИ НА БАЗЕ
АВТОМАТИЗИРОВАННОГО РАБОЧЕГО МЕСТА ПСИХОЛОГА
ОВД PSYCHOTEST**

В статье рассмотрены возможности автоматизированного рабочего места психолога PsychoTest и особенности его использования при проведении психодиагностических обследований личного состава органов внутренних дел.

Ключевые слова: компьютерная психодиагностика, автоматизированное рабочее место психодиагностика PsychoTest («Психотест»).

В настоящее время наблюдается высокая активность в области совершенствования методологии, методик и организации работы с личным составом органов внутренних дел (ОВД) [7, с. 98–102]. Ведомственная психологическая практика все больше ориентируется на результативность и экономичность психологической работы, повышение объективности соответствующих обследований. Более того, именно информационно-технический прогресс в современном российском обществе во многом обуславливает нововведения. Так, интенсивное развитие информационных технологий влияет на стиль и методику работы психологов, в частности, способствуя созданию и использованию психодиагностического инструментария, разработке новых методов психологического исследования и технологий их применения на базе современной вычислительной техники [1]. Компьютерные технологии постепенно превращаются из вспомогательных в обязательные средства психопрактики.

Основной задачей компьютерной психодиагностики можно считать обеспечение психологов ОВД качественными психодиагностическими инструментами, создаваемыми на базе новых информационных технологий. Среди различных инновационных инструментальных средств на первый план выходит автоматизированное рабочее место психодиагноста (АРМ).

Автоматизированное рабочее место психодиагноста – это психодиагностическая система, использующая ПЭВМ для решения задач организации психодиагностической работы (для хране-

ния, обработки, анализа, поиска информации), в первую очередь, для проведения психологического тестирования сотрудников ОВД по различным формам (с применением психофизиологических тестов, диалогового, адаптивного, игрового, дистанционного и мультимедийного тестирования).

В настоящее время существует достаточно большое число автоматизированных психодиагностических систем (выполненных в форме АРМ). Широкое распространение в ведомственной психопрактике получили такие из них, как автоматизированный комплекс «Мультипсихометр», многофункциональная (гибридная) компьютерная диагностическая система *Psychometric Expert*, диагностический комплекс *Effecton Studio*. Назначение этих и некоторых других программных продуктов (например, интегрированных в Internet-продукты) простирается от планирования и проведения психодиагностических обследований личности и групп до библиотек диагностических методик и электронных учебников, баз данных испытуемых, систем проведения научных исследований [2].

В настоящее время ПЭВМ в психодиагностике используется, главным образом, для создания автоматизированных версий отдельных методик. Большинство этих версий касается методик со стандартизированными вербальными и статическими невербальными стимулами, на которые испытуемый дает ответы закрытого типа. Переложение на компьютерную основу тестовых методик, ранее разработанных для ручного употребления и имеющих хорошо формализованную структуру, не представляет особой сложности. В данном случае

Авдеева Елена Владимировна, заместитель начальника отдела по работе с личным составом Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

e-mail: avdeevaelena4dk@mail.ru

© Авдеева Е.В., 2016

Статья получена: 02.07.2015

компьютер обеспечивает автоматическое предъявление (экспозицию) испытуемым тестовых заданий, выдает результаты в привычном для психодиагноста виде и ведет протокол эксперимента. Однако уже здесь наблюдается положительный для ведомственной психодиагностики эффект. Составляющие этого эффекта следующие: 1) оперативность получения результата; 2) снижение трудоемкости операций по обработке психодиагностических данных; 3) повышение точности обследования, исключение технических ошибок и влияния личностного фактора; 4) возможность проведения масштабных психодиагностических обследований. К числу неоспоримых преимуществ компьютерной психодиагностики также можно отнести универсальность оборудования, возможность генерации заданий, настройки условий психологического эксперимента, автоматизации тестирования, использования анимации, возможность фиксации дополнительных параметров (например, времени экспозиции каждого фрагмента стимульного материала, скорости реакций испытуемого и т.п.), оперативность обработки данных и расширенные возможности представления результатов [5].

Применение вычислительной техники способствует повышению уровня стандартизации условий психодиагностического обследования за счет единообразного инструктирования испытуемых и предъявления заданий, не зависящих от пола, возраста, степени привлекательности, настроения и предвзятости как психолога, так и самого обследуемого. Следует также учитывать, что конфиденциальность автоматизированного тестирования позволяет испытуемому быть более откровенным и естественным во время проведения компьютерной психодиагностики.

В ходе научных исследований Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя проводит большой объем работ по совершенствованию методического инструментария психодиагностики. Итогом научных исследований, проведенных в 2013–2015 гг., стала апробация автоматизированного рабочего места психодиагноста PsychoTest («Психотест»). В отличие от других аппаратно-программных комплексов АРМ, «Психотест» позволяет:

- осуществлять многоуровневую и развернутую интерпретацию психодиагностических данных (т.к. в процессе разработки АРМ достигнуто оптимальное взаимодействие между психологом-исследователем, психодиагностом и разработчиком программного обеспечения). Так, в зависимости от диагностической методики реализуется от двух до семи направлений интерпретации тестовых данных с представлением информации в вербальной,

числовой и графической формах. Организована выдача результатов психодиагностического обследования на дисплей или в печатном виде в форме профиля личности, графика или таблицы;

- исключить избыточную информацию, не относимую к деятельности ведомственного психолога (чем достаточно часто грешат компьютерные психодиагностические системы, разработанные для гражданской психопрактики);

- обеспечить функциональную специализацию программных продуктов и ориентацию на возможности конкретного диагностического инструментария;

- достичь широких возможностей настройки метрических характеристик обработки психодиагностических данных (например, в базе данных Пятифакторного психологического опросника хранятся более 20 наборов нормативных значений для разных категорий личного состава ОВД);

- обеспечить защиту персонифицированной психологически значимой информации.

В АРМ «Психотест» организован интеллектуальный интерфейс пользователя компьютерной методики, который включает возможность получения посредством диалога с ПЭВМ различных справок, разъяснений, рекомендаций по подготовке психодиагностического обследования и в процессе его проведения. Кроме перечисленных выше, психологу предоставляются качественно новые возможности организации компьютерного психодиагностического эксперимента (некоторые подобные функции имеются в продуктах «*Multimuncсихометр*» и *Psychometric Expert*). Так, можно использовать сложные алгоритмы обработки информации. Психологу, имеющему в распоряжении современный высокопроизводительный компьютер, становятся доступны более сложные операции с результатами тестирования, чем при ручном эксперименте (например, оперативная реализация широкого спектра различных трудоемких процедур для расчета шкал, индексов, вспомогательных показателей, для проведения диагностического анализа, связанного с поиском прецедентов в банке данных и т.д.). Реконструкция субъективного семантического пространства производится с помощью процедур кластерного и факторного анализа, а также алгоритмов многомерного шкалирования и масштабирования, требующих больших объемов вычислений.

АРМ «Психотест» представляет собой набор программно-реализованных процедур (однотипных экранных форм), выполняющих функции, обеспечивающие проведение полного цикла психодиагностического обследования. Позволяет проводить компьютерную психодиагностику с

помощью таких методик, как Калифорнийский психологический опросник, Пятифакторный личностный опросник, Профессионально-психологический опросник, методика аудиодиагностики Sequence [3; 4]. Программный продукт выполнен как приложение к операционной системе Windows (95/98/NT/XP/Vista). Пользовательский интерфейс, содержащий достаточное количество разнообразных меню и диалоговых окон, соответствует технологиям работы с Windows API-приложениями. Ниже по тексту настоящей статьи приведены примеры экранных форм.

Компьютерный психодиагностический инструментальный АРМ «Психотест» – это сложный программный комплекс, позволяющий психологам осуществлять психодиагностическое исследование испытуемого. В связи с этим остановимся на некоторых особенностях работы с ним.

1. Автоматическая установка программного продукта АРМ «Психотест», удобный пользовательский интерфейс (ориентированный на пользователя, недостаточно подготовленного к работе на ПЭВМ) сокращают время на обучение психолога и подготовку автоматизированного рабочего места к применению. Так, установка АРМ «Психотест» инициируется запуском файла Setup.exe, размещенного на установочном диске.

Процесс установки осуществляется в автоматизированном режиме. Директорией установки является каталог «C:\ PsychoTest» (по умолчанию). При необходимости можно изменить базовые настройки системы.

Для начала работы с программным комплексом в директории установки программы или через меню «Пуск» (\Программы \ PsychoTest \ ...) необходимо открыть соответствующий exe-файл, который позиционирует основную экранную форму АРМ «Психотест».

2. Автоматическое ведение протоколов психодиагностического обследования испытуемых обеспечивается соответствующей базой данных, в которой содержится не только библиографическая информация, но и сами результаты тестирования. Благодаря ведению базы данных пользователи имеют возможность накапливать информацию и при необходимости использовать ее, например, для дальнейшей статистической обработки в пакетах типа SPSS или Statistica, создания своих психодиагностических шкал и т.д.

При большой численности тестируемых удобство поиска сведений в базе данных обеспечивается режимом сортировки, который осуществляется по следующим атрибутам: «фамилия», «имя», «отчество», «год рождения», «должность».

Программный комплекс позволяет организо-

вать и вести две базы данных: 1) действующую базу данных (активно используется в работе); 2) дополнительную базу данных (хранит сведения об испытуемых, используемые достаточно редко, например, данные о сотрудниках, выбывших из данного подразделения, ушедших на пенсию и т.п.).

3. Режим компьютерного тестирования предполагает предъявление инструкции, стимульного материала, а также фиксацию ответов испытуемого. С точки зрения компьютерной реализации этих процедур, возможно несколько вариантов. Первый вариант заключается в том, что испытуемый выполняет тестирование на стандартных бланках, которые затем вводятся психологом в ПЭВМ. Другой вариант – испытуемый выполняет в диалоговом режиме (желательно, чтобы испытуемый имел хотя бы начальные навыки владения компьютером).

4. Обработка результатов психодиагностического обследования предполагает получение тестовых данных («сырых» баллов, стандартизованных шкальных оценок: Т-балл, стен, станайн и т.д.) с помощью заранее известных предписаний. Реализация алгоритмов обработки результатов тестов значительно ускоряет и упрощает работу психолога, позволяя ему тратить больше времени на сотрудников, а не на обработку тестов.

5. Визуализация тестовых данных осуществляется в числовом, табличном и графическом форматах.

6. Интерпретация результатов психодиагностического обследования. Программный комплекс составляет проект заключения проведенного психологического обследования. Результаты экспортируются в файл формата Microsoft Word для последующей адаптации (коррекции) к задачам, стоящим перед психологом. Возможен экспорт результатов психодиагностического обследования в файлы формата Microsoft Excel.

Особое преимущество АРМ «Психотест» состоит в том, что данный программный продукт распространяется среди психологов ОВД бесплатно. По всем методикам, реализованным в данном комплексе, имеется соответствующая учебно-методическая литература.

Приведенные аспекты не исчерпывают всех возможностей программного комплекса. Качество психодиагностического измерения, удобство использования АРМ и технологичность работы с ним обусловили востребованность данного программного продукта у ведомственных психологов. Область применения АРМ «Психотест» во многом определяется соответствующими диагностическими методиками, а именно – изучение личности кандидатов на службу в ОВД, сотрудников в период адаптации к новому месту службы, сотрудников, перемещаемых на различные долж-

ности, руководителей и сотрудников, состоящих в резерве кадров на выдвижение, сотрудников, нуждающихся в дополнительном внимании со стороны психолога, сотрудников при их закреплении и допуске к несению службы с оружием, сотрудников, командируемых для выполнения задач в экстремальных условиях[6].

Диагностика на базе автоматизированного рабочего места психолога «Психотест» прошла апробацию в большинстве региональных психологических служб. По примерным подсчетам, в настоящее время общее количество сотрудников ОВД, обследованных с помощью программных продуктов АРМ «Психотест», превысило 20 тыс. человек.

Автоматизация психодиагностических обследований – неотъемлемое слагаемое успеха деятельности психолога ОВД: оперативность получения результата о проведенном обследовании, снижение трудоемкости операций по обработке психодиагностических данных, повышение точности и объективности результатов, исключение технических ошибок и влияния личностного фактора, повышение производительности труда, компактность, компьютерных психодиагностических систем. Разработка и применение АРМ «Психотест» позволяет обеспечить психологов ОВД качественным психодиагностическим инструментарием, созданным на базе новых информационных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мальцева Т. В. Диагностика внутриличностного конфликта профессионального становления будущих специалистов МВД России: методическое пособие. М.: Московский университет МВД России, 2006. 116 с.
2. Психологическая диагностика личности сотрудников полиции с использованием автоматизированного комплекса «Мультитсихометр»: учебно-методическое пособие / А. В. Мовчан и др. Домодедово: ВИПК МВД России, 2012. 359 с.
3. Петров В. Е. Калифорнийский психологический опросник и особенности его применения в современной психодиагностической практике: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2009. 131 с.
4. Петров В. Е. Психологическая аудиодиагностика сензитивности у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2012. 48 с.
5. Петров В. Е. Психологическая диагностика профессионально важных качеств руководителей органов внутренних дел на основе компьютерных технологий: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2001. 250 с.
6. Сепиашвили Е. Н. Психологические проблемы профессионального становления будущих специалистов / Е. Н. Сепиашвили // Образование. Наука. Научные кадры. М.: Юнити-Дана, 2014. № 1. 230 с.
7. Уразаева Г. И. Стратегия психологической подготовки сотрудников полиции в процессе профессионального обучения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 2 (8).

УДК 351.74

А.С. Нефедьев

**О ВЛИЯНИИ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ
ПРЕСТУПНИКА И ЕГО ЖЕРТВЫ НА РАСКРЫТИЕ УБИЙСТВ
ПРОШЛЫХ ЛЕТ**

В статье анализируется современное состояние раскрытия убийств прошлых лет. Автор акцентирует свое внимание на характеристике личности преступника и его жертвы, имеющих существенное значение при раскрытии преступлений данной категории.

Ключевые слова: убийства прошлых лет, раскрытие, характеристика личности, преступник, жертва.

Одной из основных задач, стоящих перед подразделениями уголовного розыска (далее – УР) ОВД является раскрытие убийств, в том числе прошлых лет. Если с раскрытием преступлений текущего периода ситуация в целом по стране более или менее стабильная, то с преступлениями, перешедшими в категорию прошлых лет, оставляет желать лучшего. Так, по данным ГИАЦ МВД России, остаток нераскрытых убийств, следствие по которым на начало отчетного периода приостановлено, составил: в 2009 – 90212, в 2010 – 90428, в 2011 – 90198, в 2012 – 90705, в 2013 – 90923.

Количество преступлений, уголовные дела, по которым возобновлены производством, составило: в 2009 – 1784, в 2010 – 2090, в 2011 – 1431, в 2012 – 1524, в 2013 – 1351.

Количество преступлений, уголовные дела по которым расследованы и направлены в суд либо прекращены по нереабилитирующим основаниям: в 2009 – 879, в 2010 – 867, в 2011 – 779, в 2012 – 691, в 2013 – 570.

Снято с учета: в 2009 – 1641, в 2010 – 1580, в 2011 – 628, в 2012 – 904, в 2013 – 563, в том числе за истечением сроков давности уголовного преследования: в 2009 – 1510, в 2010 – 1465, в 2011 – 532, в 2012 – 673, в 2013 – 472[1].

Данные результаты свидетельствуют о том, что в целом по стране за последние пять лет отмечается устойчивая тенденция увеличения количества нераскрытых убийств. Напротив, обратная тенденция отмечается по преступлениям, уголовные дела по которым направлены в суд либо прекращены по нереабилитирующим основаниям. Отрадно лишь

то, что преступлений, снятых с учета за истечением сроков давности, с каждым годом становится все меньше и меньше. Вместе с тем их количество все еще остается на высоком уровне.

В данной статье мы уделим внимание характеристике личности преступника и его жертвы, так как она имеет существенное значение при раскрытии преступлений данной категории.

Ведущие ученые в области криминологии отмечают, что успешное предупреждение преступлений возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность – носитель причин их совершения, и поэтому можно сказать, что эта личность является основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения [2, с. 8].

Различают понятия субъекта и личности преступника. Оба термина относятся к лицу, совершившему преступление. Однако содержание и уголовно-правовое значение этих понятий не совпадают.

Традиционно личность преступника определяется тремя группами признаков:

- социально-демографические (пол, возраст, образование, семейное положение и т.д.),
- уголовно-правовые (сведения о судимости, единоличном или групповом характере совершенных преступлений, его роли в преступной группе и т.д.),
- нравственно-психологические свойства (взгляды, убеждения, ценностные ориентации и т.д.) [3].

Убийцы – это чаще всего импульсивные люди с высокой тревожностью и высокой эмоциональной возбудимостью, для которых в первую оче-

Нефедьев Алексей Станиславович, старший преподаватель кафедры ОРД ОВД Нижегородской академии МВД России

e-mail: asn1976@list.ru

© Нефедьев А.С., 2016

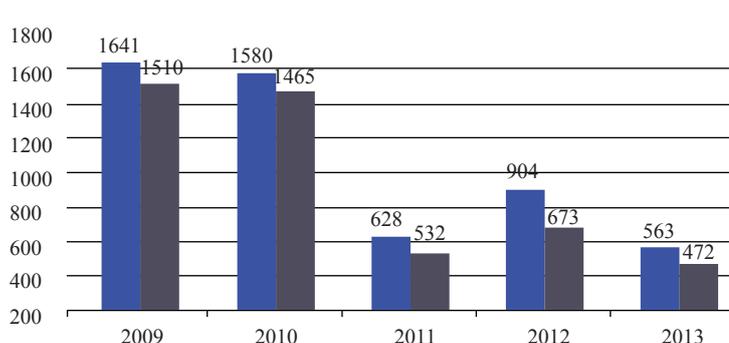
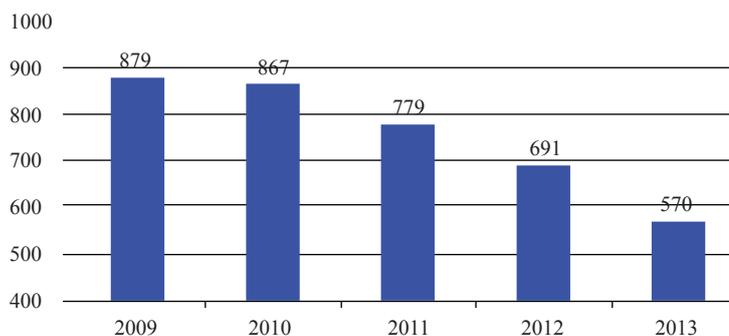
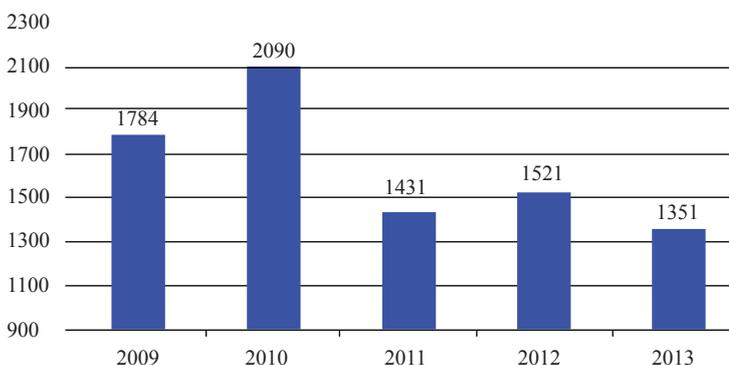
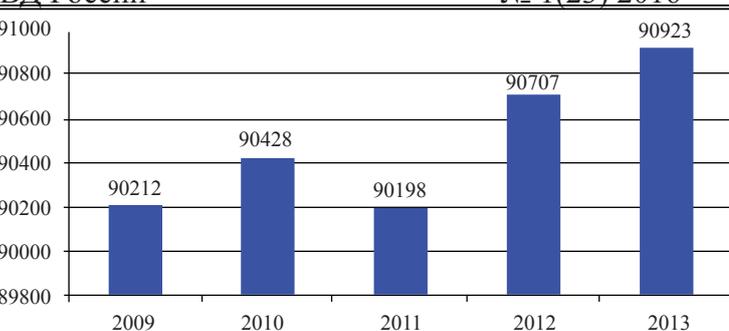
Статья получена: 07.10.2015

редь важны собственные переживания и интересы и у которых не сформирована установка относительно ценности жизни другого человека [2, с. 65].

Проведенным исследованием установлено, что большинство лиц совершивших анализируемые преступления, были мужчины – 82,3% и 17,7% – женщины. Такая существенная разница является косвенным доказательством давно устоявшегося в литературе мнения, что женщины, как правило, применяют агрессию для «выплескивания» накопившихся негативных эмоций как средство снятия стресса; мужчины чаще относятся к агрессии как к инструменту получения материальной и социальной выгоды, как к способу достижения конкретной цели. Поэтому вполне закономерно, что женщины в большинстве своем совершают убийства на почве семейно-бытовых конфликтов, где существенную роль играет длительное психотравмирующее поведение самих потерпевших, в лице которых обычно выступают мужья, сожители, родственники. Неразрешенные в течение длительного периода времени конфликты, развивающиеся на семейно-бытовой почве, приводят к виктимизации членов семьи [4, с. 122].

Возраст является важным признаком, характеризующим личность преступника. С возрастом происходят изменения в организме и психике человека. По мере накопления жизненного опыта преобразуются социальные связи, представления о себе и об окружающей среде, потребности, желания, стремления и формы их удовлетворения, что неизбежно находит отражение в криминальной активности [5, с.119]. Так, в ходе исследования установлено, что 44,1% убийств совершены лицами в возрасте от 30 до 50 лет, 37,4% – лицами в возрасте от 18 до 30 лет, 15,3% – лицами в возрасте свыше 50 лет и 3,2% – лицами в возрасте до 18 лет.

Существенный отпечаток на поведение личности накладывает уровень образования, поскольку он, с одной стороны, формирует у индивидуума определенные жизненные ориентации, а с другой – свидетельствует о способности человека адаптироваться к существующим социальным канонам [6, с. 52]. Исследование показало, что 3,9% лиц, совершивших убийство, имели высшее образование, 21,7% – среднее профессиональное и неоконченное

высшее, 34,8% – начальное и основное общее и 39,6% – среднее общее.

Семья традиционно рассматривается в качестве антикриминального фактора. Семейное положение, как и образование, оказывает существенное влияние на формирование взглядов, интересов, нравственных ценностей, потребностей и интересов человека, а наличие (или отсутствие) супружеских конфликтов, а также нравственно-психологический климат в семье оказывает существенное влияние на поведение личности [7, с.6]. Исследованием установлено – 84,7% лиц, совершивших убийство, не имели семьи.

В ходе исследования было установлено, что для пре-

ступников данной категории характерен рецидив преступлений. Так, 52,3% лиц, совершивших убийства, были ранее судимы, из них 42,7% имели одну судимость, 27,3% - две судимости, а остальные - три.

При этом в криминологии следует руководствоваться фактическим понятием рецидива преступлений, к которому относятся все преступления, совершенные лицами, ранее совершавшими преступления, в случае если прежние преступления становились известными правоохранительным органам и имело место основанное на законе реагирование на них [8, с. 74].

Алкоголизм, наркомания и токсикомания служат одним из важных условных факторов, способствующих совершению преступления... [9, с. 84]. Пьянство, наркомания, алкоголизм выполняют в системе детерминант преступлений криминально-провоцирующую либо криминоформирующую роли. В первом случае они, как внутреннее условия, высвобождают криминогенную мотивацию. Во втором - оказываются или внутренними условиями, или сопричинами (сомотивами) преступлений (например, при хронической токсикомании) [10, с. 83]. Опаивание снимает внутренние запреты, уничтожает то, что привито человеку цивилизацией и возвращает, образно говоря, в состояние дикости... Еще одна функция опьянения при совершении убийства: оно способствует забыванию содеянного, вытеснению в бессознательное психотравмирующих воспоминаний и переживаний о совершенном убийстве [2, с. 123]. Исследование показало, что 65,7% лиц, совершивших убийства, злоупотребляли алкоголем и при совершении убийств находились в состоянии алкогольного опьянения.

Кроме того, в ходе исследования было установлено:

- 78,6% преступников на момент совершения преступления не работали или имели временную работу, 12,8% - были наемными работниками, 2,3% - учащимися или студентами, 1,4% - служащими, 0,7% - предпринимателями, 4,2% - пенсионерами;

- 82,1% лиц, совершивших убийство, являлись местными жителями, 2,3% - жителями другого региона, 12,9% - лицами без определенного места жительства, 2,7% убийств совершено иностранцами.

Группой лиц, в том числе по предварительномуговору, совершено 3,7% убийств.

Характеристика личности жертвы, по нашему мнению, также имеет существенное значение при раскрытии рассматриваемых преступлений. Мы придерживаемся мнения профессора Д.В. Ривмана о том, что данные виктимологического характера имеют значение не меньшее, чем информация о пре-

ступниках. Роль жертв в возникновении, развитии ситуаций преступлений часто очень значительна, а следовательно, необходим анализ криминологически значимых ролей жертв и учет всех виктимологических обстоятельств как исходной базы для конкретных выводов частного (по отдельным уголовным делам) и обобщенного (тактико-методического) характера [11, с. 48]. Виктимность определенного лица есть не что иное, как реализованная преступным актом предрасположенность, вернее, способность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления или, другими словами, неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима [12, с.10].

Профессор Ю.М. Антонян отмечает, что конкретные лица могут быть предназначены стать жертвой преступления в силу, во-первых, своих психологических и поведенческих особенностей, во-вторых, ролевой специфики и групповой принадлежности. В том и в другом случае поведение может быть «виновным» либо «невиновным», иными словами, человек может обладать «виновной» либо «невиновной» предрасположенностью стать жертвой преступления. Психологическая предрасположенность стать жертвой предполагает наличие таких личностных черт, как излишняя доверчивость, неосмотрительность, повышенная вспыльчивость и раздражительность, агрессивность, а в поведении - склонность к авантюрным, наглым, несдержанным поступкам. К этой же группе нужно отнести тех, кто, обладая психологической предрасположенностью, ведет определенный образ жизни, вращаясь среди тех, кто представляет для них опасность. Это - бродяги, проститутки, наркоманы, алкоголики, профессиональные преступники [13, с. 205].

В юридической литературе предложены различные виды типологизации виктимности [6, с. 69-70]. По нашему мнению, наиболее полно отражает свойства индивида, способствовавшие его виктимизации от убийства, типология виктимности, предложенная В.Я. Рыбальской:

1) виктимность как совокупность социально психологических свойств личности, связанных с особенностями социализации последней (викимогенная деформация личности);

2) «безличное» свойство, обусловленное выполнением некоторых социальных функций (профессиональная виктимность);

3) биофизическое свойство личности (престарелый, малолетний возрасты). Сюда следует отнести также гендерные отличия жертвы [14].

При этом следует особо отметить, что все типы виктимности существуют в двух формах: потенциальной и реализованной, то есть проявившейся в

причинных или обуславливающих связей механизма совершения преступления в отношении лица, обладающего потенциальной виктимностью [15].

Однако не только степень виктимности может увеличивать риск виктимизации. Поведение жертвы, как показывает практика, нередко служит толчком к совершению убийства. Интенсивность воздействия потерпевшего на преступника подчас настолько высока, что в ряде случаев приводит лиц, не имеющих устойчивой антиобщественной установки, к совершению убийства [16].

Анализируя виктимологическое поведение, профессор Д.В. Ривман выделяет пассивный, замкнутый, нейтральный и толчковый его типы. Толчковое поведение разделяется на два подвида: провоцирующее и положительное [17].

Проведенным исследованием установлено:

- в 64,2% убийств жертвами становились мужчины, в 35,8% – женщины;

- около 30% всех жертв убийств злоупотребляли алкоголем или при совершении преступления находились в состоянии алкогольного опьянения;

- в 33,1% убийств жертвами становились лица в возрасте свыше 50 лет, 26,3% – лица в возрасте от 30 до 50 лет, 24,9% – лица в возрасте от 18 до 30 лет и 15,7% – лица в возрасте до 18 лет;

- 14,3% жертв убийств имели высшее образование, 26,1% – среднее профессиональное и неоконченное высшее, 59,6% – начальное, основное общее и среднее общее;

- 29,7% жертв убийств на момент совершения преступления не работали или имели временную работу, 25,8% были наемными работниками, 7,6% – учащимися или студентами, 12,9% – служащими, 5,4% – предпринимателями, 18,6% – пенсионерами;

- 43,9% жертв убийств состояли в официальном либо гражданском браке, 18,6% – проживали

с родителями, 37,5% – холостые и разведенные;

- в 78,3% убийств жертвы являлись местными жителями, в 5,9% – жителями других регионов, в 14,8% – лицами без определенного места жительства. В пределах 1% убийств жертвами являлись иностранцы.

Обобщая полученные результаты, мы имеем портрет предполагаемого преступника и его жертвы. Так, убийца – это местный житель (82,1%), мужчина в возрасте 18 до 50 лет (44,1% – в возрасте от 30 до 50 лет, 37,4% – от 18 до 30 лет), имеющий начальное, основное общее или среднее общее образование (34,8% и 39,6%), не имеющий семьи (84,7%), злоупотребляющий алкоголем (65,7%), безработный или временный работник (78,6%).

Жертвой преступления является местный житель (78,3%), мужчина (64,2%) в возрасте от 18 и выше (33,1% – в возрасте свыше 50 лет, 26,3% – от 30 до 50 лет, 24,9% – от 18 до 30 лет), имеющий среднее профессиональное и неоконченное высшее или начальное, основное общее и среднее общее образование (26,1% и 59,6%), не имеющий на момент совершения преступления постоянной работы или имеющий временную работу либо был наемным работником (29,7% и 25,8%).

Изучение данных характеристик личности преступника и жертвы во многом будет способствовать раскрытию убийств, уголовные дела о которых приостановлены. Использование данных обобщенных сведений позволит сотрудникам подразделений УР ОВД правильно оценить происшедшие события, выдвинуть соответствующие версии, спланировать необходимые оперативные мероприятия, направленные на установление лица, совершившего преступление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт МВД России. URL: http://mvd.ru/upload/site1/document_file/H8NGnfdiEу.pdf (дата обращения: 12.02.2014).
2. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника: криминологическое исследование. М.: Норма-Инфра-М, 2010.
3. Личность преступника / под ред. В. Н. Кудрявцева, Г. М. Миньковского, А. Б. Сахарова. М.: Юридическая литература, 1975. С. 31–37; Берекашвили Л. Ш. Общая криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления. Вып. 1. М.: ВНИИ МВД СССР, 1976. С. 9–28; Антонян Ю. М. Изучение личности преступника. М.: МВД СССР, 1982. С. 60; Кургузскина Е. Б. Учение о личности преступника. М.: ВНИИ МВД России, 2002. С. 120 и др.
4. Личность преступника / под ред. В. Н. Кудрявцева, Г. М. Миньковского, А. Б. Сахарова. М., 1975. С. 122.
5. Крайнева О. Л. Криминологическая характеристика форм криминального насилия: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 119.
6. Варанкина Ю. С., Ларичев В. Д. Криминологическая характеристика и предупреждение убийств, совершаемых на Дальнем Востоке: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 52.
7. Шестаков Д. А. Введение в криминологию семейных отношений. Л.: ЛГУ, 1980. С. 6.
8. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой, 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 74.
9. Пак П. А., Лихолат И. Г., Сущенко С. А. Криминология в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону, 2000. С. 84.
10. Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. М.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 83.

11. Ривман Д. В. Использование виктимологических данных в предупреждении преступлений / Вопросы профилактики преступлений. Л., 1980. С. 48.
12. Франк Л. В. О виктимологии и виктимности // Советское государство и право. 1976. № 4. С. 10.
13. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М., 2000. С. 205.
14. Рыбальская В. Я. Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 33. М., 1980. С. 33.
15. Коньшева Л. П. Опыт психологического исследования взаимодействия потерпевшего и преступника в криминальной ситуации // Проблемы борьбы с изнасилованием. М., 1983. С. 8.
16. Коновалов В. П. Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. М., 1982. С. 40; Минская В. С., Чечель Г. И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988. С. 34; Полубинский В. И. Криминальная виктимология. Что это такое? М., 1977. С. 43 и др.
17. Классификация криминогенных ситуаций в зависимости от качества личности и поведения потерпевшего от преступления // Вопросы теории и практики преступности. Л., 1972. С. 69.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 322.3 УК РФ). Макет учебного уголовного дела: учебно-практическое пособие / Ф.Р. Хисамутдинов и др.; под ред. Ф.К. Зиннурова. – Казань : КЮИ МВД России, 2015. – 150 с.

Учебно-практическое пособие включает в себя объединенные в макет уголовного дела образцы процессуальных документов с момента возбуждения уголовного дела и до составления обвинительного акта по делам, связанным с фиктивной постановкой на учет иностранного гражданина или лица без гражданства, по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации, составлен алгоритм действий дознавателя.

Учебно-практическое пособие предназначено для преподавателей, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, а также сотрудниками подразделений дознания для использования в ходе расследования вышеуказанных уголовных дел.

УДК 37.034

К.В. Бутинов

РОЛЬ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРА ПОЛИЦИИ

В статье рассматривается проблема развития гражданских качеств у будущих офицеров полиции в сложных условиях современных политических, экономических и социокультурных изменений в стране и в мире. Отмечается роль гражданских ценностей, и особенно патриотизма, в системе комплексной профессиональной подготовки и развития личных качеств офицера – защитника закона, конституционных прав и свобод, безопасности отечества. Предлагается использовать потенциал культурно-досуговых учреждений для мотивированного развития гражданско-патриотических качеств курсантов-будущих офицеров полиции.

Ключевые слова: гражданские ценности, защита отечества, личные качества офицера полиции, социализация, патриотизм, роль культурно-досуговых учреждений.

Офицер полиции, являясь защитником прав и свобод граждан, уполномочен противодействовать преступности, охранять общественный порядок, гарантировать общественную безопасность. Это предъявляет особые требования не только к его профессиональным качествам, но и к профессиональной культуре, к его морально-нравственным качествам и характеристикам. При этом следует признать, что в вузы МВД России даже при наличии соответствующего отбора приходят молодые люди, чье становление пришлось на трудные годы так называемого «реформирования», годы социально-политических и экономических изменений в России, наложивших свой отпечаток на все сферы жизнедеятельности, взаимоотношения и мировоззрение людей.

В этот период, во-первых, шло целенаправленное изменение ценностно-правовой, ценностно-нормативной и духовно-нравственной культуры общества. В сложившейся социальной среде интеллигентные и высоконравственные люди выглядели инородным явлением»; приветствовалась безнравственность, при этом наибольшего успеха в тот период России добивались «индивиды, адаптированные именно к ней и обладающие соответствующими качествами» [4, с. 10].

Во-вторых, активно насаждались (и, к сожалению, продолжают насаждаться) западная культура и западные ценности, являющиеся достаточно зна-

чимым противодействием социализации российской молодежи, так как активно пропагандируемые западными образцами культуры «принцип индивидуальности и принцип приоритетности личного <...> обретают основания и созидают новую социальность» [2, с. 30]. Коммерциализация всех отношений и процессов в обществе привела по сути к разрушению лучших проявлений духовности альтруизма и жертвенности во имя родины (что всегда было отличием русского офицера), так как западные идеология и культура по-прежнему ориентируют на утверждение приоритетности прагматизма, вседозволенности и потребительства как главных составляющих жизненного успеха. В связи с этим сложно себе представить, что прагматично-индивидуалистически и эгоистично ориентированный молодой человек, получивший образование в системе МВД для сферы «человек-человек», будет ответственно, активно, сознательно и на высоком уровне выполнять свои профессиональные обязанности.

Как справедливо отмечают Д.Н. Рыбин и И.С. Рыбина, «процессы «отчуждения» человека от результатов его труда не обошли стороной и будущих офицеров, обучающихся в вузах системы МВД России, которые также в большинстве своем являются частью молодого поколения нашей страны и испытывают на себе все глобальные социально-экономические изменения» [7, с.135]. Например, можно отметить стратегию избегания

Бутинов Константин Владимирович, старший преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Казанского юридического института МВД России
e-mail: tirlot@mail.ru

© Бутинов К.В., 2016

Статья получена: 25.01.2016

проблем и ухода от ответственности, попытки приобрести какие-то преференции, поступая не по совести, а по выгоде, желание «не служить», а «услужить». Хотя объективности ради следует заметить, что причиной этого могут являться не только особенности социализации современного молодого человека, но и жесткие сугубо дисциплинарно-уставные рамки, в которых оказывается курсант с самого начала своего обучения. И в то же время, исходя из отмеченного, можно констатировать, что все большую актуальность приобретает проблема пересмотра условий и форм профессионального образования, развития в вузах МВД России не только интеллектуального потенциала личности будущего офицера, но и аксиологического потенциала, который имеет не менее важное (а может, и большее) значение в профессиональной подготовке и достойной службе Отечеству. Говоря о личности человека, стоящего на защите отечества, не можем не привести слова В. А. Ядова, отмечавшего, что вершину иерархически организованной системы диспозиций любой личности образуют базовые ценностные ориентации как продукт воздействия всей совокупности условий жизнедеятельности [8].

Понимая под аксиологической компонентой облика сотрудника полиции характеристику личности с точки зрения гражданских приоритетов сознания и поведения, а также совокупность нравственных качеств, присущих людям данной профессии, можно признать, что одна из главных целей профессионально образования и воспитания сотрудников полиции, особенно офицерского состава, объектом труда которых является человек, есть, выражаясь словами Аристотеля, «воспитание достойного гражданина общества» [6]. Гражданские качества представляют собой высшую социальную ценность для развития общества и личности.

Применительно к будущим офицерам полиции это в нашем понимании не только готовность активно действовать при обеспечении правопорядка в стране, но и совокупность таких качеств, как патриотизм, гражданственность, чувство ответственности и уважения к закону, к каждому человеку, моральная чистота и интеллигентность, что отвечает всем требованиям социального заказа общества. Особенно важно в иерархии гражданских качеств будущего офицера как защитника конституционных прав и свобод чувство патриотизма, которое составляет духовно-нравственную основу личности, формирующую её гражданскую позицию и готовность к самоотверженному, вплоть до самопожертвования, служению России.

Патриотизм выступает на сегодняшний день сложным многогранным понятием и рассматрива-

ется как осмысленный человеком духовный аспект его гражданских качеств. Представая как своего рода опосредованная связь личностных качеств человека, его возможностей с требованиями социума, патриотизм выступает «системой определённых установок по отношению к себе как к субъекту служения Отечеству, а также определенной готовностью человека в этой связи к осознанной деятельности и поведению» [5, с.42]. Это значимо именно потому, что ценностные ориентации в сознании каждого человека выступают как конкретные социальные установки, выражающиеся в виде чувств и мотивов, ориентирующих личность на определенный тип поведения в конкретной ситуации. Говоря при этом о ценностях патриотизма, важно подчеркнуть, что их система соотносится с «интересами курсантов к нравственной тематике, к историческому наследию своей Родины, к ее героическому прошлому», которые в процессе целенаправленного воспитания, будучи окрашенными значимыми эмоциями, переходят на социогенный уровень в виде принимаемой иерархии ценностей, норм, идеалов, целей, интегрирующим моментом которых выступают осознанные «представления о высших интересах общества, активная реализация идеи нравственности, духовности, красоты, идеалов, служения Отечеству» [3].

В педагогической науке подчёркивается, что развитие ценностных ориентаций как системы смысловых отношений происходит, как правило, в контексте эмоционально-познавательной среды, под которой понимается совокупность педагогических элементов и условий, влияющих на воспитание и развитие личности через процесс совместной познавательной деятельности. В связи с этим воспитание патриотизма у курсантов вузов МВД России должно идти в рамках специально созданной и поддерживаемой в вузе обстановки эмоционального подъема восприятия и обсуждения гражданско-патриотических ценностей, совместной активной деятельности курсантов, «имеющей проблемно-рефлексивный характер» и «расширяющей опыт социально-профессиональных отношений» [1].

При этом важно так организовать эту совместную познавательную деятельность, чтобы через призму знаний, представлений и действий курсанты воспринимали окружающий мир в рамках добровольного свободного выбора гражданско-патриотических ценностей. Осознание возможности добровольного свободного выбора с опорой как на опыт предшествующих поколений, так и на личный опыт, собственные оценки и взгляды рождает у молодых людей чувство удовольствия, радости, душевного подъема. На основе именно такого отношения возникает осмыслен-

ное принятие духовно-нравственных ценностей, которые собирают курсантов в одно целое, объединяют их, создавая атмосферу положительного эмоционального настроения. Превращение на этой основе общих знаний и представлений в систему смысловых отношений к избранной профессии полицейского, ко всему окружающему миру в целом, к Отечеству обретает мотивированное индивидуальное значение для личности, для того или иного действия и поступка.

Особую значимость, на наш взгляд, приобретает совместная деятельность курсантов в рамках культурно-досуговых учреждений. Важнейшая особенность этих учреждений заключается в том, что при правильной организации их деятельности в свободное от учебы время они не только дают молодым людям специальный объем знаний, необходимых для будущего защитника Родины, формируют соответствующие умения и навыки, но и способствуют формированию коллектива единомышленников в осмыслении тех или иных гражданско-патриотических качеств. К примеру, обсуждение книг, где извращаются важнейшие события, причины и итоги Великой Отечественной войны (Б. Красильников «Разгром Советского Союза», А. Лебединцев и Ю. Мухин «Отцы-командиры» и др.), совместно с серией встреч с людьми, которые прошли эту войну, может стать основой серьезного разговора о том, кому и почему выгодно извращать роль Советского Союза, военнослужащих и их командиров, политических деятелей, всего народа в кровопролитнейшей войне XX столетия, как отстоять и сохранить духовные ценности защитников отечества. Через культурно-досуговые учреждения можно органи-

зовать также целенаправленную деятельность по воспитанию у курсантов желания подражать людям, проявившим себя и как сильные личности, и как настоящие патриоты.

Психолого-педагогическим обоснованием значимости культурно-досуговых учреждений для воспитания курсантов выступают, на наш взгляд, следующие факты:

- данная форма социальной деятельности всемерно привлекательна для молодых людей;
- создаются условия для самоопределения, самодетельности и самовоспитания;
- своеобразие социально-психологического микроклимата культурно-досуговых учреждений определяет качественную сторону межличностных отношений курсантов;
- свобода межличностных взаимоотношений выступает условием гражданской и патриотической социализации.

Таким образом, отмечая большую значимость патриотизма в системе гражданских качеств офицера полиции, можем констатировать, что воспитание соответствующих качеств может быть эффективным только в рамках взаимосвязанной педагогической системы, которая благоприятствует формированию личности гражданина-патриота. Исходя из этого утверждения, мы хотели бы подчеркнуть особую значимость педагогического потенциала культурно-досуговых учреждений, где через совместную патриотическую деятельность приобретаются опыт и убеждения и молодой человек полнее воспринимает смысл будущей профессиональной деятельности, осознанно воспринимает такие понятия, как «Родина», честь», «долг».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байдашева Е. Н. К вопросу о создании эффективной системы профессионального воспитания студентов вуза // Вестник ЧитГУ. 2008. № 5 (50). С. 9–11.
2. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: Изд-во РГГУ, 2000. 1008 с.
3. Деникин А. В., Сливин Т. С. Цивилизационно-культурные основания образования // Мир образования – образование в мире. 2012. № 2. С. 7–10.
4. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Нравственные проблемы современной России (вместо введения) // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2012. 413 с.
5. Климов С. Н., Музяков С. И. Творчество выдающихся философов России как фактор формирования патриотизма в вузе // Вестник Военного университета. 2012. № 1. С. 42–50.
6. Лосев А. Ф. Сочинения: в 9-и томах. М.: Мысль, 1993. Том 2: Очерки античного символизма и мифологии. 960 с.
7. Рыбин Д. Н., Рыбина И. С. Психолого-педагогические аспекты формирования готовности курсантов и слушателей вузов МВД России к профессионально-нравственной самореализации // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 1. С. 135–137.
8. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 92–105.

С.О. Кормильцева

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ И ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР

В статье исследуются положения уголовного закона, предусматривающие ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр, рассматриваются особенности предметов данного преступления, предлагаются возможные пути совершенствования анализируемой нормы.

Ключевые слова: азартная игра, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», уголовная ответственность.

Изучение исторической динамики развития азартных игр позволяет ставить вопрос о необходимости правовой регламентации этого явления как специфического института социального досуга с быстрым и повсеместным распространением среди широких слоев населения, оказывающим негативное влияние на здоровье и моральные устои населения [1, с. 135]. Так, в УК РФ гл. 22 «Преступления против экономической деятельности» была введена норма, предусматривающая уголовную ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр, неоднократно подвергавшаяся изменениям в соответствии с социальной необходимостью.

Диспозиция ч.1 ст. 171.2 УК РФ в качестве преступления предусматривает незаконную организацию и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также средств связи, в том числе подвижной связи, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игровой зоне.

Стоит отметить, что ряд понятий, таких как «Интернет», «подвижная связь», нашедших отражение в диспозиции ст. 171.2 УК РФ, не раскрыты на законодательном уровне, в связи с чем для определения объема информации, включенной в них, необходимо обратиться к отдельным нормативным правовым актам, в частности к Федеральному закону от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О

государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Данный нормативный правовой акт раскрывает термин *азартная игра* как «основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры» [2], что не в полном объеме отражает существенные правовые признаки азартной игры.

В правовой литературе мы также видим отсутствие единого подхода в понимании и определении азартной игры.

Русский правовед А. Лохвицкий под азартными играми понимал игры, «основанные на случае, то есть такие, при которых не может быть ни расчета, ни искусства, ни беспредельно меняющихся шансов на успех» [3, с. 454].

А.В. Матин, исследуя вышеуказанное понятие, пришел к выводу, что азартная игра – это соглашение, имеющее определенные правила, основанные на риске и направленные на приобретение имущественной выгоды каким-либо участником игры за счет другого участника при наступлении случайных условий, сопровождаемое эмоциональной интенсивностью и состязательностью [4, с. 10].

Г.Ф. Лукьяница утверждал, что под азартной игрой понимают «различные виды игр на деньги, вещи и иные ценности, выигрыш в которых зависит от случайного стечения обстоятельств, обусловлен-

Кормильцева Светлана Олеговна, адъюнкт Казанского юридического института МВД России

e-mail: s.efimova@list.ru

© Кормильцева С.О., 2016

Статья получена: 10.02.2016

ных правилами игры» [6, с. 6]. Он выделил признаки, характерные для азартной игры, в числе которых указал и материальный интерес игроков, и случайный характер результата игры, не зависящий от профессиональной подготовки и расчетов [7, с. 6].

Детальный анализ нормативно-правовой базы и литературы по интересующему нас вопросу позволяет нам сформулировать термин *азартная игра* по трем признакам: количество участников, наличие имущественной выгоды, оказываемое влияние. Таким образом, в предлагаемой нами формулировке «азартная игра» понимается как основанное на риске соглашение о выигрыше, преследующее цель получения имущественной выгоды одной стороной за счет другой, которое заключается между участниками игры (одним или несколькими) между собой либо с лицензированным организатором, где исход соглашения зависит от влияния случая, на наступление которого стороны имеют возможность оказывать влияние своими действиями.

В диспозиции статьи 171.2 УК РФ есть указание на то, что организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей возможно при помощи сети «Интернет». Однако законодатель не дает определения понятию «Интернет», но в связи с принятием Федерального закона №200-ФЗ от 11 июля 2011 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и действующих нормативных правовых актов термин *сеть «Интернет»* заменен термином *информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет»*, данное изменение дает право говорить о том, что «Интернет» является разновидностью информационно-телекоммуникационной сети.

В диспозиции ст. 171.2 УК РФ упоминается такой термин, как *подвижная связь*, определяемая в литературе как способ связи, при котором доступ к абонентским линиям осуществляется без использования кабеля, а связь с абонентским устройством осуществляется по радиоканалу [6, с. 241]. Стоит отметить, что в настоящее время назрела необходимость выработки однозначной законодательной дефиниции понятия «подвижная связь», поскольку ни в одном нормативном правовом акте не закреплено определения данного понятия, в связи с тем что на законодательном уровне сложно проконтролировать механизм реализации установленных запретов на практике, в том числе держать под контролем его соблюдение.

Согласно точке зрения А.А. Пионтковского, объектом преступления могут быть любые общественные отношения, которые находятся под охраной уголовного закона, поскольку совершае-

мое в нашей стране преступное деяние посягает прямо или косвенно на общественные отношения [7, с. 111]. В связи с этим также возникает необходимость юридически разъяснить, что стоит за непосредственным объектом преступления. В специальной литературе можно найти следующие подходы к определению этого понятия. Под непосредственным объектом преступления понимается общественное отношение, через призму которого возможно раскрыть общественно-экономическое значение преступления [8, с. 150]. Под непосредственным объектом признается благо (или общественное отношение), которое находится под охраной уголовного закона и против которого совершается посягательство, запрещенное уголовным законом [9, с. 66].

Рассматривая ст. 171.2 УК РФ, можно говорить о том, что основным непосредственным объектом таких преступлений признаются общественные отношения, складывающиеся в процессе организации и проведения азартных игр юридическими лицами на территории Российской Федерации с соблюдением требования законодательства [10, с. 84]. Однако дискуссионным остается вопрос о выделении Российской Федерации в качестве признака объекта преступления в связи с привлечением к уголовной ответственности лиц, незаконно организовавших игорный бизнес посредством сети Интернет. Данное утверждение основано на том положении, что онлайн-казино чаще всего регистрируется в оффшорных зонах, что позволяет уйти не только от уголовной ответственности, но и от налоговых выплат. Стоит отметить, что данная незаконная предпринимательская деятельность, реализуемая посредством сети Интернет, распространяется на лиц, обладающих статусом гражданина Российской Федерации, и является при этом незаконной. Также, принимая во внимание ч. 3 ст. 12 УК РФ, можно говорить о том, что данные действия не подпадают под объект преступления данной правовой нормы [11].

А.А. Лихолетов под дополнительным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, понимает отношения, возникающие в процессе регистрации юридического лица, получения им разрешения на ведение игорного бизнеса в игровой зоне и поступления налоговых отчислений в бюджет государства по мере реализации данной деятельности [10, с. 17].

М.И. Ковалев отмечает: «Объективная сторона состава преступления — это совокупность юридически значимых признаков, характеризующих внешнюю сторону преступного деяния» [12, с. 145].

Состав преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ «Незаконная организация и прове-

дение азартных игр» является формальным. Диспозиция данной нормы указывает на тот факт, что деяние совершается путем действия.

Уголовная ответственность наступает также при условии совершения действий вне игровой зоны, т.е. имеется обязательный признак объективной стороны преступления – место совершения. Согласно Федеральному закону от 29.12.2006 г. игорные зоны создаются на следующих территориях субъектов Российской Федерации: Республика Крым; Алтайский край; Краснодарский край; Приморский край; Калининградская область.

Мы полагаем, что перевод сферы игорного бизнеса в определенные игорные зоны был осуществлен с целью минимизации последствий, возникающих в процессе влияния азартных игр на нормальное развитие общества. Однако мы не исключаем факт поступления в бюджет государства новых финансовых средств, полученных в результате признания азартных игр незаконными на иных территориях, не предусмотренных законодателем.

На данный период сложно говорить об изменении динамики в положительную сторону. Увеличилось количество уголовных дел, направленных в суды, но результатом становится вынесение обвинительного приговора с мерой наказания в виде штрафа или условного осуждения, что позволяет лицам, привлеченным к уголовной ответственности, вновь реализовывать преступный умысел.

Представляем статистику количества зарегистрированных преступлений и количество дел, направленных в суд с обвинительным заключением либо обвинительным актом, а также количество выявленных лиц, совершивших преступления.

В уголовно-правовой литературе субъект преступления определяется как лицо, которое в случае совершения умышленного или неосторожного общественно опасного деяния способно нести уголовную ответственность, предусмотренную уголовным законом [13, с. 256].

Среди научного сообщества до сих пор ведутся дискуссии по поводу института субъекта преступления, в частности, спорными остаются вопросы, связанные с обоснованием целесообразности привлечения юридических лиц к уголовной ответственности; с основанием признания человека, совершившего преступление, вменяемым или невменяемым; с установлением возраста, с которого возможно привлечение к уголовной ответственности.

Наряду с этим научное сообщество выдвигает предложения по пересмотру норм Уголовного кодекса РФ в части привлечения к ответственности юридических лиц, объясняя данную позицию изменением тенденций развития общества [14, с. 12]. Уголовная политика, действующая на протя-

жении долгого времени, опирается на теоретические принципы, которые с трудом поддаются изменениям, однако социальная, экономическая, политическая ситуация в России требуют переоценки устаревших положений. Как отмечал И.И. Карпец, «не следует бояться того, что многие вносимые предложения окажутся неудобными на первых порах, а также непривычными и неожиданными» [15, с. 16].

В литературе были высказаны мнения, согласно которым решение данной проблемы состоит в разграничении субъекта преступления и субъекта уголовной ответственности. Такое предложение было внесено Б.В. Волженкиным, который основывался на том факте, что физическое лицо, обладающее сознанием и волей, способно совершить преступное деяние, однако привлекаться к уголовной ответственности могут как физические, так и юридические лица при стечении определенных обстоятельств, указанных в уголовном законе [16, с. 25].

А.Н. Трайнин также отмечал: «Одним лишь тем соображением, что юридическое лицо само действие совершить не может, еще не исчерпывается вопрос о его ответственности. Проблема должна ставиться иначе: возможно ли при определенных условиях перенесение на юридическое лицо последствий общественно опасных действий лиц физических, подобно тому, как это имеет место в отношении действий правомерных» [17, с. 245].

В связи с вышеизложенным считаем целесообразным поднять вопрос о необходимости введения уголовной ответственности для юридических лиц и признании их субъектами уголовной ответственности.

За преступления, предусмотренные ст. 171.2 УК РФ, уголовная ответственность наступает с шестнадцатилетнего возраста. В теории уголовного права некоторые авторы выражают точку зрения, согласно которой субъектами отдельных преступлений в сфере экономической деятельности могут быть лица, достигшие возраста 18 лет. Данное мнение обосновывается тем, что согласно гражданскому законодательству, а именно ст. 21 Гражданского кодекса РФ, дееспособность возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста [18, с. 9]. На наш взгляд, данная позиция представляется недостаточно убедительной в связи с тем, что лицо может получить полную дееспособность ранее 18 лет, например, по таким основаниям, как вступление в законный брак или в связи с вступлением в законную силу решения органа опеки и попечительства либо суда о признании лица полностью дееспособным. В соответствии с Гражданским законодательством ст. 27

Год	Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде	Количество дел, направленных в суд с обвинительным заключением либо обвинительным актом	Выявлено лиц, совершивших преступления
2013	106	46	88
2014	135	69	184
2015	705	205	370

ГК РФ дает право заниматься предпринимательской деятельностью эмансипированному лицу.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что увеличение возраста субъекта незаконной организации и проведения азартных игр до восемнадцати лет, по нашему мнению, нецелесообразно. Изменения возрастного ценза повлекут за собой новые факты совершения общественно опасных действий, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ, лицами, которым в силу возраста можно будет не опасаться уголовного преследования. В качестве исполнителей возможно привлечение как лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, так и совершеннолетних лиц, которые способны в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий. Наша задача повысить работоспособность данной правовой нормы, в то время как изменение возраста привлечения к уголовной ответственности приведет к снижению ее эффективности. Мы считаем, что наиболее действенными средствами по отношению к лицу, не достигшему возраста уголовной ответственности, являются меры воспитательного характера, психологической коррекции поведения, а также социальные молодежные программы, реализуемые государством в отношении несовершеннолетних.

Установление умысла на извлечение дохода необходимо при определении субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ. Основным мотивом совершения преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, является получение дохода. Незаконная организация и (или) проведение азартных игр осуществляются только с прямым умыслом. Данное положение подтверждает и судебная практика. Так, 12 мая 2014 года в г. Бийске был вынесен приговор о привлечении гр. М. к уголовной ответственности, предусмотренной п. «а» ч. 2 ст. 171.2 УК РФ за незаконную организацию и проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере. Суд установил, что гр. М. возло-

жил на себя обязанности по контролю за доходами игорных залов, а также сбору полученной выручки и дальнейшей реализации данных средств. Данным лицом был разработан документ определенной формы отчетности, который содержал в себе сведения о показаниях счетчиков каждой единицы игрового оборудования и разницу показаний, отражающую убыток или прибыль игрового автомата. За время незаконной организации и проведения азартных игр гр. М. извлек доход в размере 59 038 716 рублей, что подтверждает факт организации данного вида деятельности с прямым умыслом, направленным на получение дохода.

Охарактеризовав в нашем обзоре объективную и субъективную стороны преступления в сфере игорного бизнеса, а также объект и субъект данного вида преступлений, мы можем утверждать, что правильное правовое определение объекта преступления позволяет уточнить содержание и степень общественной опасности деяния, что способствует разрешению и иных споров, возникающих в процессе реализации данной правовой нормы.

Нами предложена уточненная редакция термина *азартная игра* по юридически значимым основаниям, что позволит избежать неточностей в трактовке и квалификации деяний в области азартных игр.

Кроме того, нами обнаружено отсутствие в нормативных правовых актах трактовки таких понятий, как *сеть «Интернет»* и *подвижная связь*, что ограничивает законодательный контроль над деяниями, совершаемыми с помощью электронных технологий.

На основе анализа возрастных и психологических особенностей субъекта преступления мы пришли к выводу о нецелесообразности увеличения его возрастного ценза.

Также мы полагаем, что назрела необходимость ужесточения наказания за данный вид преступления в связи с повышенной общественной опасностью, проявляющейся в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шалагин А. Е. Уголовно-правовая охрана здоровья населения в Российской Федерации: монография / под ред. Ф. Р. Сундурова. М.: Юрлитинформ, 2013. 176 с.
2. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1. Ст. 7.

3. Курс русского уголовного права / А. Лохвицкий, д-р прав. 2-е изд., испр. и доп. сведенное с кассацион. решениями. СПб.: Скоропечатня Ю. О. Шрейера, 1871. 714 с.
4. Матин А. В. Гражданско-правовое регулирование игр и пари: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.
5. Лукьяница Г. Ф. Уголовно-правовые меры борьбы с азартными играми: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1993. 23 с.
6. Авдеева Л. В. Радиотехнологии и стандарты подвижной связи (электронный ресурс). URL: <http://www.radioscanner.ru/info/article65/> (дата обращения: 25.12.15).
7. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть / А. А. Пионтковский. М.: Госюриздат, 1961. 666 с.
8. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 2 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 672 с.
9. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2-х т. / А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. М.: Издательство НОРМА, 2000. Т. 1: Общая часть. 639 с.
10. Лихолетов А. А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному игорному бизнесу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 25 с.
11. Мосечкин И. Н. Проблема определения непосредственного объекта незаконных организации и проведения азартных игр. Аналитический портал. Отрасли права. URL: <http://отрасли-права.рф/article/14415> (дата обращения: 25.01.2015).
12. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / М. И. Ковалев и др.; отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М.: Норма, Инфра-М, 1998. 516 с.
13. Курс уголовного права: в 5 томах / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. Т. 1: Общая часть: Учение о преступлении. 624 с.
14. Кольцов Е. Г. Субъект преступления в уголовном праве Российской Федерации и зарубежных стран: Сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.
15. Карпец И. И. Каким быть уголовному законодательству // Соц. законность. 1987. № 6. 16 с.
16. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998. 40с.
17. Трайнин А. Н. Уголовное право. Часть общая: учебник. М., 1929. 260 с.
18. Авдеева О. А. Незаконное предпринимательство: уголовно-правовая характеристика и ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 28 с.

УДК 343.97

Л.Р. Рашитов**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ И
ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ**

В статье анализируется структура миграционной преступности. Отдельное внимание уделяется причинам и условиям преступлений, совершаемым иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации. Автором предлагаются меры предупреждения и противодействия преступлениям в сфере незаконной миграции.

Ключевые слова: миграция, преступления в сфере незаконной миграции, личность преступника-мигранта, причины и условия преступности мигрантов, противодействие миграционной преступности, миграционная политика.

На протяжении многих веков миграция являлась неотъемлемой частью жизни людей. С древнейших времен человечество перемещалось на новые территории с целью их освоения и повышения уровня собственного благополучия. Яркими примерами адаптации людей к условиям окружающей среды можно считать Великое переселение народов (IV - VII вв.), ознаменовавшее собой коренные изменения в социальной, политической, культурной и других областях жизни европейских государств; эпоху великих географических открытий (XV - XVII вв.), породивших миграционные потоки из Испании, Португалии, Франции, Англии и Нидерландов в Америку; колонизацию Северной Америки (XVII - XVIII вв.), обусловившую истребление коренного населения континента и, как следствие, принудительную миграцию жителей Африки. Внутренние миграционные процессы России также имели специфические черты. Миграция славянских народов проходила с разной интенсивностью, однако ее общим итогом явилось освоение обширных территорий Кавказа, Волги, Урала, Сибири и Дальнего Востока [1, с. 175].

В настоящее время в условиях глобализации происходят масштабные трансформации миграционных процессов во всем мире. Этому активно способствует ухудшение политической обстановки, вызванное деятельностью международных террористических организаций, в том числе «Исламское государство». В связи с этим миграция стала одной из серьезнейших проблем современ-

ности. Миграционные потоки достигли таких масштабов, что правительства различных стран не могут игнорировать данное явление. Не является исключением и Российская Федерация. Согласно докладу ООН от 12.01.2016 года, в России находятся свыше 11 миллионов мигрантов [2].

Наиболее распространенными причинами миграции в Россию являются:

1. экономические (обусловлены стремлением к улучшению условий жизни);
2. социальные (семейно-брачные отношения, желание воссоединиться с родными, близкими);
3. политические (военные, этнические, религиозные конфликты);
4. культурные (получение образования и изучение этнических основ других народов);
5. экологические (ухудшение экологических, климатических условий);
6. медицинские (необходимость в смене места жительства по медицинским показателям).

Увеличение миграционных потоков в Россию неизбежно приводит к росту числа иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории нашей страны незаконно, что, в свою очередь, обуславливает рост преступности мигрантов: незаконная миграция является существенным фактором роста количества межнациональных и этнических конфликтов. Кроме того, миграционная преступность в начале XXI столетия стала реальной угрозой национальной безопасности Российской Федерации и других стран [3, с. 247–248].

Необходимо отметить существующую законо-

Рашитов Ленар Радикович, адъюнкт Казанского юридического института МВД России

e-mail: lenar-rashitov@mail.ru

© Рашитов Л.Р., 2016

Статья получена: 26.02.2016

мерность между интенсивностью миграционных потоков и ростом показателей преступности. Так, например, широкий общественный резонанс имели события, произошедшие 1 января 2016 года в городе Кёльне (Германия): в новогоднюю ночь около тысячи мигрантов, прибывших в данное государство из-за осложнения политической обстановки на Ближнем Востоке, совершили нападения на жителей города. С заявлениями о грабежах, оскорблениях и изнасилованиях в правоохранительные органы обратились 1049 человек [4].

Изучение статистических данных ГИАЦ МВД России демонстрирует, что преступность иностранных граждан в Российской Федерации носит циклический характер, который проявляется в периодическом изменении количественных и качественных показателей (см. таблицу 1).

Несмотря на небольшой удельный вес преступлений, совершенных иностранными гражданами

и лицами без гражданства, в общей массе зарегистрированных преступлений, становится очевидным негативное влияние данного явления на криминогенную обстановку в России. Увеличение потоков незаконных мигрантов неизбежно отражается на уровне преступности в стране и ее регионах.

Структуру и характер преступности мигрантов целесообразно рассматривать, выделяя наиболее часто совершаемые ими уголовно-наказуемые деяния (см. таблицу 2).

Значительная часть преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, относятся к категории тяжких и особо тяжких. Сложная экономическая ситуация в стране негативно сказывается на количестве общеуголовных преступлений, совершенных мигрантами (корыстные, корыстно-насильственные, насильственные преступления, связанные с незаконным завладением чужим имуществом).

Таблица 1

Состояние и динамика преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в Федеральных округах Российской Федерации (без КФО) за 2011-2015 гг. [5]

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015 (9 мес.)
Совершено иностранными гражданами и лицами без гражданства в России	40 655	39 737	44 325	42 068	34 308
Динамика преступности по отношению к АППГ (%)	-7,3	-2,3	11,6	-5,2	3,6
В Центральном федеральном округе	23 635	22 349	24 225	21 581	17 300
Динамика преступности по отношению к АППГ (%)	-11,7	-5,4	8,5	-11,0	-0,1
В Северо-Западном федеральном округе	3 353	3 649	4 675	5 379	4 068
Динамика преступности по отношению к АППГ (%)	6,0	8,8	28,1	15,1	-2,6
В Южном федеральном округе	1 980	2 240	2 686	2 710	2 841
Динамика преступности по отношению к АППГ (%)	9,3	13,1	19,9	0,9	39,9
В Приволжском федеральном округе	3 868	3 778	3 916	3 925	3 023
Динамика преступности по отношению к АППГ (%)	2,3	-2,3	3,7	0,2	-1,6
В Уральском федеральном округе	3 845	3 332	3 582	3 364	2 725
Динамика преступности по отношению к АППГ (%)	2,6	-13,3	7,5	-6,1	4,8
В Сибирском федеральном округе	2 603	2 762	3 224	3 140	2 585
Динамика преступности по отношению к АППГ (%)	-11,2	6,1	16,7	-2,6	6,1
В Дальневосточном федеральном округе	879	1 017	1 317	1 218	1 020
Динамика преступности по отношению к АППГ (%)	-14,8	15,7	29,5	-7,5	10,3
В Северо-Кавказском федеральном округе	492	610	700	751	746
Динамика преступности по отношению к АППГ (%)	-11,8	24,0	14,8	7,3	28,2

Таблица 2

Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства в РФ, дела по которым направлены в суд за 2011-2015 гг. [5]

	2011	2012	2013	2014	2015 (9 мес.)
Тяжкие и особо тяжкие	11 601	11 264	13 508	13 807	11 352
Убийства и покушения на убийства ст.ст. 105, 106, 107 УК РФ	495	457	532	462	358
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью ст. 111 УК РФ	959	1 025	1 034	995	701
Экстремистской и террористической направленности	—	14	21	41	18
Экономической направленности	4 316	2 194	3 273	2 748	2 778

Прибывая на территорию России, мигранты вынуждены решать проблемы, связанные с поиском работы, жилья и т.д. Нередко их решение затягивается на неопределенный срок, что подталкивает их к совершению преступлений и административных правонарушений. Лица, прибывшие на территорию нашей страны, вследствие плохого знания русского языка, а также российского законодательства, вынуждены обращаться к своим соотечественникам, которые порой являются членами криминальных групп (сообществ) и вовлекают их в преступную деятельность [6, с. 17]. Необходимо учитывать, что преступления в сфере незаконной миграции обладают высоким уровнем латентности.

Миграционная преступность является сложным криминогенным явлением, противодействовать которому невозможно без детального изучения ее причинно-следственных факторов.

К их числу стоит отнести:

1. Нелегальное положение мигрантов, обуславливающих высокую криминальную активность.

2. Нередко криминогенному поведению мигрантов способствует недостаточный контроль со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

3. Незаконное положение мигранта делает его не защищенным от преступных посягательств, т.е. такое лицо характеризуется повышенной виктимностью. Стремясь защитить себя, они нередко прибегают к противозаконным мерам (приобретают оружие, объединяются в группы, создают собственную систему безопасности).

4. Низкое правосознание и правовая культура мигрантов также выступают фактором совершения противоправных деяний [7, с. 35].

Условиями таких преступлений, по мнению ряда ученых, являются:

1. Недостаточное внимание со стороны государства к вопросу социализации и интеграции мигрантов в российское общество.

2. Мягкое уголовное и административное законодательство в от-

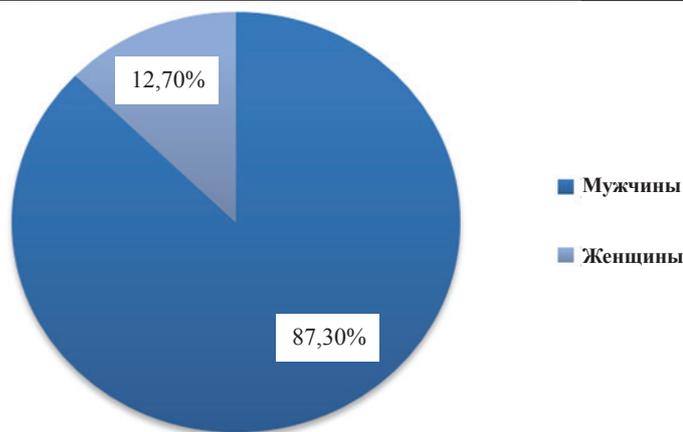

Диаграмма 1
Распределение иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления в 2011 - 2015 гг., по гендерному признаку [5]

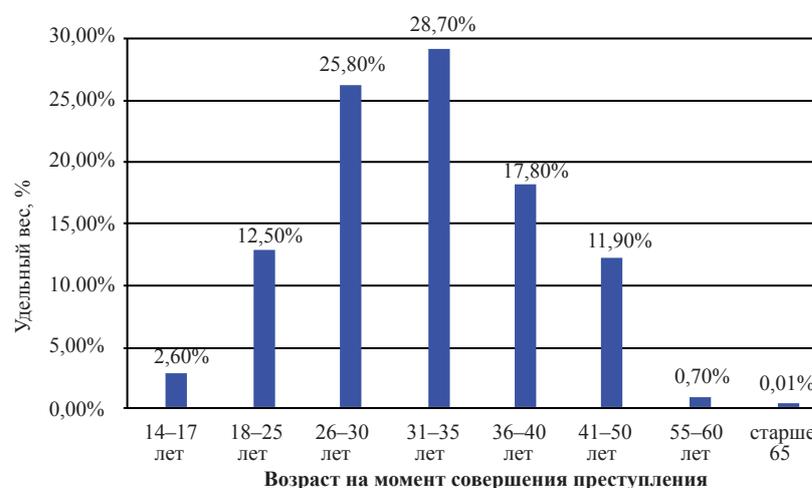

Диаграмма 2
Распределение иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления в РФ в 2011 - 2015 гг., по возрастному признаку [5]

ношении иностранных граждан и лиц без гражданства, позволяющее правонарушителю ограничиться наказанием в виде штрафа.

3. Различный уровень правовой культуры, нравственности, этических и эстетических норм [8, с. 37].

Неотъемлемой частью криминологической характеристики является личность преступника.

Традиционно в юридической науке выделяют следующие признаки личности преступника в данной сфере:

1) социальный статус, который определяется принадлежностью лица к определенной социальной группе, а также социально-демографической характеристикой (пол, возраст, образование, семейное положение и т.д.);

2) социальные функции (роли), которые включают отдельные виды деятельности лица в системе общественных отношений;

3) нравственно-психологические признаки, которые отражают отношение лица к социальным (моральным) ценностям и выполняемым гражданским обязанностям. [9, с. 80]

Необходимо отметить, что в настоящее время подавляющее число мигрантов, прибывающих на территорию России, являются лицами мужского пола (см. диаграмму 1) [10, с. 5].

Образовательный уровень иностранных граждан и лиц без гражданства на момент совершения преступления России в 2011 - 2015 гг. [5]

Уровень образования	Удельный вес, %
Начальное	0,5
Неполное среднее	29,8
Общее среднее	49,2
Среднее профессиональное	6,2
Среднее специальное	4,5
Высшее	9,8

Незаконные мигранты, привлекаемые к уголовной ответственности за совершение преступлений на территории Российской Федерации, в 87% случаев являлись мужчинами, тогда как женщины совершили 12% уголовно-наказуемых деяний. Однако преступность среди женщин-мигрантов отличается высоким рецидивом и антисоциальной направленностью.

Важным элементом криминологической характеристики личности является возраст (см. диаграмму 2).

Среди незаконных мигрантов криминально активными лицами являются граждане в возрасте от 25 до 40 лет. В возрасте 55-60 лет количество совершивших преступления незначительно. Пик криминальной активности незаконных мигрантов приходится на 31-35-летний возраст.

Наряду с такими демографическими признаками, как пол и возраст, немаловажную роль играет образовательный и интеллектуальный уровень (см. таблицу 3).

Таким образом, 75 % иностранных граждан и лиц без гражданства имеют лишь общее среднее образование. Соответственно, они используются на низкоквалифицированной и низкооплачиваемой работе.

Учитывая, что преступления в сфере незаконной миграции представляют повышенную общественную опасность, такие процессы нуждаются в постоянном отслеживании и реагировании со стороны государства, что невозможно без совершенствования профилактических мер. Представляется, что такие меры будут направлены на:

- сдерживание роста незаконной миграции;
- совершенствование законодательства с целью недопущения привлечения нелегальных мигрантов к трудовой деятельности на территории РФ;
- снижение количественных показателей совершаемых незаконными мигрантами преступлений и административных правонарушений;
- минимизацию общественно-опасных последствий противоправных действий, совершенных такими лицами;
- профилактику виктимного поведения ми-

грантов.

Следует отметить, что миграционная безопасность всегда была в центре внимания органов государственной власти и местного самоуправления. Результатом скоординированной работы в этом направлении стала Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, где указаны основные приоритетные направления деятельности правоохранительных органов [11]. Для эффективного противодействия преступлениям в сфере незаконной миграции необходим целый комплекс упреждающих мер, к которым следует отнести:

- повышение эффективности международного сотрудничества в области противодействия и пресечения незаконной миграции и связанной с ней преступности (в первую очередь со странами СНГ, ОДКБ и ЕврАзЭС) [12, с. 193];
- ужесточение ответственности в отношении недобросовестных работодателей за прием на работу иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением установленных требований [13, с. 117];
- создание единого федерального банка данных, содержащего информацию об иностранных гражданах и лицах без гражданства, с доступом для всех правоохранительных органов и возможностью оперативного реагирования на противоправные действия;
- при создании нормативно-правовой базы по противодействию незаконной миграции необходимо сделать акцент на устранении причин и условий, способствующих нарушению миграционного законодательства;
- привлечение институтов гражданского общества (дружинников, казачества, активных граждан) к профилактике противоправных деяний со стороны мигрантов [12, с. 214].

Реализация предложенных мер позволит сократить нелегальные миграционные потоки в Российскую Федерацию, а также существенным образом улучшить криминогенную обстановку в нашей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демография: учебник / под общ. ред. Н. А. Волгина. М.: Изд-во РАГС, 2003. 384 с.
2. Фомченков Т. А. Россия вышла лидеры по числу иностранных мигрантов и диаспор // Интернет-портал «Российской газеты». 2016. 12 января. URL: <http://www.rg.ru/2016/01/12/migranti-site-anons.html> (дата обращения: 12.02.2016).
3. Криминология: учебник / под общ. ред. Г. А. Аванесова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 575 с.
4. Более тысячи человек сообщили о нападениях в новогоднюю ночь в Кельне // Информационное агентство России «ТАСС». 2016. 21 января. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2603626> (дата обращения: 14.02.2016).
5. Состояние преступности в России за 2010–2015 гг.: статистический сборник // МВД России, 2015. Т. 1. 95 с.
6. Тюрюканова Е. В. Трудовая миграция в Россию // Население и общество. М.: Институт демографии, 2008. С. 16–22.
7. Кутьин А. Д. Виктимология миграционных процессов в России // Профессионал. 2007. № 2 (76). С. 35–45.
8. Шалагин А. Е. Уголовно-правовая охрана здоровья населения в Российской Федерации: монография / под ред. Ф. Р. Сундурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 176.
9. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М.: НОРМА, 2015. 800 с.
10. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под общ. ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011. 120 с.
11. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г. // Ваше право. Миграция. 2012. № 13.
12. Антонян Ю. М., Тимошина Е. М. Причины преступности в России: монография / под общ. ред. Ю. М. Антоняна. М.: ВНИИ МВД России, 2013. 348 с.
13. Кобец П. Н. Международный опыт предупреждения преступности незаконных мигрантов // PARADIGMATA POZNANI. 2014. № 2. С. 116–118.

УДК 343.13

С.В. Артёмов

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье обращено внимание на недостатки правового регулирования участия педагога в уголовном судопроизводстве. Внесены предложения по совершенствованию законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, несовершеннолетние, специалист, педагог, следственные действия, правовой статус.

Лица, обладающие педагогическими знаниями, как участники производства по уголовному делу были известны еще дореволюционному российскому уголовному судопроизводству. Закон от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости», который внес изменения и дополнения в Устав уголовного судопроизводства 1864 г., предусматривал, что по ходатайству родителей либо по требованию прокуратуры или усмотрению суда в качестве сведущих людей в судебное заседание могли быть вызваны врачи, воспитатели, учителя и вообще лица, занимающиеся или занимавшиеся воспитанием юношества. То есть педагоги рассматривались как сведущие лица, участие которых в уголовном процессе было важно для надлежащего и всестороннего исследования личности несовершеннолетнего обвиняемого с целью решения вопроса о его «разумении» [10, с. 505].

Современный уголовно-процессуальный закон упоминает педагога в связи с участием несовершеннолетнего (потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого) в проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте. Однако законодательная регламентация вовлечения и деятельности этого субъекта в уголовном судопроизводстве не идеальна. На это обращается внимание в юридической литературе, предлагаются пути разрешения наиболее сложных вопросов, возникающих в данной области правоприменения. Но законодатель в этих вопросах остается индифферентным. Это побудило и нас включиться в полемику, но с акцентом на роли педагога в защите прав и интересов несовер-

шеннолетнего потерпевшего.

Начнем с вопросов терминологии.

Федеральным законом от 2 июля 2013 г. путем внесения дополнений в ст. 5 УПК РФ было впервые в российском уголовном судопроизводстве было закреплено понятие «педагог», согласно которому это педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся. Такая дефиниция, по нашему мнению, представляется явно неудачной. Хотя бы потому, что она не позволяет, например, Заслуженному учителю России, находящемуся на пенсии, считаться педагогом как участником уголовного судопроизводства. Не может получить такой статус и работник министерства образования и социального развития, даже при условии, что он обладает высококачественным педагогическим образованием. Можно предложить и иные варианты. Не нравится нам и выражение «педагог – педагогический работник...».

Значение слова «педагог» в русском языке С.И. Ожегов определяет как лицо, занимающееся педагогической и воспитательной работой [7, с. 427]. Имеется немало слов, схожих с ним по значению. Например, учитель – лицо, которое обучает чему-нибудь; преподаватель – работник средней или высшей школы, преподающий какой-нибудь предмет; воспитатель – тот, кто воспитывает или воспитал кого-то; воспитание – навыки поведения, привитые школой, семьей, средой и проявляющиеся в общественной жизни; воспитать – вырастить, дав образование, обучить правилам поведения [7, с. 85, 505, 735].

Соотношение понятий «учитель», «преподаватель», «воспитатель» и «педагог» убеждает в их

Артёмов Сергей Викторович, адъюнкт Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
e-mail: sergei577@mail.ru

© Артёмов С.В., 2016

Статья получена: 19.01.2016

сходстве. В основе этих понятий лежит преподавательская и воспитательная деятельность. Для педагога воспитательный процесс, как и для учителя, является неотъемлемой частью его работы. У преподавателя отсутствует такое обязательное направление его деятельности, как воспитание. Однако это условно, поскольку преподавание дисциплины в средней или высшей школе уже предполагает воспитательный процесс.

Термин «педагог», используемый в уголовно-процессуальном законе, является юридическим. Поэтому его значение может несколько отличаться от общеупотребляемого. Но оно должно быть четко определено. Представляется, что правильнее и удобнее это будет сделать с учетом функции, выполняемой данным субъектом в уголовном судопроизводстве.

Для осуществления преподавательской и воспитательной деятельности необходимы специальные знания, о возможности использования которых речь идет, в частности, в ст. 58 УПК РФ, поименованной «Специалист». Это, казалось бы, дает основание считать, что понятия «специалист» и «педагог», а также суть выполняемых ими в уголовном судопроизводстве функций соотносимы как общее и частное.

Однако ознакомление с текстом указанной нормы показывает, что специалист привлекается к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, т.е. по сути, в этих словах выражается цель участия специалиста в уголовном судопроизводстве.

К деятельности педагога в уголовном судопроизводстве это отношения не имеет. Возможно, поэтому авторы одного из комментариев к Уголовно-процессуальному кодексу, поясняя содержание ст. 58 УПК РФ, не упомянули педагога как участника уголовно-процессуальных отношений [5, с. 228–229]. Это дает основание утверждать, что педагог в уголовном судопроизводстве не является специалистом в том смысле, который использован в ст. 58 УПК РФ.

Законодатель мог пойти иным путем. Так, в соответствии со ст. 96 УПК Азербайджанской Республики сформулировано следующим образом: «Специалист – это лицо, которое не имеет личной заинтересованности в уголовном процессе и с своего согласия назначено органом, осуществляющим уголовный процесс, для оказания помощи при производстве следственных и иных

процессуальных действий с использованием своих специальных знаний и умений в области науки, техники, искусства и ремесла. Педагог, принимающий участие в допросе несовершеннолетнего потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого либо свидетеля, считается специалистом». Аналогичным образом построена ч. 1 ст. 84 УПК Республики Казахстан.

В отличие от специалиста функции педагога в российском уголовном судопроизводстве законом не определены. Однако анализ юридической литературы, практики применения законодательства, самого предназначения педагога в уголовном процессе позволяет утверждать, что они (эти функции) не должны рассматриваться упрощенно, только как элемент процедуры либо только как оказание содействия следователю в производстве следственных действий. Хотя и этого игнорировать нельзя. Так, С.В. Тетюев указывает, что основной задачей педагога следует считать содействие получению полных и достоверных показаний несовершеннолетнего. Для достижения указанной цели и решения основной задачи педагогу в зависимости от ситуации нужно выполнить конкретные задачи: установление психологического контакта; создание непринужденной обстановки допроса; обеспечение оптимального эмоционального состояния подростка; оказание помощи в формулировании педагогически корректных вопросов, составлении совместного плана допроса; определение оптимальной его продолжительности; оказание содействия следователю в фиксации показаний [8, с. 13].

Нам импонирует иной подход. Так, Н.П. Дудин и С.А. Луговцева отмечают, что участие педагога в уголовном судопроизводстве обусловлено необходимостью учитывать возраст и индивидуальные психологические особенности несовершеннолетних. Педагог, являясь специалистом в области возрастной педагогики и психологии, известными ему в силу профессиональной деятельности методами и приемами способствует сглаживанию негативных последствий, связанных с дачей несовершеннолетним показаний. И в этом смысле можно говорить о защите педагогом прав и законных интересов несовершеннолетнего [3, с. 122]. Подобное мнение высказывают Г.В. Филиппенков и В.А. Лазарева, подчеркивая, что следователь обязан приглашать педагога на допрос несовершеннолетнего в целях обеспечения реальной защиты прав и законных интересов допрашиваемого, что педагог является гарантом правильного проведения допроса и обеспечения прав допрашиваемого, что он привлекается для изучения нравственно-психологических свойств подростка либо для выявления психологических

мотивов и причин его действий, решения вопроса о целесообразности проведения судебно-психологической экспертизы и определения предмета экспертного исследования, а также возможной реабилитации ребенка [9, с. 15].

Естественно, что участник уголовного процесса, приглашаемый для реализации таких функций, должен отвечать ряду требований. Указание на них, на наш взгляд, также должно стать составной частью определения педагога в уголовном судопроизводстве.

Данный вопрос в теории уголовного процесса не оставлен без внимания. Наиболее тщательно в нем попытался разобраться А.Н. Бычков [2, с. 124–131]. С учетом позиции, высказанной данным автором, а также другими исследователями, мы предлагаем свой перечень требований, которым должен отвечать педагог как участник уголовного судопроизводства.

1. Компетентность. В данном случае речь идет о наличии специальных знаний и опыта работы в данной сфере. Иными словами, педагог должен быть специалистом в сфере обучения и воспитания.

Единого мнения по этим вопросам в теории уголовного процесса не сложилось. Так, Ф. Багаутдинов считает, что педагогом в ходе расследования может быть лицо, имеющее среднее или высшее педагогическое образование, наличие которого подтверждается дипломом. Кроме того, при выборе педагога для участия в следственных действиях особое внимание необходимо обратить на его стаж работы и возраст [1, с. 44]. Более категоричен в этом вопросе А.В. Иванов, который отмечает, что в качестве педагогов необходимо приглашать лиц, имеющих высшее педагогическое образование со специализацией в области детской или подростковой психологии, со стажем работы не менее трех – пяти лет [4, с. 22–23].

Вместе с тем в юридической литературе высказано мнение о том, что педагог не обязательно должен иметь педагогическое образование, но должен иметь соответствующий опыт работы.

С одной стороны, наличие у человека диплома может указывать на обладание специальными знаниями. Хотя в современных условиях такое утверждение не всегда верно. С другой стороны – наличие многоуровневости образования, различного рода специализаций может привести к бесконечному спору и уточнениям о том, какое именно образование необходимо для педагога как участника уголовного судопроизводства.

Конечно, можно утверждать, что предпочтение должно быть отдано лицу, имеющему высшее профильное образование. Сегодня оно представлено бакалавриатом, специалитетом, магистратурой,

аспирантурой. Кроме того, человек может получить знания, предназначенные для работы в сфере дошкольного образования или, например, преподавания математики. Кого из них пригласить выполнять функцию педагога? Подобная ситуация может сложиться и с обсуждением вопроса о наличии опыта работы. Он формируется индивидуально и под влиянием многих внешних факторов (выполняемая работа, ее интенсивность, продолжительность и др.). Поэтому если какие-либо из этих требований жестко закрепить в законе, то это будет вызывать затруднения в правоприменении.

На наш взгляд, в этих вопросах необходимо предоставить следователю большую возможность использования усмотрения [6, с. 36], но при этом предложить научно-обоснованные рекомендации. Именно так определены в законе требования к личности специалиста – это лицо, обладающее специальными знаниями (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). При этом законодатель полагает, что сферу необходимых знаний, образовательный уровень этого лица, опыт его работы и прочее следователь определит сам, исходя из конкретной следственной ситуации.

Такие же суждения считаем возможным применить и к иным требованиям, предлагаемым в юридической литературе для использования при выборе педагога. Например, возраст, соответствие пола педагога полу допрашиваемого несовершеннолетнего [1, с. 44; 4, с. 23–24]. Это может рассматриваться лишь как тактический прием, которым воспользуется следователь, если посчитает это возможным.

2. Незаинтересованность в деле. Необходимость наличия такого требования очевидна. Поэтому здесь мы не будем приводить каких-либо аргументов о ее значимости. А вот вопрос о законодательном закреплении этого требования существует. В главе 9 УПК РФ речь идет об обстоятельствах, исключающих участие в производстве по уголовному делу. Среди ряда участников обозначен и специалист. Выше мы отмечали, что педагог – это лицо, обладающее специальными знаниями, но в силу особенностей правового регулирования его нельзя именовать специалистом в контексте ст. 58 УПК РФ. А поэтому и положения ст. 71 УПК РФ, регламентирующие основания и порядок отвода специалиста, формально не могут быть применены к педагогу. Для ликвидации этого правового пробела можно пойти одним из двух путей: 1) создать отдельную норму, регламентирующую вопросы отвода педагога, или 2) распространить правила ст. 71 УПК РФ на педагога. Второй вариант нам представляется более предпочтительным.

С учетом изложенного, можем предложить следующую дефиницию: педагог в уголовном су-

допроизводстве – это незаинтересованное лицо, имеющее специальное педагогическое образование и опыт работы с несовершеннолетними.

Кроме понятия педагога в законе желательно видеть законоустановления и по иным вопросам, например, о вызове и допуске этого участника к производству по уголовному делу, его правовом статусе. Обратимся к их рассмотрению.

Порядок привлечения педагога к участию в производстве по уголовному делу, по нашему мнению, может быть тем же, что и порядок привлечения специалиста. Поэтому здесь можно использовать правила, установленные ст. 164, 171 УПК РФ, включая удостоверение в личности, разъяснение прав, ответственности, порядка производства следственного действия и др.

А вот относительно прав и обязанностей, необходимы некоторые пояснения.

Статья 191 УПК РФ, определяющая особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, указывает на необходимость присутствия педагога, но ни прав, ни обязанностей этого участника судопроизводства не устанавливает. В этой норме не содержится и указания на необходимость разъяснения педагогу таких прав и обязанностей. В статье 280 УПК РФ, регламентирующей особенности допроса подростков в суде, указано, что педагог вправе с разрешения председательствующего задавать вопросы несовершеннолетнему потерпевшему, свидетелю. В соответствии со ст. 425 УПК РФ, устанавливающей правила допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, педагог вправе с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Следует отметить, что в двух последних статьях закона содержится указание о необходимости разъяснения прав педагогу. Приведенные выше положения свидетельствуют с одной стороны о пробельности в законе, с другой – о дублировании его предписаний.

Для сравнения приведем содержание ч. 3 ст. 58 УПК РФ, где указано, что специалист вправе: 1) отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если он не обладает соответствующими специальными знаниями; 2) задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя и суда; 3) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол; 4) приносить

жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права. Представляется, что такой набор прав вполне мог бы удовлетворить и педагога как участника уголовного судопроизводства. Включая и право отказаться от участия в осуществлении следственного действия, но, возможно, с несколько иной формулировкой этого положения.

И еще о некоторой непоследовательности законодательного регулирования участия педагога при производстве по уголовному делу.

В части 1 ст. 191 УПК РФ указано, что при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя.

Регламентируя производство допроса в суде, законодатель предлагает иную схему: «при участии в допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению суда и в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет участвует педагог. Допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, имеющих физические или психические недостатки, проводится во всех случаях в присутствии педагога».

Обратим внимание на то, что в первой норме речь идет о лице, не достигшем шестнадцатилетнего возраста, во втором – четырнадцати. В первом случае особенности производства действия связаны с наличием психического расстройства или отставанием в психическом развитии, во втором – при наличии физических или психических недостатков. Но речь идет об участии одних и тех же субъектов – несовершеннолетних свидетелей или потерпевших. Чем объясняются такие различия, по нашему мнению, не объяснит даже законодатель.

Статья 425 УПК РФ определяет третий вариант поведения следователя: «В допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно». Обратим внимание, что здесь речь идет только о допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого. То есть данные правила не распространены на выполнение иных следственных действий, таких как очная ставка,

опознание, проверка показаний на месте и др.

На наш взгляд, такие ситуации в законе должны быть регламентированы единообразно. При этом обратим внимание на то, что перечень следственных действий, обозначенных в наименовании и содержании ч. 1 ст. 191 УПК РФ, был изменен сравнительно недавно (Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ), причем в связи с совершенствованием правового статуса потерпевших. Очевидно, поэтому изменения не коснулись процессуального статуса несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого. Раньше в ст. 191 УПК РФ также речь шла только о допросе несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Однако многие представители теории и практики выступали за расширение перечня действий, в которых должен участвовать педагог. И предложения касались не только следственных действий, указанных в ст. 191 УПК РФ, но и осмотра местности и помещения, следственного эксперимента. Мы этот список можем дополнить производством обыска, включая личный обыск, экспертизы. А лучше предусмотреть возможность участия педагога при осуществлении любого следственного или судебного действия с участием несовершеннолетнего. К примеру, такой порядок привлечения педагога в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетнего потерпевшего законодательно регламентирован в Азербайджанской Республике (ст. 432 УПК Азербайджанской Республики).

Изложенное выше позволяет нам настаивать на необходимости создания специальной нормы, регламентирующей вопросы участия педагога в уголовном судопроизводстве. Завершая рассмотрение вопроса, мы предлагаем редакцию этой нормы.

«Статья 58.1. Педагог

1. Педагог – незаинтересованное лицо, име-

ющее специальное педагогическое образование и опыт работы с несовершеннолетними, привлекаемое в обязательном порядке при производстве следственных и судебных действий с лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет, либо по усмотрению дознавателя, следователя, суда с лицами в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, но страдающими психическими расстройствами, физическими недостатками или отстающими в психическом развитии.

2. Вызов педагога и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяются статьями 168 и 270 настоящего Кодекса.

3. Педагог вправе:

1) отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если он не обладает соответствующими знаниями или опытом работы;

2) задавать вопросы участникам процессуального действия с разрешения дознавателя, следователя и суда;

3) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол;

4) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

4. Педагог не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса».

Кроме этого, необходимо осуществить корректировку иных предписаний, в частности, содержащихся в ст. 71, 168, 191, 280, 425 УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багаутдинов Ф. Н. Ювенальная юстиция начинается с предварительного следствия // Российская юстиция. 2002. № 9.
2. Бычков А. Н. Требования, которым должен отвечать педагог, приглашаемый для проведения следственных действий с участием несовершеннолетних // Актуальные проблемы права России и стран СНГ: материалы IX Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2007.
3. Дудин Н. П., Луговцева С. А. Судебное разбирательство уголовных дел в отношении несовершеннолетних. СПб., 2005. С. 122.
4. Иванов А. В. Расследование изнасилований малолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. М.: «Юрайт», 2014.
6. Марфицин П. Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов. М., 1984.
8. Тетюев С. В. Зачем уголовному процессу педагог? // Российская юстиция. 2010. № 6.
9. Филиппенков Г. В., Лазарева В. А. Участие педагога в уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. № 6.
10. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 2.

ОТЗЫВ

о диссертации Дрожжиной Елены Алексеевны на тему «Общественная безопасность как объект преступления», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Общественная безопасность выступает одной из наиболее значимых социальных ценностей, по обеспечению которой судят о состоянии правопорядка в стране. Исторически сложилось, что каждое общество, каждое государство стремились создать безопасные условия для своего существования. Не является исключением и современный период общественного развития, при котором деятельность по обеспечению безопасности представляет собой сложноорганизованную систему. Отражаясь в общественном и индивидуальном сознании, общественная безопасность приобретает и форму внутренней ценности, что придает ей универсальный характер.

Особая актуальность правоохранительной деятельности по обеспечению общественной безопасности связана с увеличением внутренних и внешних угроз, обусловленных, в том числе, последствиями системного политического и социально-экономического кризиса, развитием националистических настроений, сепаратизма, экстремизма и международного терроризма. Надо отдать должное отечественному законодателю, который учитывает появление новых общеправовых вызовов, подтверждение чему – процессы криминализации (пенализации), усиление ответственности за террористическую, организованную преступную деятельность и т.п.

В связи с этим сложно переоценить задачу по организации научной деятельности в области обеспечения общественной и иных видов безопасности, рассматриваемую действующим законодательством, помимо прогнозирования, выявления, анализа и оценки угроз безопасности, определения основных направлений государственной политики и стратегического планирования, правового регулирования и др., в числе основных мероприятий в области обеспечения безопасности (ст. 3 Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»). Вместе с тем, как правильно отмечает соискатель ученой степени, содержание общественной безопасности в науке остается недостаточно разработанным; не в полной мере раскрытым остается вопрос о том, что же представляет собой общественная безопасность как объект преступления (с. 4-5).

Оценивая **степень разработанности** темы, автор справедливо замечает, что, несмотря на наличие значительного числа научных работ, по-

священных преступлениям против общественной безопасности, проблематика общественной безопасности затрагивается преимущественно лишь в виде составных частей исследований, посвященных изучению отдельных преступлений против общественной безопасности.

Такого рода ситуация требует комплексного анализа отношений общественной безопасности как определенной системы взаимосвязанных между собой элементов, структуры этих отношений и механизма причинения им вреда. Решение перечисленных задач позволяет заложить научную основу для логически выдержанной, корректной системы построения Особенной части УК РФ, решения вопросов квалификации соответствующей группы преступлений и т.д.

Все вышеизложенное придает избранной Е.А. Дрожжиной теме диссертационного исследования **актуальность, теоретическую и практическую значимость.**

Использование всей совокупности общенаучных и частнонаучных методов познания социально-правовой действительности, положенное в основу диссертации, позволившее рассмотреть понятие общественной безопасности как социальной ценности и объекта уголовно-правовой охраны, определить систему и общие признаки преступлений, предусмотренных главой 24 УК РФ, обеспечило высокое качество представленных в диссертации суждений.

Их **достоверность и обоснованность** в известной степени подтверждена также результатами апробации материалов диссертации. Основные итоги проведенного исследования докладывались на нескольких научных форумах (в том числе и международного уровня), отражены в шести научных публикациях, в том числе в четырех статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации. Достоверности результатов исследования в немалой степени способствуют и солидные нормативная, теоретическая и методологическая основы диссертации.

Вместе с тем огорчает отсутствие сведений об использовании социологического метода исследования (анкетирование, экспертный опрос и др.), что, несомненно, повысило бы достоверность и обоснованность выводов, сформулированных в

диссертации.

Также не приводятся в работе данные о внедрении результатов проведенного исследования в практическую деятельность, в то время как, согласно п. 10 постановления Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», диссертации, имеющие теоретический характер, должны включать сведения и рекомендации по использованию научных выводов.

Научная новизна результатов диссертационного исследования связана в первую очередь с небезуспешной попыткой сформулировать понятие общественной безопасности как социальной ценности и объекта уголовно-правовой охраны, поставить вопрос об отнесении общественной безопасности к комплексным (сложным) объектам преступления, рассмотреть структуру общественных отношений по обеспечению общественной безопасности как объекта преступления.

Автор выступает сторонником традиционного подхода понимания объекта преступления, делая вывод о том, что из всех существующих теорий лишь концепция «объект преступления – общественные отношения» способна позволить данному элементу состава преступления надлежащим образом выполнять закрепленные за ним функции (с. 9). В свою очередь преимущество общественного отношения перед иными явлениями, претендующими на признание их объектом преступления, заключается в сложной многокомпонентной структуре общественного отношения, включающей в качестве составных элементов участников отношения, взаимосвязь между ними и объект (предмет) отношения (с. 71). Тем не менее, как представляется, рассматривая интерес как «окрашивающий элемент» общественного отношения (с. 71), диссертант принижает его значение. Скорее интерес – это ядро общественного отношения. В некоторых случаях не само общественное отношение, а охраняемый законом интерес может выступать объектом преступления (например, жизнь как социально значимый интерес при убийстве).

Кстати, среди основополагающих концепций, определяющих содержание современных научных исследований в области безопасности личности, общества и государства, выделяется «концепция национального интереса» как потребности обеспечения национальной безопасности и условий для самосохранения и развития общества.

Ставя под сомнение тезис об утрате объектом преступления своего значения для квалификации, автор в качестве подтверждения приводит правоприменительную практику, в которой данный

элемент состава используется для отграничения преступного от непроступного, для решения вопроса о наличии или отсутствии совокупности преступлений, иных проблем, возникающих в процессе квалификации преступлений (с. 53).

Изучив вопрос о соотношении понятий «объект преступления» и «объект уголовно-правовой охраны», Е.А. Дрожжина пришла к выводу о том, что данные понятия не следует разрывать: все, что учитывается применительно к объекту преступления, должно быть применимо и к объекту уголовно-правовой охраны (с. 57).

Логически выверенной представляется и предложенная соискателем классификация преступлений против общественной безопасности. Во-первых, автор выделяет преступления, связанные с общими правилами безопасности (ст. 205–212.1, 227 УК РФ), которые подразделяет на преступления террористической направленности (ст. 205–207, 211, 227 УК РФ), преступления, связанные с созданием и функционированием организованных групп и сообществ (ст. 208–210 УК РФ), преступления, связанные с преимущественным воздействием на общественное спокойствие (ст. 212–213 УК РФ). Во-вторых, преступления, связанные с функционированием производств и выполнении работ, характеризующихся высокой степенью опасности (ст. 215–217.2, 219 УК РФ). В-третьих, преступления, связанные с незаконными действиями с общепасными предметами (ст. 218, 220–226.1 УК РФ) (с. 108). Вместе с тем возникают сомнения в обоснованности отнесения тех или иных составов к определенной классификационной группе. Так, сложно согласиться с признанием преступлением террористической направленности заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), совершаемого в подавляющем большинстве случаев из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений, а также пиратства (ст. 227 УК РФ), именуемого в международной практике «морским разбоем» и сопряженного, как правильно отмечается соискателем в дальнейшем, с причинением материального ущерба, нарушением безопасности судоходства, угрозой для безопасности окружающей природной среды и т.д. (с. 144). Думается, что в данном вопросе следует учитывать положения примечания 1 к ст. 205.1 УК РФ, в котором законодатель приводит перечень соответствующих преступлений (хотя и прямо не называя их преступлениями террористической направленности).

Характеризуя социально-психологическую сторону общественной безопасности, автор акцентирует внимание на том, что она должна пред-

ставлять собой не только определенный уровень защищенности интересов общества, но и соответствующие субъективные ощущения членов общества, основанные на их оценке степени защищенности своего настоящего и будущего положения (с. 121). Другими словами, безопасность – это баланс между ощущениями человека и окружающей его реальностью. Как правильно писал в свое время научный руководитель диссертанта В.С. Комиссаров, «социальная функция общественной безопасности выражается в том, что она формирует определенное эмоционально-психологическое состояние общества, в котором доминирует уверенность членов общества в защищенности общества в целом и конкретного гражданина от общественно опасных посягательств, неприкосновенности основных социальных благ». Рассуждения о приоритете психологической составляющей приводят Е.А. Дрожжину к интересному выводу о некоей закономерности при конструировании составов преступлений, описанных в главе 24 УК РФ, большинство из которых формальные или усеченные (с. 122).

В актив автору можно занести и небезуспешную попытку решения проблемы отграничения общественной безопасности как сложного объекта преступления от многообъектности преступлений, и соответственно отличия посягательств на общественные отношения, объединенных в рамках общественной безопасности как комплексном объекте преступления, от посягательств на такие отношения как на самостоятельные объекты преступления. Говоря о комплексном характере общественной безопасности, в качестве главной предпосылки такого вывода автор называет свойственную преступлениям против общественной безопасности общую (всеобщую) опасность, которая представляет одновременную угрозу для многих как в качественном, так и в количественном понимании общественных отношений (с. 146). Действительно, в рамках общественной безопасности может обеспечиваться уголовно-правовая охрана жизни, здоровья, свободы, конституционных прав и свобод человека, собственности, деятельности социальных институтов, безопасности государства, экологической безопасности и других общественных отношений; при этом применительно к разным преступлениям против общественной безопасности комплексы непосредственно охраняемых отношений отличаются.

Существующая в теории позиция о признании общественной безопасности комплексным объектом преступления и, соответственно, об отсутствии необходимости дополнительной ква-

лификации преступлений против общественной безопасности по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления, имеющие объекты посягательства, охватываемые комплексом отношений общественной безопасности, поддерживается Е.А. Дрожжиной. При этом она правильно отмечает, что данное правило в практической деятельности не срабатывает и не применяется во всех случаях при квалификации преступлений (с. 148). Данный тезис иллюстрируется примерами из правоприменительной практики.

Совокупность отмеченных положений и выводов, обладающих необходимыми признаками научной новизны, образует целостную теоретическую концепцию общественной безопасности как объекта преступления, обладающую потенциалом методологической основы для последующих научных исследований.

Положительно оценивая научную работу Е.А. Дрожжиной, вместе с тем следует отметить, что некоторые ее суждения вызывают критические замечания, что может стать поводом для дискуссии в процессе публичной защиты, а некоторые положения представляются не вполне убедительными. Помимо уже обозначенных выше, обратим внимание на следующее.

1. Очерчивая научную новизну проведенного исследования, диссертант пишет, что оно представляет собой *первое* комплексное исследование проблематики общественной безопасности как объекта преступления (с. 7). Такой категоричный вывод в известной степени является преувеличением, поскольку теоретические основы познания общественной безопасности как социально-правовой ценности и объекта уголовно-правовой охраны были заложены научным руководителем Е.А. Дрожжиной – профессором Комиссаровым Владимиром Сергеевичем. Российской юридической общественности хорошо известна его докторская диссертация «Преступления, нарушающие общие правила безопасности: понятие, система, общая характеристика» (1997 г.), определившая на долгие годы вектор не одного уголовно-правового исследования указанной проблематики.

2. Автор вполне обоснованно затрагивает вопрос о месте нормы об ответственности за контрабанду культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов (ст. 226.1 УК РФ). В положении 7, выносимом на защиту, делается вывод о необходимости исключения данной нормы из главы 24 УК РФ. Аргументируется это тем, что «у культурных ценностей, особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов свойства, которые

могли бы обуславливать отнесение контрабанды данных предметов к преступлениям против общественной безопасности, отсутствуют, а потому данные преступления не могут относиться к преступлениям против общественной безопасности» (с. 118). Вместе с тем остается непонятным: предлагается ли предусмотреть указанные деяния в самостоятельной статье УК РФ; если да, то каково должно быть ее место в системе Особенной части УК РФ.

3. Анализируя понятие общественной безопасности в ретроспективном аспекте, Е.А. Дрожжина утверждает, что в отечественном уголовном законодательстве оно используется, начиная с Уголовного кодекса 1922 года (с. 98). Вместе с тем, полагаю, в этом вопросе было нельзя обойти вниманием такие фундаментальные законодательные акты Российской империи, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовное уложение 1903 г. Например, глава третья Уложения о наказаниях уголовных и исправительных именовалась «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановления» и содержала ряд норм, аналоги (или прообразы) которых существуют и в действующем УК РФ. Кстати, в дальнейшем соискатель совершенно справедливо указывает на нарушение общественного спокойствия при характеристике преступлений против общественной безопасности (с. 124, 125).

Следует также отметить, что соответствующее уголовно-правовое регулирование осуществлялось не только в рамках указанных уложений, но и других нормативных правовых актов. Так, согласно Именному высочайшему указу Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах от 4 марта 1906 г., воспрещалось создание обществ, преследующих цели, противные общественной нравственности или воспрещенные уголовным законом, или же угрожающих общественному спокойствию и безопасности. В другом документе аналогичного уровня – Именном высочайшем указе Правительствующему Сенату о временных правилах о собраниях, датированном этим же числом, содержались нормы, предупреждающие гражданские беспорядки – «публичные собрания, цель и предмет занятий которых противны уголовным законам, либо общественной нравственности, или устройство которых угрожает общественному спокойствию и безопасности».

4. Не совсем понятным представляется тезис о соотношении понятий «общественная безопасность» и «общественный порядок». Сначала

автор ссылается на отсутствие возможности полноценно рассмотреть содержание *общественного порядка* «из-за ограниченности объема данного исследования», а далее почему-то обращает внимание на отсутствие препятствий к рассмотрению *общественной безопасности* как составной части родового объекта преступлений, предусмотренных разделом IX УК РФ (с. 105). Хотелось бы, чтобы Е.А. Дрожжина уточнила этот тезис в процессе публичной защиты. Если здесь закралась ошибка и во втором случае имелся в виду общественный порядок (как часть родового объекта преступлений, предусмотренных разделом IX УК РФ), то тогда все встает на свои места.

5. Рассматривая вопрос об объекте организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем (ст. 208 УК РФ), диссертант утверждает, что, пока в диспозиции ст. 208 УК РФ не обозначены цели вооруженного формирования, сводить деятельность таких формирований исключительно к антигосударственной деятельности нельзя (с. 126). Данный аргумент представляется не слишком убедительным. При решении вопроса об объекте организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем следует исходить не столько из содержания статьи 208 УК РФ (которую большинство специалистов оценивают как неудачно сформулированную с точки зрения законодательной техники), сколько из ее правоприменительного потенциала. А практика говорит о том, что незаконные вооруженные формирования создаются, в большинстве случаев, именно для совершения преступлений против основ конституционного строя (насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж и др.).

Антиконституционный характер данного преступления подчеркнул и Пленум Верховного Суда РФ в п. 23 постановления от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», где в числе целей, с которыми создаются незаконные вооруженные формирования, указано насильственное изменение основ конституционного строя или нарушение целостности Российской Федерации.

Вышеуказанные замечания, как видно из их содержания, во многом дискуссионны и не влияют на общую положительную оценку диссертации.

На основании изучения текста диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно заключить:

1. Работа Е.А. Дрожжиной «Общественная безопасность как объект преступления» пред-

ставляет собой самостоятельно выполненное, логически цельное, аргументированное исследование важной уголовно-правовой проблемы, результаты которого имеют значение для развития отечественной юридической науки и практики противодействия преступности.

2. Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным ч. 2 п. 9 Положения

о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

3. Автор диссертации – Елена Алексеевна Дрожжина – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Официальный оппонент:

Агапов Павел Валерьевич, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

ABSTRACTS AND KEY WORDS

Karnaushenko L.V. Racial and Marxist theory of state in the social reality of the early XXI century

Among of many theories of state the Marxist and the racial theories are stood out which affirm the necessity and expediency of the use of violence against certain segments of society. Taking forward racial-ethnic or social class groups as «targets» for the implementation of violent actions, the representatives of these theories proclaim, therefore, an effective way of building a «perfect» state. Despite of the fact that in the early XXI century Marxist and race theory of the state lost some of its scientific, ideological and practical potential is not possible to argue that they were merely a part of history and their Renaissance will never take place.

Keywords: state, theories of the state, transforming society in the beginning of XXI century racial theory, Marxist theory.

Belov E.A. The study of informal employment in the dynamics of the statistical analysis and qualitative research methods

In this article the informal employment in the context of quantitative and qualitative research methods are analyzed. Here some numerical indicators of the economic impact of this type of activity are demonstrated. The individual determinants of informal labor relations are illustrated. The cause of hampering the functioning of labor standards established by law is determined. The position of the penetration of informal employment in the modern system of public administration and the acquisition of its well-established in the public consciousness forms are discussed.

Keywords: informal employment, labor relations, labor market, sociological methods, focus group study.

Gotchina L.V., Grigoryev A.G. Legal appraisal of management relations of coordination of environmental activities and interaction within the competence of the border authorities

The article gives a legal assessment of the coordination of environmental protection activities in the implementation of the border, cooperation in its implementation. The main results of the research are: identification of trends of development of coordination and interaction; direction of improving the system of legal regulation of environmental protection in the implementation of border activities.

Keywords: environmental protection, border activities, coordination of activities, the organization of interaction.

Rogova E.V. Place of the doctrine of criminal responsibility of differentiation in the science of criminal law

The article deals with the doctrine of criminal responsibility differentiation as a private criminal legal theory. The basic stages of emergence of prerequisites for the formation of this doctrine are considered. The subjects of the content of the criminal liability of the differentiation of teaching, as well as its methodological basis are determined. The relationship of this doctrine with other private theories of criminal law theory is based and interdisciplinary communication is distinguished.

Keywords: teaching the science of criminal law, private criminal legal theory, the differentiation of criminal responsibility.

Shaydullina E.D. The smuggling of alcoholic products (Art. 200.2 of the Criminal code of Russian Federation): criminal law characteristic and qualification questions

In this article the concept of smuggling, the criminal law characteristics of Article 202 of the Criminal code of Russian Federation are defined. The subject of which are alcoholic products, also in the article the qualification issues of criminal law standart and attempts to resolve them on the basis of existing legislation and the current enforcement practices are made.

Keywords: smuggling, alcoholic products, Customs Code of the Customs Union, criminal act, corpus delicti, the criminal law of the qualification.

Shalagin A.E., Usmanov I.M. The modern narcosituation in the Russian Federation: trends, forecast, countermeasures

The article analyzes the modern drug situation in Russia and Republic of Tatarstan. The causes and conditions of drug trafficking are distinguished. Special attention is paid to the prevention of the spread of new potentially dangerous psychoactive substances. Criminological forecast of development of the drug situation in the country is made. The measures aimed at prevention (minimization) of drug abuse and addiction are suggested.

Keywords: illicit drugs, designer drugs, new potentially dangerous psychoactive substances, narcotics, drug crimes, drug prevention.

Hatuaeva V.V. Some questions of the determination of the place of the institute of rehabilitation in the system of the criminal procedure right

The article considers questions of the correspondence to the totality of the lawful standards, which regulate the institute of rehabilitation, to the general criteria of the institutionalization of their totality, existing both in the theory of law, and in its separate branches. The author analyzes the doctrinal interpretations of concept "rehabilitation", underlining the essential signs, which characterize the content of the corresponding juridical relationships.

The keywords: rehabilitation, lawful institute, the compensation of property harm, justificative sentence, the decision about the curtailment of criminal case.

Dubrovin S.V. General provisions of gabitology - forensic doctrine about human appearance

This article observes concepts of gabitology as a forensic doctrine (private forensic theory).

Key words: gabitology, gabitoscopia, forensic identifying, forensic diagnosis, forensic classification, identified and identifying objects, diagnosed and diagnoses objects.

Kolosovich M.S. Current issues of the procedural regulation of covert production and interaction of the investigator with the staff of the operational units

In spite of the changes in the Criminal Code of the Russian Federation the modern procedural regulations in interactions between investigators and operative units police workers can't completely provide the efficiency of investigating and solving crimes. The author has studied the mentioned interactions and offer to integrate into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the rules regulating the operational-investigative activity, to enhance the investigator's authority by the law of controlling the operational-investigative activity executing at his instructions and also at the stage of instituting criminal proceedings to create the operational investigative group consisting of operative and operative-technical units police workers. In the research the results of law enforcement activity in procedural interactions are studied and the aspects of undisclosed procedural activity on the criminal case.

Key words: interactions, operational investigative group, undisclosed procedural activity, operational-investigative activity.

Nurutdinov I.I. The History and perspectives of combating wahhabism in Russian Federation

Being based on retrospective analysis, the article evaluates the steps that have been taken to counteract wahhabism in Russia and proposes the further perspectives in the field.

Key words: religious extremism, radical movements, wahhabism, wahhabism counteraction? Combating extremism.

Gribunov O.P. Technical and criminalistic ensuring the disclosure and investigation of crimes: some aspects of the current condition

The article presents some aspects of modern technical and forensic ensure disclosure and investigation of crimes. An overview of modern technical means is held.

Key words: technical and forensic tools, expertise, investigation of crimes.

Belyaev V.A., Ivanova I.A. Sociopolitical Views of Regional War Veterans

This article contains analysis of war veterans' estimations of social service functions, other socio-economical, ideological and political problems in our country and region. The authors substantiated causes of paternalist, social and anti-market position of veterans, differences in views of veterans of the Great Patriotic and local wars, their dispersion in types of settlements and ethnicity.

Key words: veterans of the Great Patriotic War and posterior local wars, social service of veterans, communicative functions of service, needs in social relief as a foundation of paternalist, social and anti-market position of veterans.

Petrov V.E., Maltseva T.V. Study of models of assessment and forecasting of the image of employees dorozhno-patrol service

The article is devoted to the research of the image of employees of the road-patrol service of the state traffic Inspectorate. Using questionnaires determined the current image of employees of the road-patrol service and diverse factors, influencing it significantly are determined. The results of the research can be used in the development of expert systems designed to support management activities in the departments of the state traffic inspectorate.

Article keywords: image, evaluation, prediction, mathematical model, dynamic multidimensional model of image, assessment, the traffic police, the employee or road-patrol service.

Sirotkin Y.L. Man as a historical personality

The subject and the social and historical individuality in the unity of their existence are analysed. It is shown that the study of the historical personality is possible to reconstruct the inner world of man, his spiritual essence and world-view. The role of ontological reflection in the evolution of the social subject is shown. The dichotomy of the person is identified in the concepts of chaos and harmony. Selected critical and organic epochs of human evolution as a historical personality are also shown. The conclusion is formulated about the historical process caused by the assertion of spiritual values. In praxeological terms, this means effective use of human potential in ensuring the national security of Russia.

Keywords: person, personality, identity, historical identity, spirituality, national security.

Voronin S.E., Kuznetsova S.M. The psychological portrait of the organizer of criminal community

The article based on the study of the personality of the most famous organizers of criminal communities considers issues arising in connection with the investigation of criminal cases on crimes committed by personalities. To optimise the investigation and to take into consideration the identified features, the authors develop a psychological portrait of the organizer of criminal community for certain types of crimes.

Keywords: criminal community, psychological characteristics of personality, forensic psychiatry

Svezhentseva I.B. Influence of collective interaction on the process of formation of professional-moral stability of students in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The characteristics of collective interaction and internal-group relations between the cadets and listeners of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia are analyzed in the article. The processes of the impact of the group on personal development of future professionals-lawyers, on their behaviour, on the efficiency of educational-professional activity are characterized. Socializing and educational influence of student group on the process of professionally-moral stability formation of police officer personality in the University of the Ministry of the interior are determined. Signs of relatively stable small group are revealed.

Key words: professional-moral stability, internal-group relationships, personal development, small group, teamwork, stability structure, professional development.

Loschinkin V.V. To the question of the nature of the legal compulsory medical measures

In the article a doctrinal interpretation of compulsory medical measures that are given to scientists in the scientific and educational literature on criminal law is analyzed. Because the common understanding of the legal nature of these measures will establish the fact of termination of a formation of the institution of compulsory medical measures as consisting of the institution of the Russian criminal legislation, as well as to develop measures to improve criminal law, if the interpretation is different.

Keywords: compulsory medical measures; The Criminal Code of the Russian Federation; a person presenting a risk to his mental state.

Chernyakov S.A. The latency of fraud committed with the use of bank guarantees

In the article the author, based on the analysis of statistical data received during the study calculated the state and level of latency fraud committed in the field of ensuring the fulfillment of obligations by bank guarantees. We describe the essential factors that determine the latency of this type of crime. It is concluded that there are measures needed to reduce it.

Keywords: government orders, trades, bank guarantee, fraud latency.

Rusinov I.A. The signs of the objective side of wrongful acts at bankruptcy and criminal - legal evaluation (Part 1, Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation)

In this article the question of the object of the crime of bankruptcy, and also details of optional features of the objective side of the criminal offence is examined.

Keywords: bankruptcy, transfer, concealment, disposition, property rights and duties, destruction of property, bookkeeping and accounting records, falsification of documents.

Avdeeva E.V. An innovative-development of computer-based psycho-diagnostics workstation of Psychologist of Interior PsychoTest

In the article the possibility of workstation of psychologist «PsychoTest» and especially its use in conducting of psycho-diagnostics of surveys personnel of the Interior are discussed.

Keywords: computer psychodiagnosics, workstation of psychodiagnostman «Psycho Test» («Psychotest»).

Nefedev A.S. About influence of the characteristic of the identity of a criminal and his victim on disclosure of murders of the last years

In the article the current state of disclosure and murders of the last years are analyzed. The author focuses

the attention on the characteristic of the identity of a criminal and his victim as it has an essential value at disclosure of crimes of this category.

Key words: murders of last years, disclosure, characteristic of the personality, criminal, victim.

Butinov K.V. The role of civic-patriotic values in training police officers

This article deals with the problem of the development of civil qualities of future police officers in difficult conditions of modern political, economic and socio-cultural changes in the country and in the world. The role of civic values, and especially patriotism integrated into training system and the development of personal qualities of an officer – defender of law, constitutional rights and freedoms, security of the fatherland. It is proposed to use the potential of the cultural and recreational institutions for development of motivated civil and patriotic qualities of students-future police officers.

Keywords: civic values, protecting the homeland, personal qualities of police officer, socialization, patriotism, role of culture and leisure institutions.

Kormil'tseva S.O. Criminal responsibility for illegal organization and conduct of gambling

In the article the provisions of the criminal law, provided responsibility for the illegal organization and conduct of gambling, features of subjects of the crime, suggestions of possible ways of improvement of the analyzed standards are examined.

Keywords: gambling, information and telecommunication network «Internet», the criminal liability.

Rashitov L.R. Criminological characteristics of crimes in sphere of illegal migration and their prevention

In the article the structure of migration crime is analyzed. Special attention is paid to the causes of conditions of crimes committed by foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation. The author proposes measures of prevention and counteraction to crimes in illegal migration's sphere.

Keywords: migration, crimes in the sphere of illegal migration, the criminal-migrant's identity, the conditions and causes of migrant's crime, counteraction to immigration crime, migration policy.

Artemov S.V. To the question of legislative regulation of the educator's participation in the criminal justice process

In article the attention is paid to shortcomings of legal regulation of the educator's participation in the criminal justice process. The suggestions for improvement of the legislation in this sphere are made.

Key words: criminal justice process, minors, a specialist, an educator, investigative acts, legal status.